

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВ

...ЗА КАЖДЫМ СЛОВОМ СТОИТ ЦЕЛЫЙ МИР

Сборник научных статей, посвященный юбилею
профессора кафедры немецкой филологии СПбГУ,
доктора филологических наук

Светланы Михайловны Панкратовой

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

ББК 81.2Нем
З-12

Рецензенты: д-р филол. наук, доц. *С. Т. Нефедов* (С.-Петербург. гос. ун-т),
д-р филол. наук, проф. *В. В. Наумов* (С.-Петербург. гос. политех.
ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Факультета филологии и искусств
С.-Петербургского государственного университета*

3-12 «...**За каждым словом стоит целый мир**»: Сбор-
ник научных статей, посвященный юбилею профессора ка-
федры немецкой филологии СПбГУ, доктора филологи-
ческих наук Светланы Михайловны Панкратовой / Сост.
К. А. Филиппов, К. В. Манерова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб.
ун-та, 2010. — 159 с.
ISBN 978-5-288-04998-9

Сборник научных статей по актуальным проблемам немецкой лексикологии посвящен юбилею видного отечественного лексиколога, тонкого знатока «немецкого слова» Светланы Михайловны Панкратовой. В статьях представлены темы, изучение которых продолжает традиции лексикологических исследований кафедры немецкой филологии СПбГУ. В качестве названия сборника выбрана цитата из работы юбиляра: «...за каждым словом стоит целый мир». Это высказывание профессора С. М. Панкратовой как нельзя лучше выражает центральную идею представленных научных статей, авторами которых являются коллеги и ученики юбиляра.

Издание рассчитано как на специалистов-филологов, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами современной лексикологии.

ББК 81.2Нем

Издание осуществлено
на средства внутреннего гранта
Факультета филологии и искусств СПбГУ

- © Авторы статей, 2009
- © К. А. Филиппов, К. В. Манерова,
сост., 2009
- © Факультет филологии и искусств
С.-Петербургского государственного
университета, 2009

ISBN 978-5-288-04998-9

СЛОВО В МИРЕ ТЕКСТА И ЧЕЛОВЕКА (вступительная статья)

Сборник научных статей по лексикологии немецкого языка посвящен юбилею видного отечественного филолога, тонкого знатока «немецкого слова», профессора кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета Светланы Михайловны Панкратовой. Более пятидесяти лет своей жизни Светлана Михайловна посвятила Университету: это учёба на немецком отделении филологического факультета, аспирантура, педагогическая и научная деятельность, в том числе 13 лет заведования кафедрой немецкой филологии. С. М. Панкратова — автор более 80 печатных работ, среди них монографии, научные статьи, а также учебно-методические издания. Сфера научных интересов С. М. Панкратовой весьма обширна и включает лексикологию, фразеологию, лексикографию, словообразование, семантику, теорию валентности, историю языка.

Лексикологические исследования на кафедре немецкой филологии имеют многолетнюю историю: начало изучению немецкой лексики положено в ряде работ выдающихся германистов — Виктора Максимовича Жирмунского, Льва Рафаиловича Зиндера, Татьяны Викторовны Строевой. Затем это направление активно развивали Юрий Николаевич Афонькин, Владимир Александрович Михайлов, Светлана Михайловна Панкратова и др. Рассмотрение актуальных проблем немецкой лексики в статьях настоящего сборника продолжает традицию петербургской германистики и одновременно представляет собой современный вектор развития филологической науки.

В качестве названия сборника выбрана цитата из работы С. М. Панкратовой — «...за каждым словом стоит целый мир». Это

высказывание профессора С. М. Панкратовой как нельзя лучше выражает центральную идею представленных научных статей, авторами которых являются коллеги и ученики юбиляра.

Статья Светланы Михайловны Панкратовой «Системность в развитии словарного состава современного немецкого языка» содержит концептуальные положения о системности, стабильности и интенсивности развития лексических новаций, которые отражают сложное переплетение процессов словообразования, с одной стороны, и заимствования — с другой. Рассуждения С. М. Панкратовой о закономерностях, сложной системе взаимосвязей и взаимовлияний, тесном взаимодействии всех видов лексических единиц между собой предваряют статьи сборника, разные по тематике, но общие по области исследования.

В статье заведующего кафедрой немецкой филологии СПбГУ, профессора К. А. Филишова «О слове и месте словообразования в немецкой грамматике (размышления над конспектом лекций Л. Р. Зиндера)» прямо говорится о значении преемственности в филологической науке, о необходимости истинной интерпретации взглядов ученых на слово как основную единицу языка. Знаменитая фраза Л. Р. Зиндера «Слово уже и есть язык», ставшая лейтмотивом данной статьи, находит свой отклик как в названии всего сборника, так и в статьях его авторов.

В размышлениях Л. Н. Григорьевой «О своеобразии лексического наполнения потребительских текстов» представлены особенности лексики текстов указанного типа. Автор старается получить ответ на вопрос, что «может сказать» лексическое наполнение текста о самом авторе как человеке говорящем.

Л. И. Подгорная в статье «Лексико-семантический компонент “эмоция” в современном немецком языке (на материале романа Э. Кестнера “Фабиан”» рассматривает языковые средства выражения и описания эмоций, «эмоциональный концепт» в рамках антропоцентрической парадигмы лексикологии как формирование представлений о способе выражения эмоций, их объективацию в системе языка и соотнесение с конкретными ситуациями на примере литературного произведения.

Статьи Т. В. Пономаревой «Функционирование немецкой лексики в русском языке XVIII–XIX веков (на примере тематической группы “Одежда”» и Г. В. Снежинской «Из наблюдений за иноязычными (немецкими) вкраплениями в некоторых русских текстах научных статей и литературных произведений» по-

священы актуальной на протяжении веков теме — заимствованию «чужого слова», а в данном случае — немецким вкраплениям в русском языке, наделению этих лексических единиц русскими словообразовательными элементами и грамматическими категориями.

В центре внимания статьи М. И. Тимофеевой «Стилизация ранненововерхнемецкой поэзии в творчестве Р. Вагнера» проблема художественной стилизации. Предметом анализа является своеобразие либретто Р. Вагнера — его содержание и поэтическая форма. Р. Вагнер, описывая состязания мейстерзингеров, создает свое либретто, стилизуя его язык в соответствии с принципами построения стиха мейстерзингеров XVII–XVIII вв.

Ученики профессора С. М. Панкратовой, бывшие и нынешние аспиранты (многие из них стали опытными преподавателями) Е. В. Богомягкова, Е. А. Ковтунова, К. В. Манерова, А. В. Мельгунова, А. Н. Прудывус, В. С. Унагаев, А. С. Филимоненко, В. П. Шадеко в своих статьях, включенных во вторую часть сборника, рассматривают широкий круг вопросов исторической и современной лексикологии.

В статье Е. В. Богомягковой «Семантика этнонимов в составе фразеологических единиц» исследуется фразеобразовательный потенциал этнонимов как лексико-семантической группы на фоне общей проблемы сочетаемости лексических единиц, т. е. речь идет о синтагматических отношениях, которые устанавливаются при комбинировании слов и существуют в рамках более крупных языковых единиц: словосочетаний, предложений.

Статья Е. А. Ковтуновой «Новые значения как результат игры слов» посвящена коммуникативному изучению семантической динамики слова на фоне текстового языкового комизма как её условия (фона), или языковому анекдоту. Ярким воплощением творчества языковой личности при создании (восприятии) игры слов в условиях языкового анекдота считают различные случаи смысловой двуплановости знака, спровоцированной контекстом.

В статье К. В. Манеровой «Историческое развитие сокращений в немецком языке» рассматриваются этапы возникновения и становления сокращений как древнейшей словообразовательной модели в немецком языке, в частности связи германской модели редукции слов с древнегреческой и латинской.

Вариативности номинаций в тексте посвящена статья А. В. Мельгуновой. Вариативность номинаций свойственна всем типам текста

и представляет собой процесс, в котором задействованы различные лексические единицы.

А. Н. Прудывус посвящает свою статью номинативному статусу эвфемизмов, в частности особенностям эвфемистической номинации, явлению табуированности денотатов, тенденции к постоянному обновлению эвфемистических номинаций.

В. С. Унагаев, являющийся в настоящее время аспирантом С. М. Панкратовой, рассматривает структурно-семантическую характеристику аэрокосмических субстантивных композитов современного немецкого языка, а именно словообразовательные модели, свойственные данному пласту терминологической лексики.

С. А. Филимоненко в статье «Структура значения звукоизобразительных слов немецкого языка» размышляет над особенностями семантических свойств и структуры лексического значения немецких ономатопов, исходя из общепринятой трактовки лексического значения как трехчастной структуры, включающей денотативный, сигнификативный и прагматический компоненты.

Статья В. П. Шадеко «Источники возникновения некоторых фразеологических единиц немецкого языка» носит описательный характер, в ней перечислены области, служащие богатым источником фразеологических единиц, такие как охота, ремесло, военная и рыцарская жизнь и др. Статья обильно иллюстрирована примерами из произведений классиков немецкой литературы.

Завершает настоящий сборник очерк, в котором представлены основные вехи жизненного и творческого пути авторитетного специалиста в общей теории языка, немецкой лексикологии и фразеологии Светланы Михайловны Панкратовой. Помимо данного очерка о С. М. Панкратовой можно прочитать в следующих источниках:

Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Биобиблиографический словарь. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та: Материалы к истории факультета / Авт.-сост. И. С. Лутовинова; Отв. ред. С. И. Богданов. — 4-е изд. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2008.

Профессор Светлана Михайловна Панкратова. Юбилейное издание / Сост. Е. А. Ковтунова, К. В. Манерова, А. Н. Прудывус. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

К. А. Филиппов, К. В. Манерова

Системность в развитии словарного состава современного немецкого языка

Все лингвисты подчеркивают исключительную интенсивность развития словарного состава, которая проявляется прежде всего в возникновении множества новых лексем. Это особенно бросается в глаза, если сравнить количество лексических неологизмов с новациями в области фонетики и грамматики. Подсчитано, что в год возникает более 1000 новых понятий и почти столько же новых слов. Современные лексикографические издания в Германии достаточно быстро и полно отражают эти новшества, т. е. фиксируется богатейший лексический материал, но, как правило, отсутствует его теоретическое осмысление. Такие задачи ставят перед собой только отдельные лексикологи.

При создании неологизмов главную роль, как и в предшествующие этапы языкового развития, играют два основных фактора: процессы словообразования и заимствования. В сфере словообразования большое значение имеет словосложение. Новые слова могут состоять из двух, трёх и большего количества корней: *Dumpfbake* — глупец, *Heizölferrari* — машина с дизельным мотором, *Autofahrtlustbefriedigung* — удовлетворение желания ездить на машине. Композиты, состоящие из нескольких слов, обычно, вызывают отрицательное отношение лингвистов, которые называют их *Wortungetüme* «слова-страшилища». К их числу относятся слова типа: *Solidaritätszuschlagjahresausgleich* — годовое выравнивание прибавки, *Berufseinmündigungsschwierigkeiten* — трудности в начале профессиональной деятельности. Петер Браун отмечает, что с семантической точки зрения среди неологизмов-композигов преобладают лексемы, отражающие профессиональную и спортивную жизнь немецкого населения [1]. Семантически неудачно состыкованные друг с другом основы в составе сложного слова именуются «словами-чудовищами» (*Unwörter*). В 2001 г. таковыми считались: *Personalentorgung* — сокращение персонала, *Steuerschlupfloch* — уловка при оплате налогов, *unkaputtbar* — то, что нельзя испортить. Хочется отметить, что само имя существительное *Unwort* ошибочно считается неологизмом. Оно существует в немецком

языке уже около 500 лет и было зафиксировано в словаре Грима со ссылкой на 1473 г. со значением «böses, beleidigendes Wort» (плохое, оскорбительное слово). Вероятно, правильнее охарактеризовать эту номинацию как старую лексику, которая после длительного периода забвения вновь вошла в современный язык и стала достаточно частотной, подобно словам: *Feuchte* — влажность, *Historie* — история, *allerorten* — повсюду, *vorab* — вперед, *küren* — выбирать. Эти и подобные им лексические единицы отражают волнообразное развитие отдельных номинаций, которые, как приливы и отливы, входят в словарный состав.

Многие неологизмы образуются с помощью частотных суффиксов и полусуффиксов. Так, членов различных молодежных групп называют: *Harter*, *Popper*, *Punker*, *Roller*, а жителей Восточной и Западной Германии *Ostler*, *Westler* или же *Ostmann*, *Ostfrau*, *Westmann*, *Westfrau*, *Ossi*, *Wessi*. В последнем случае используется сугубо современный суффикс «i», который имеет три орфографических варианта: *i*, *ie*, *y* — *Profi*, *Fruppie*, *Dandy*. Большинство имен с этим суффиксом относится к *nomina agentis* с четко выраженным пейоративным оттенком: *Alki* — алкаш, *Idi* — идиот, *Asi* — асоциальный тип. Однако существительные на «i» могут обозначать и предметы: шариковая ручка (*Kuli*), листовка (*Flugli*), машина марки «Трабант» (*Trabi*).

Быстрое внедрение в лексический состав современного немецкого языка этих образований объясняется тем, что уже несколько поколений немцев используют в разговорной речи производные с этим суффиксом, образованные как от имен нарицательных (*Mutti*, *Vati*), так и от имен собственных (*Wolfgang* — *Wolfi*, *Siegfried* — *Siggigi*). Кроме того, популярны уменьшительно-ласкательные наименования общественных деятелей — *Töppi* (футбольный тренер Klaus Torpmöller), *Gorbi* (Михаил Горбачев). Давно уже употребляются американизмы: *Hippie*, *Teeny*. Многочисленную группу слов на «i» пополняют диалектные слова с этим конечным гласным, например, из алеманского: *Gonnfi* — конфитюр, *Schoggi* — шоколад, *Foti* — фотоаппарат.

Среди неологизмов много слов с суффиксом «o». Некоторые из них представляют собой новые сокращения: *Demo(nstration)*, *Deo(dorant)*, *Repro(duktion)*, другие ассоциируются со старыми сокращениями: *Schupo* (*Schutzpolizei*), *Jupo* (*Jugendpolizei*), *Kripo* (*Kriminalpolizei*). Преобладают двусложные лексемы (*Fascho* — фашист), но встречаются и трехсложные (*Zentralo* — центрист). Се-

мантика таких наименований двойственна, они обозначают людей (*Brutalo* — грубиян) или предметы (*Hugo* — сигара).

Неологизмы на «i», «o» являются сокращениями не только отдельных слов, но и композитов, и даже словосочетаний: *Assi* — *Assistent*, *Hundi* — *Hundertmarkschein*, *Schizo* — *schizophrene Person*. В некоторых сокращениях-композитах гласный «o» начинает восприниматься как соединительный элемент: *Mixomat* — смеситель, *Spielodrom* — игровой зал.

Кроме слоговых сокращений среди неологизмов есть и односложные безаффиксные имена: *Prof(essor)*, *Alk(ohol)*, *Rep(ublikaner)*.

Сокращенные слова или аббревиатуры являются сравнительно новым способом словообразования, который возник только в XIX веке и развивается в наши дни очень интенсивно. Различают буквенные и слоговые аббревиатуры: *Asta* — *allgemeiner Studentenausschuss*, *Fuzo* — *Fußgängerzone*. Зафиксированы и промежуточные, переходные, типы, представляющие собой сочетание буквенных и слоговых сокращений: *Azubi* — *Auszubildende* (человек, повышающий свою квалификацию). В зависимости от того, какая часть сложного слова сохраняется при усечении, выделяют начальные (*Auto* — *Automobil*), серединные (*Basti* — *Sebastian*) и конечные сокращения (*Platte* — *Schallplatte*).

Сокращения лишены внутренней формы и поэтому теряют свою семантическую прозрачность, что приводит к омонимии, так, например, *Hivi* обозначает не только *Hilfswilliger* (готовый помочь) но и *wissenschaftliche Hilfskraft* (научный помощник, обычно студент), и даже является названием устаревшей марки автомобиля.

Отсутствие семантической мотивировки сближает аббревиатуры с искусственно созданными неологизмами: *Diolen* — название искусственного полотна, *Klippan* — обозначение ремня безопасности, *Wellaflex* — спрей для волос. Разнообразные виды аббревиатур являются новыми словами и манифестируют значительные языковые изменения, отражающие количественные и качественные преобразования в словарном фонде современного немецкого языка.

Многие неологизмы, функционирующие в средствах массовой информации и в разговорной речи, являются заимствованиями и приходят в немецкий из различных иностранных языков: из английского — *Leader*, из испанского *Macho* (крутой), из итальянского — *Bajazzo* (рассказчик анекдотов), из русского — *Perestrojka*, из

японского — *Bonsai*, из турецкого *Scheich* (друг), из финского — *Sauna*, из суахили — *Safari* и т. д. Особую и обширную лексико-семантическую группу среди заимствований образуют этнонимы, которые прекрасно иллюстрируют широкий диапазон привлекаемых языков: *Russe, Franzose, Finne, Skandinave, Norweger, Turke, Italiener, Spanier, Araber, Berber, Asiat, Mongolide, Chinese, Japaner, Saudi, Moslem, Athiopier, Abessinier, Ceylonese, Srilanker, Kuweiti*.

Исключительно велик наплыв английских и англо-американских заимствований, что легко показать хотя бы на примере компьютерной лексики: *Internet, Internetadresse, Datensurfer, Onliner, Usertalk, Internetter, Onlinefreaks, E-Mail* и т. д. [2].

Ещё в 1899 г. немецкий писатель Теодор Фонтане (Theodor Fontane) в романе «*Der Stechlin*» указывал на усиление влияния на немецкий английского языка по сравнению с французским. С тех пор это влияние возросло в десятки раз, и на сегодняшний день словарь англицизмов насчитывает около 5000 только корневых лексем, без учета производных. Именно этим объясняется появление нового слова «*Denglisch*», которое отражает столь высокую насыщенность немецкого словарного состава английскими заимствованиями, что становится сложным определить, какой язык — немецкий или английский — преобладает среди номинативных единиц.

Прекрасно показывает существующее сегодня положение отрывок из статьи «*Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germanisch?*», автор которой Рудольф Хоберг (Rudolf Hoberg) пишет: «*Wir schlüpfen morgens easy in unseren Slip, unser T-Schirt oder unseren Body, breakfasten bei McDonald's, lunched im nächsten Fast-food, holen uns Bier im Sixpack und zu unserer Verschönerung eine Moisture Cream im BodyShop, gehen zum Hair-Stylist, informieren uns am Service-Point, fahren mit unseren Kids im Inter-City, sitzen am Computer, am Scanner oder am Laptop, betätigen uns als Online-Surfer, bezahlen für unsere City Calls, Regio Calls oder German Calls und die Jüngeren unter uns finden das meist cool und die älteren meist nicht O.K.*» [3].

Усиление влияния английского языка проявляется в изменении названий курсирующих сегодня в Германии поездов: *Intercity, Intercity Express, Interegio, City Express, Regional Express*, а раньше это были исключительно немецкие лексемы: *Schnellzug, Eilzug, Personenzug, Bummelzug* и т. д. Появились даже такие глаголы, как: *boomen, cheken, liften, outen, souden, sponsern, stylen, e-mailen, relaxen*. Английские заимствования вклиниваются в состав слож-

ных слов, и возникают гибридные немецко-английские композиты: *Colorschaum* (оттеночная пена), *Chiefberater* (главный советник), *Hausfrauen-Hotline* (горячая линия для домохозяек). Заимствованные слова выступают как определяющий или основной компонент композита: *Drogenkrieg* (борьба с наркотиками), *Wagner-Freaks* (фанаты Вагнера). Многие сложные слова целиком состоят из заимствованных составляющих: *Klimakollaps*, *Perestroikaexpress*, *Europa-Aktien-Garantie-Zertifikat*. Такие примеры служат ярким доказательством интернационализации всего словарного состава немецкого языка, тем более что неологизмы разных типов быстро встраиваются в его лексическую систему, что способствует развитию вариативности и расширению уже существующих синонимических рядов: *Zigarette* — *Lilli* — *Dippe* — *Hugo* — *Doge*, *Proletarier* — *Prolet* — *Prolo*. Тематические группы и синонимические ряды постоянно увеличиваются не только благодаря заимствованиям, но и в результате изменения значения слов и роста их многозначности. Так, например, для обозначения наркотиков сегодня употребляются следующие слова: *Stoff*, *Gras*, *Heu*, *Pot*, *Tea*, *Marihuana*, *Haschisch*, *H*, *Heroin*, *Hard*, *Koks*, *Cannabis*, *Kongo-Gras*. Заметно увеличился синонимический ряд имен существительных, обозначающих жителей разных частей Германии, в частности жителей бывшей ГДР: *Ostdeutsche*, *Oste*, *Ostmann*, *Neufünfländer*, *Ossi*, *Zoni*, *Jammerossi*. В антонимические отношения с перечисленными именами вступают лексемы, обозначающие жителей Западной Германии: *Westdeutsche*, *Westler*, *Westmann*, *Altländer*, *Wessi*, *Angeber-Wessi*, *Wessi-Arroganz*, *Wessi-Profiteur*. Большинство из этих неологизмов имеют отрицательную коннотацию и отражают не слишком дружелюбное отношение друг к другу немцев из разных частей Германии.

Заимствуются не только отдельные слова, компоненты композитов, словосочетания, но и названия иностранных фирм (IKEA), марок изделий, например автомобилей (LADA). Иронизируя над непонятными буквенными сокращениями, носители немецкого языка создают шуточные псевдорасшифровки: *IKEA* — *Idioten kaufen einfach alles* (идиоты покупают просто все), *LADA* — *Letzter auf der Autobahn* (последний на автостраде).

Новые номинации могут быть словосочетаниями с разной структурой:

– имя прилагательное + имя существительное (*runder Tisch* — круглый стол);

– имя существительное + имя существительное в родительном падеже + согласованное с ним прилагательное (*Tag der deutschen Einheit* — день немецкого единства);

– имя существительное + имя существительное с предлогом (*Bündnis für Arbeit* — союз труда);

– нарицательное имя существительное + имя собственное (*Pulverfass Balkan* — пороховая бочка Балканы).

Такие многословные номинации функционируют в литературном языке, в разговорной речи, во многих социолектах. Так, в молодежном жаргоне гашиш разных марок имеет следующие названия: *roter Türke, roter Libanese, dunkelbrauner Pakistan, weißer Nepal*.

Одной из наиболее типичных черт развития словарного состава современного немецкого языка является тесное взаимодействие всех видов лексических единиц между собой. Все типы новообразований тоже подчиняются этой общей закономерности и создают сложную систему взаимосвязей и взаимовлияний, что в значительной степени ускоряет внедрение неологизмов в лексический фонд немецкого языка. Так, на примере изменений, которые претерпевает только одна лексема, можно показать связь современных способов развития лексического состава между собой. Недавно появился новый налог, который именуется сложным словом «Solidaritätszuschlag». Данный композит состоит из немецкого и заимствованного имени существительного. Стремление к языковой экономии приводит к появлению сокращения этого сложного слова — *Soli*, а эта новая краткая форма хорошо вписывается в большой ряд уже имеющихся имен на «i».

Иногда анализ только одной словарной статьи может оказаться весьма показательным. Так, в словаре молодежной лексики для негативного наименования мужчины приводится 45 номинативных единиц, из них 14 имен на «i» (*Mufti* — болтун, *Kmufti* — драчун, *Falotti* — обманщик и т. д.), 12 композитов (*Schweinbacke* — толстяк, *Siffkopf* — пьянчуга, *Pappnase* — смехотворный человек и др.) и девять существительных на «o» (например, *Lacho* — шут гороховый, *Gringo* — новичок, *Fassilo* — дряхлый) [4]. Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из названных имен являются заимствованиями.

В бурный водоворот структурных и семантических преобразований оказываются вовлеченными все слои лексического состава современного немецкого языка: исконно немецкие и заимствован-

ные лексемы, имена нарицательные и собственные, однозначные и многозначные слова, композиты и корневые образования, термины и разговорные номинации, синонимы, антонимы, омонимы, этнонимы, жаргонизмы, диалектизмы.

Ещё Р. А. Будагов отмечал, что «слово, лишенное многозначности, перестало бы служить цивилизации». У неологизмов достаточно быстро развивается многозначность. Так, имя *Rolli* обозначает не только «колясочник», но и «пуловер с большим воротником». Существительное *Kuli* используется для обозначения «шариковой ручки» и «племени в Западной Индии», кроме того, оно обозначает «поденщика». Заимствованное слово *Neger* насчитывает, по данным нескольких словарей, десять значений: медная монета, напиток из колы, кофе без молока, низкооплачиваемый работник, неимущий человек, самая плохая оценка, ученик на производстве, индивидуалист, черная доска с текстами для актеров, и, конечно же, известное всем значение «негр».

Для развития словарного состава немецкого языка на современном этапе характерно существование и взаимодействие противоположных тенденций. Это быстрый количественный рост сложных слов и аббревиатур. Если в целом следует говорить о постоянном интенсивном увеличении лексического фонда, то при этом нельзя забывать, что одновременно наблюдается отмирание отдельных номинативных единиц, значение которых устаревает. Сегодня более не используются слова: *Brast* — забота, *Eigenwille* — монархия, *Eidam* — зять, *Klinggedicht* — сонет, *waglich* — опасный, *wirtbar* — жилой.

Как видно из приведенных примеров, в процессе обогащения словарного состава главенствующую роль играют имена существительные, а другие части речи, особенно служебные, отступают на задний план.

Создание новых номинативных единиц, их четкая моделируемость ослабляют экспрессивность новизны, в особенности, если возникают целые серии, длинные ряды таких номинаций, сравни употребляющиеся в молодёжном жаргоне слова со значением «прекрасно»: *ultra-*, *ober-*, *affen-*, *turbo-*, *geil*.

Даже краткий обзор наиболее типичных и частотных новообразований современного немецкого языка позволяет сделать вывод о системности, стабильности и интенсивности развития лексических новаций, которые отражают сложное переплетение процессов словообразования, с одной стороны, и заимствования — с другой. Фак-

торы изменения значения играют меньшую роль, хотя полностью не исключаются.

Подсчеты скрупулёзных статистов показали, что наращивание лексической мощи немецкого языка происходит столь интенсивно, что создается своего рода пропасть между лексическим запасом слов наших бабушек и дедушек, которые использовали 5–6 тыс. слов. Пассивный словарный запас среднестатистического немца составляет 14–16 тыс. Интересно вспомнить, что исследователи творчества И. В. Гёте подсчитали, что его лексический минимум составлял 20 тыс. слов. Современные лингвисты считают, что образованный европеец наших дней должен знать около 50 тыс. слов!

Эти цифры говорят сами за себя. Они являются свидетельством кропотливой работы, уже проведенной лингвистами, и одновременно показывают, сколь безбрежны исследования, которые еще предстоит провести, чтобы дать убедительные обобщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Braun P.* Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten. Stuttgart; Berlin; Köln, 1993.
2. *Grätz R.* Internet-Sprache / Sprache Internet // Das Wort. М., 2000–2001.
3. *Hoberg R.* Sprechen wir Denglisch oder Germing? // Die deutsche Sprache der Jahrtausendwende. Mannheim, 2000. S. 3.
4. *Walter H., Mokienko V., Niemeyer M.* Sprache der Jugend: Kleines russisch-deutsches Wörterbuch. Greifswald, 1999.

**О слове и месте словообразования
в немецкой грамматике
(размышления над конспектом лекций Л. Р. Зиндера)**

«Слово уже и есть язык»

Лев Рафаилович Зиндер

Мысль Л. Р. Зиндера, вынесенная в эпиграф настоящей статьи, в полной мере отражает отношение замечательного петербургского ученого к слову как наиболее привычной для говорящего единице языка. Эта фраза афористически завершает рассуждение петербургского ученого о роли слова в человеческой коммуникации, высказанное в одной из его последних статей с примечательным названием «Щерба и школа Щербы наших дней»: «“Слово” — это не просто самостоятельная минимальная единица языка (в общем значении этого слова, а не в специальном лингвистическом), а единственная для всех языков (независимо от их строя) единица, без которой не может существовать человеческий язык. Более того, я сказал бы, что слово уже и есть язык» [1].

В этой статье Л. Р. Зиндер пытается дать истинную интерпретацию взглядов Л. В. Щербы на слово как основную единицу языка. Его комментарий помогает правильно интерпретировать одно из положений известной статьи Щербы, которое некоторые лингвисты трактуют как его отказ от самого понятия слова. Я хочу напомнить, что в статье «Очередные задачи языковедения» Щерба пишет: «В самом деле, что такое “слово”? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия “слова вообще” не существует. Однако если согласиться с тем, что “в речи” (“parole”) “слово” не дано и что оно является лишь категорией “языка как системы” (“langue”), то “слово” представится нам в виде тех кирпичей, из которых строится наша речь (“parole”) и некоторый репертуар которых необходимо иметь в памяти для осуществления речи. Во всяком случае, с моей точки зрения, в язык как в систему (“langue”) входят слова, образующие в каждом данном языке свою очень сложную систему» [2, с. 58–59].

Л. Р. Зиндер подробно комментирует это положение Щербы и

заключает: «Следует помнить, что, по учению Льва Владимировича о тройном аспекте языковых явлений, речь не противопоставлена языковой системе, которая только и доступна прямому наблюдению, мы имеем лишь реализацию того, что хранится в системе данного языка. Говоря же о “слове вообще”, Лев Владимирович подразумевал некое абстрактное понятие, не привязанное к конкретной действительности. В существовании же “слова” как единицы данной языковой системы, служащей для построения речи, Лев Владимирович никогда не сомневался» [1, с. 5].

Удивительно, что даже после этих разъяснений Льва Рафаиловича некоторые авторы с упорством, достойным иного применения, продолжают вырывать отдельные положения Щербы из контекста, невольно искажая его взгляды. Так, Т. Н. Чугаева свою статью в сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения Л. Р. Зиндера (!), начинает следующей фразой: «Известно, что в одной из своих последних статей Л. В. Щерба отрицал существование понятия “слово вообще”, утверждая, что “в разных языках это будет по-разному”» [3, с. 202].

Л. Р. Зиндер, основываясь на идеях Щербы, сам определяет место слова среди других языковых единиц. Он называет пять элементарных единиц языка в широком значении этого слова: **слово I, слово II, морфема, фонема, слог**. По мнению Л. Р. Зиндера, их объединяет то, что все они имеют звуковую форму [1, с. 11].

Под **словом** в первом значении (**I**) Л. Р. Зиндер понимает минимальную единицу лексики данного языка, представленную «в виде слова, в котором отражены не какое-нибудь одно, а все значения, реализованные в данном речении. В таком виде слово выступает в качестве заглавия словарной статьи. В реальном акте коммуникации такое заглавие встречается, например, в такой ситуации: А спрашивает: “Как по-немецки день?” Б отвечает: “Tag”. Значение слова здесь чисто номинативное, что и обнаруживается в особой **назывной интонации**. Употребление слова в этом значении обусловлено **номинативной** функцией. **Слово** здесь символизирует рождение **языка**. Бессловесного языка быть не может, а его появление уже и есть язык» [1, с. 11–12].

Под **словом** во втором значении (**II**) Лев Рафаилович понимает минимальную единицу языковой системы, способную «образовать предложение, которое, по Щербе, может быть одночленным и двучленным, что зависит от ситуации общения. Так, например, слово *Солнце* будет одночленным предложением, когда вы смотрите в ок-

но, а в это время рассеиваются тучи и появляется солнце. Вы при этом просто констатируете факт, а не сообщаете, что произошло с солнцем. Двучленным является предложение, сказанное в ответ на вопрос: «Как называется дневное светило?» [1, с. 12].

Такое понимание слова очень близко трактовке слова Ю. С. Масловым: «Слово — минимальная относительно самостоятельная значащая единица языка; относительная самостоятельность слова — большая, чем у морфемы, — последовательнее всего проявляется в отсутствии у него жесткой линейной связи с соседними словами (при наличии, как правило, жесткой связи между частями слова, а кроме того, в способности многих слов функционировать синтаксически — в качестве минимального (односложного) предложения либо в качестве члена предложения [4, с. 89].

В своих лекциях по теоретической грамматике немецкого языка, прочитанных в середине семидесятых годов прошлого века для студентов отделения немецкого языка и литературы (среди которых находился и автор этих строк), Л. Р. Зиндер неоднократно возвращался к определению слова.

В моем конспекте лекций записаны отдельные мысли Л. Р. Зиндера по этому поводу. Я приведу только некоторые из них:

- «Слово довольно трудно определить. Американский структурализм обходился без этого понятия и определял только морфему. Однако едва ли можно признать достаточной такую точку зрения, если учесть речевое поведение говорящих. Слово — вот единица, которой оперируют говорящие. Без слова сообщение невозможно».
- «Почему трудно определить слово? Возьмем немецкое слово *aufstehen*. *Ich stehe um 8 Uhr auf*. Цельнооформленность — это признак не очень всеобъемлющий. Некоторые ученики Смирницкого [на этом основании] делают вывод, что *stehe auf* — два слова, *aufstehen* — некое сочетание слов. Но тогда слово оказывается чем-то бессмысленным. *Auf!* Встать!».
- «Рассмотрим пример: *Was macht es aus? Aus!* — нонсенс, вообще нет никакого смысла. Значение глагола *ausmachen* не может быть выведено из сочетания частей *aus* и *machen*. Вот почему немецкий язык очень интересен в данном случае. Решающим является не внешняя форма, а только семантика. Обязательно должны сочетаться и семантика и форма».
- «Найти единый внешний признак трудно. *Schwebende Betonung* — опять-таки разрывает слово. Форма находится в рез-

ком противоречии с единством смысла. *Deutsch-Russisches Wörterbuch* — формальной связи по существу нет. Естественно, что в качестве слова мы можем рассматривать такие словосочетания, которые имеют единый неразделяемый смысл. *Schwarzkohle* или русское “железная дорога”. *Rote Fahne* — в известном смысле это красное знамя (а не зеленое), но тем не менее нечто единое. Если основываться только на семантике, то такие слова будут рассматриваться как нечто единое».

- «Надежного определения слова пока не существует».

Обращение к старому конспекту лекций Л. Р. Зиндера позволяет под иным углом зрения взглянуть на некоторые положения современной теории и практики немецкой грамматики. Так, упоминание Л. Р. Зиндером имени А. И. Смирницкого в связи с обсуждением самого понятия слова, побудило меня перечитать его статьи, посвященные отдельности и тождеству слова [5, с. 247–256; 256–263]. Именно в них поднимается проблема цельнооформленности слова, которая, по словам Л. Р. Зиндера, не является «всеобъемлющим признаком» (см. выше). К тому же оказалось, что и русские, и немецкие исследователи пользуются однотипными примерами, чтобы показать сложность дефиниции понятия «слово».

А. И. Смирницкий в своей статье «К вопросу о слове (проблема “отдельности” слова)», вышедшей в 1952 г. (вслед за В. В. Виноградовым), анализирует пример из Пушкина «*Глухой глухого звал на суд судьи глухого*», связывая его с решением двух проблем: 1) проблемы **отдельности** слова и 2) проблемы **тождества** слова. Он совершенно справедливо подчеркивает: «Отношение между тремя единицами — *глухой*, *глухого* (1) и *глухого* (2) — в приведенном выше примере, заимствованном у академика В. В. Виноградова, представляется в известном смысле парадоксальным: с одной стороны, эти три единицы выделяются как **три отдельных слова**; с другой стороны, все три представляют собой (предположительно) **одно и то же слово**. Такое положение объясняется, очевидно, тем, что при рассмотрении этих единиц с точки зрения двух различных проблем в отношении между ними выделяются совершенно различные стороны» [5, с. 247–248].

Авторы современного немецкого учебника по лингвистике для вузов также признают, что в обиходном употреблении под словом понимается либо лексема, либо синтаксическое слово, либо словоформа [6, S. 57]. Они иллюстрируют сложности в определении слова, рассматривая конкретный пример: *Wenn hinter Fliegen eine*

Fliege fliegt, fliegt eine Fliege Fliegen nach. При ответе на вопрос, сколько же разных слов в этом предложении, им приходится оперировать такими понятиями, как словоформа, синтаксическое слово, лексема, класс лексем [6, S. 56–57]. В конце концов они приходят к выводу, что необходимо различать две основные ипостаси слова: 1) слово как единицу словаря и 2) слово как синтаксическую единицу, без которой невозможно построение предложения [6, S. 58]. А именно это составляет основной смысл предложений Л. Р. Зиндера (см. выше).

Вернемся к последней фразе Льва Рафаиловича об отсутствии надежного определения слова в современной лингвистике. Она точно отражает позицию классического языкознания по данному вопросу. Мнение Ю. С. Маслова совпадает с точкой зрения Льва Рафаиловича: «Слово даже в пределах одного, а тем более при сравнении между собой разных языков оказывается единицей очень неопределенной как с точки зрения своей структуры и своих формальных признаков, так и точки зрения своего смыслового содержания» [4, с. 27].

В. Б. Касевич определяет положение слова в языковой системе следующим образом: «Язык есть система, система — это элементы, связанные определенными отношениями (словарь) и функционирующие в соответствии с определенными правилами (грамматикой) для выполнения некоторой задачи, и элементами оказываются, прежде всего, именно слова. Все остальные виды единиц языка существуют либо в отвлечении от слов, которое осуществляется непосредственно или опосредованно (на нескольких уровнях), либо в результате соединения слов по правилам. И лишь слова непосредственно образуют тот инвентарь, который служит источником всего в языке и речевой деятельности. Именно поэтому, несмотря на многочисленные и постоянно повторяющиеся попытки “упразднить” слово, оно сохраняет свои позиции в языкознании до сегодняшнего дня» [7, с. 161].

При этом В. Б. Касевич отмечает неполноту традиционной концепции слова: «Слово как единица словаря и как единица морфологии не всегда совпадают» [7, с. 161–162]. Для иллюстрации такого положения дел он приводит целый ряд так называемых квазислов, которые в большом количестве встречаются, например, в немецком языке [7, с. 167–168]. Тем самым немецкий язык оказывается чрезвычайно интересным с точки зрения теории слова, о чем постоянно напоминал Л. Р. Зиндер.

Во втором издании «Общей фонетики» Л. Р. Зиндер снова обращается к проблеме слова. Рассмотрев всевозможные фонетические признаки, способные маркировать начало и конец слова в речевой цепи, Лев Рафаилович приходит к выводу, что «звуковые характеристики слова как таковые не могут выполнять делимитативную функцию. Различительными являются только фонеморфологические признаки» [8, с. 250]. Он снова подчеркивает роль смысла в определении слова: «В общем можно сказать, что носители языка членят речь на слова, опираясь на смысл, который является гораздо более мощным фактором, чем так называемые пограничные сигналы» [8, с. 250].

Следующей увлекательной темой, о которой неоднократно высказывался Л. Р. Зиндер, было место словообразования в немецкой грамматике. Мы знаем, что в традициях немецкой и русской лингвистики имеются значительные расхождения по этому поводу. В немецкой лингвистической теории словообразование традиционно включается в сферу грамматики на том основании, что предмет морфологии составляют два больших раздела, а именно словоизменение (Flexion) и словообразование (Wortbildung [9, S. 344; 10, S. 193]. Даже Харальд Вайнрих отдает дань традиции, рассматривая вопросы словообразования в своей известной «Текстовой грамматике немецкого языка» (правда, в последнем разделе) [11].

Взгляды Л. Р. Зиндера на место словообразования в грамматической теории с течением времени претерпели известные изменения. В фундаментальном труде «Современный немецкий язык», написанном Л. Р. Зиндером совместно с Т. В. Строевой, раздел «Словообразование» структурно включен в главу 3 «Морфология». Правда, в самом начале главы авторы специально определяют особое место словообразования в теории грамматики, считая, что «словообразование относится равным образом и к морфологии и к лексикологии, поскольку, с одной стороны, образование слов происходит внутри основных лексико-грамматических классов слов, т. е. частей речи, с использованием морфологических средств языка; с другой стороны, словообразование теснейшим образом связано с развитием словарного состава языка, т. е. с лексикологией» [12, с. 68]. Соответственно своему подходу некоторые вопросы авторы рассматривают как в специальном разделе «Словообразование» в рамках главы 4 «Морфология», так и в главе 6 «Лексикология».

Одна из наиболее последовательных и любимых учениц Л. Р. Зиндера Г. Н. Эйхбаум в своей «Теоретической грамматике

немецкого языка» говорит о трех возможных (и правомерных) подходах к решению вопроса о месте словообразования в немецкой грамматике. Во-первых, словообразование естественным образом может относиться к морфологии (см. приведенное выше мнение Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой). Во-вторых, словообразование можно включить в лексикологию на том основании, что в результате словообразования возникают новые лексемы как слова со своеобразным лексическим значением. В-третьих, данная проблематика может рассматриваться (аналогично В. М. Павлову) как отдельная отрасль среди других лингвистических дисциплин, существующая параллельно грамматике и лексикологии [13, с. 15].

Мне еще раз хочется сослаться на лекции по теоретической грамматике немецкого языка. В них Л. Р. Зиндер несколько по-иному определяет место словообразования в немецкой грамматике (по сравнению с позицией, заявленной в книге «Современный немецкий язык»). В самом начале курса лекций при разграничении морфологии и синтаксиса он специально останавливается на проблеме словообразования: «Грамматика не безразлична к значению слова. Грамматика и лексика не изолированы друг от друга. Словообразование не относится ни к лексикологии, ни к грамматике. Если признать, что словообразование — это образование новых слов, то его следует отнести к лексикологии. Если мы имеем в виду словообразование, основанное не на переносе наименования, а совершаемое при помощи морфологических средств, то мы должны отнести словообразование скорее к грамматике».

На мой взгляд, Л. Р. Зиндер самым построением курса лекций ответил на вопрос о месте словообразования в немецкой грамматике, обратившись к этой теме в самом конце курса (а именно 26.05.1975 г.) после рассмотрения основных вопросов морфологии и синтаксиса. И здесь же он снова подчеркивает значение слова как единицы языка: «Когда говорят о словообразовании, то под словом имеют в виду то, что определяется говорящим как единое целое».

Таким образом, Л. Р. Зиндер очень бережно относился к слову. Это прослеживалось не только в определении места слова среди других понятий теории языка, но и в повседневном общении. Сложности в дефиниции слова являются чисто научной проблемой. Для носителей языка слово реально существует, они пользуются словом в повседневной жизни. Слово может принимать различный облик, оно может передавать любые оттенки смысла, тем самым оно становится еще привлекательнее для исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиндер Л. Р.* Л. В. Щерба и школа Щербы наших дней // Экспериментально-фонетический анализ речи: Проблемы и методы: Межвуз сб. / Отв. ред Л. В. Бондарко. СПб., 1997.
2. *Щерба Л. В.* Очередные задачи языковедения // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия. 2-е изд. / Сост. Ф. М. Березин. М., 1988.
3. *Чугаева Т. Н.* Английское слово в перцептивном аспекте (в исследовании и преподавании // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб., 2004.
4. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987.
5. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (Проблема «отдельности» слова) // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия. 2-е изд. / Сост. Ф. М. Березин. М., 1988.
6. *Linke A., Nussbaumer M., Portmann P. R.* Studienbuch Linguistik: 2. Aufl. Tübingen, 1994.
7. *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
8. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979.
9. *Homberger D.* Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft. Stuttgart, 2000.
10. *Ulrich W.* Linguistische Grundbegriffe: 5. Aufl. Berlin; Stuttgart, 2002.
11. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. 2. Aufl. Hildesheim; Zürich; New York, 2003.
12. *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Современный немецкий язык. 2-е изд. М., 1957.
13. *Эйхбаум Г. Н.* Теоретическая грамматика немецкого языка. СПб., 1996.

О своеобразии лексического наполнения потребительских текстов

Прежде чем перейти к описанию лексического наполнения немецких потребительских текстов, представляется необходимым остановиться на толковании самого понятия «потребительский текст», его немецкого аналога «Gebrauchstext», а также их синонимичных вариантов.

Что касается альтернативных обозначений, то в русском языке наряду с вышеупомянутым термином данный вид текста обозначается еще как утилитарный, или нелитературный, текст, реже как документный текст. В немецком языке помимо Gebrauchstext используются также такие определения, как Textsorte, Alltagstext и Sachtext. При рассмотрении синонимичных терминов в немецком языке следует, прежде всего, установить разницу между терминами Textsorte и Gebrauchstext. Первый из терминов представляет своего рода гипероним по отношению к Gebrauchstext и используется также при обозначении некоторых литературных жанров, например басни и т. п. Gebrauchstext представляет собой, таким образом, понятие, охватывающее, по мнению большинства исследователей, все нелитературные тексты.

Если обратиться к толковым одноязычным и двуязычным словарям, то обнаруживается следующая весьма любопытная картина. Ни в одном из словарей данные понятия (кроме, естественно, понятия «нелитературный текст») не представлены ни в виде отдельного слова, ни в виде словосочетания. Это равным образом касается как немецкого, так и русского языков. Если попытаться объяснить соответствующие понятия или составляющие их компоненты исходя из словарных данных и дефиниций, то можно отметить ниже следующее.

Так, в немецком языке в имеющем наибольшее распространение термине-компоните Gebrauchstext (как уже отмечалось выше, не зафиксированном ни в одном из словарей) в качестве определяющего слова используется существительное, образованное от глагола gebrauchen. Наиболее интересным представляется толкование данного глагола в словаре Duden «Richtiges und gutes Deutsch»:

«Этот глагол соотносится обычно с вещами, которыми кто-то владеет сам, либо с вещами, предоставленными ему в распоряжение» [1]. Другие немецкие термины Alltagstext и Sachtext также не были обнаружены в словарях. Последний из них, кстати, некорректен с орфографической точки зрения. Этот факт вообще ставит под вопрос правомерность использования данного слова в качестве термина. Термин же Alltagstext ввиду семантики первого компонента данного сложного слова, с одной стороны, представляется несколько расплывчатым (ср. перевод: повседневный, будничный, бытовой), с другой — не может быть использован по отношению к некоторым из текстов, рассматриваемым обычно как потребительские (ср., например, деловую корреспонденцию, не говоря уже о научной литературе).

Что касается русских терминов, то наиболее распространенный термин «потребительский текст» представляет собой, по сути, перевод соответствующего немецкого термина Gebrauchstext (интересен тот факт, что при обратном переводе потребительский текст чаще передается информантами-носителями языка как Konsumententext). Сам термин, хотя и получил достаточно широкое распространение, звучит несколько двусмысленно. Это связано с некоторым негативным оттенком, присущим слову «потребительский», что зафиксировано, например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Термин же «утилитарный текст» не получил широкого распространения. Еще менее распространен термин «документный текст», введенный в научный оборот относительно недавно [2].

Интересным представляется не только вопрос о происхождении и авторстве используемых в лингвистической литературе терминов для обозначения данного понятия, но и то, какой объем текстов под него подводится.

Понятие «потребительский текст» (Gebrauchstext) было введено в лингвистический обиход в Германии в 70-е годы XX в. Барбарой Зандиг [3]. Данное понятие она выводила из противопоставления его понятию «художественный текст». В России аналог данному понятию появился впервые в работе В. Г. Адмони «Система форм речевого высказывания», где автор выделил сакральные, утилитарные, художественные тексты и тексты в звуковой массовой коммуникации [4]. Утилитарными текстами, по его мнению, является большое количество разнообразных текстов, которые служат осуществлению какой-либо практической потребности человека в соци-

уме. Однако к потребительским (утилитарным) текстам оказались причисленными слишком разнообразные тексты, начиная от так называемой тривиальной литературы и научных текстов до рекламы, газетных объявлений и расписания поездов, на что совершенно справедливо указал Й. Швиталла. В своей статье «Was sind „Gebrauchstexte“?» он попытался отграничить научные и литературные тексты всех типов от потребительских. При этом он опирался на экстралингвистические моменты, на прагматическую целеустановку говорящего и на коммуникативную ситуацию, в которой они используются. В итоге он делает вывод о том, что потребительским текстом можно считать текст, все аспекты которого (в терминологии автора «Ausdruck, Inhalt, bezeichnetes Objekt, kommunikativer Gebrauch») соотносятся с повседневным бытом человека [5, S. 20–40]. Это замечание Й. Швиталлы позволило указать на одну весьма существенную особенность потребительских текстов — на их адресатную соотнесенность.

Подводя итоги, можно отметить, что изначально понятие «потребительский текст» выросло из его противопоставления литературному тексту. Далее в лингвистике отмечается попытка вывести из сферы потребительских (утилитарных) текстов научные тексты, что позволяет свести оставшиеся потребительские тексты к сфере, связанной в основном с институциональной или бытовой жизнью человека.

Потребительские тексты с точки зрения их функционально-стилевых особенностей могут быть отнесены к официально-деловому стилю. С. П. Кушнерук предлагает обозначить все тексты, относящиеся к данному функциональному стилю, как документные. Если сравнить понятия «документные» и «потребительские тексты», то можно сказать, что у них разные сферы употребления: если потребительские тексты всегда связаны с жизнью индивида, как на то указывал, например, Й. Швиталла, то документные — с взаимодействием индивида с институтами или с взаимодействием институтов друг с другом в сугубо официальной обстановке. Отличия между этими видами текстов проявляются и на других уровнях. Так, например, если функция воздействия официально-деловых текстов формулируется как должествование, то в потребительских текстах она трансформируется в инструктирование.

Классификацией нелитературных текстов на основе их функции занимается лингвистика текста, которой принадлежат наибольшие достижения в области их таксономии. Так, К. Бринкер при диффе-

ренциации типов текста рассматривает в качестве основного критерия выполняемую ими функцию. По его мнению, можно выделить пять таких классов текста: информирующие, апеллирующие, обязательные для выполнения, контактные и декларативные [6, S. 133]. В качестве примеров к выделенным классам текстов К. Бринкер приводит документные, научные и потребительские тексты. Потребительские тексты в его классификации иллюстрируют в основном апеллирующие и отчасти информирующие типы текстов. Несколько похожие классификации текстов на коммуникативно-функциональной основе и на основе теории иллокутивных актов были предложены также Э. У. Гросе [7, S. 164] и Э. Рольфом [8]. Потребительские типы текстов в классификации Э. У. Гросе причисляются к информирующим, побудительным, контактными и переходным. А Э. Рольф относит, например, кулинарные рецепты к директивным типам текста, а инструкции к лекарственным препаратам — к ассертивным.

Краткая предыстория потребительских текстов и тенденции их анализа в лингвистической литературе позволяют сузить данное понятие до текстов, охватывающих взаимоотношения конкретного индивида с различными институтами. Иначе говоря, потребительские тексты в узком смысле слова предназначены для обеспечения процесса коммуникации между отдельными индивидами и институциональными сферами определенного социума. Таким образом, целевой группой, адресатом потребительских текстов выступает конкретный индивид в одной из его ипостасей — потребителя, а адресантом — некий общественный институт данного социума. В качестве одной из двух основных текстовых функций наряду с информирующей выступает также функция побуждения, преломляющаяся в инструктирующую. Эти названные экстралингвистические свойства потребительского текста во многом определяют их самые разные языковые свойства, в том числе и лексическое наполнение. Рассмотрим далее, как это происходит на конкретном примере современных немецких кулинарных рецептов.

Информирующая функция реализуется в кулинарных рецептах через передачу вещественной информации, основным носителем которой в кулинарном рецепте выступают имена существительные. Функция воздействия получает свое выражение в основном через глаголы самых разных лексико-семантических групп.

Остановимся на данных моментах несколько подробнее. Доми-

нирующее положение в текстах кулинарных рецептов занимает вещественная информация. Это проявляется в использовании профессиональных, подчас узкоспециализированных терминов, или так называемой псевдопрофессиональной лексики. В кулинарных рецептах, в частности, лексический состав представляет собой смесь профессиональной (из сферы кулинарии) и общеупотребительной лексики, выбор которой также обусловлен спецификой указанной сферы.

Основными носителями вещественной информации в данном типе текста выступают, как уже указывалось выше, существительные. Их большое количество является одной из особенностей кулинарного рецепта. При этом основная часть имен существительных приходится на лексико-грамматическую группу вещественных имен, которая отличается целым рядом грамматических особенностей, что отодвигает их на периферию данного класса слов. Их грамматическое значение описывается как обозначение некоего множества единиц как одного целого [9, с. 24].

Данная группа имен существительных характеризуется следующими дифференциальными признаками: предметность, конкретность, неодушевленность, вещественность, однородность, неисчислимость, недискретность [10, с. 4–7].

Существительные, принимающие в основном участие в реализации информирующей функции, можно разделить на две главные группы, такие как продукты питания и напитки, с одной стороны, и кухонную утварь — с другой. Существительные первой группы подразделяются далее на продукты естественного и искусственного происхождения.

Вещественные существительные в кулинарном рецепте обозначают главным образом продукты и напитки. Г. С. Москалюк [11, с. 215–224] предлагает разделить все эти существительные по их семантике на следующие подгруппы (род всех перечисленных в статье существительных был уточнен по словарю «Wahrig Deutsches Wörterbuch» [12]):

1. Специи и соусы:

die Kurkumawurzel, der Zucker, das Salz, der Pfeffer, das Wasabipulver, der (das) Curry, das Currypulver, das Kakaopulver, das Tumericpulver, der Oregano; die Sojasauce, der Himbeeressig, das Pflanzenöl, das Speiseöl, der Essig, das Erdnussöl, der Sherry-Essig, die Tamari-Sauce, die Hoisin-Sauce, das Öl, das Jodsalz.

2. Основные продукты (мясо, рыба, птица, яйцо):

das Fleisch, der Fisch, das Thunfischfilet, das Putenhackfleisch, das Hähnchenbrustfilet, das Ei, das Zanderfilet, das Kalbsfilet, das Entenbrustfilet, die Krevette, die Krabbe.

3. Овощи, фрукты:

die Gurke, Brokkoli (Pl.), der Blumenkohl, die Karotte, Zucchini (Pl.), die Tomate, der Ingwer, die Petersilie, die Frühlingszwiebel, die Kartoffel; die Erdbeere, die Himbeere, die Brombeere, die Olive, die Orange, der Physalis, der Muskat, die Cashewnuss, die Avocado, der Apfel, die Preiselbeere.

4. Зерновые, мука и хлеб:

der Reis, der Mais, das Brot, das Vollkornbrot, das Mehl, die Reismudeln, das Toastbrot, das Bürgerbrötchen, die Nudeln.

5. Напитки:

die Milch, die Kokosmilch, der Weißwein, der Vollmilchjoghurt, der Sekt, der Rum, der Rotwein, das Wasser.

6. Молоко, молочные продукты:

die Milch, die Kokosmilch, der Käse (der Parmesan, der Mozzarella, der Feta-Käse), die Sahne, der Quark, die saure Sahne.

В лингвистической литературе продукты питания и напитки, выступающие основными средствами передачи вещественной информации в кулинарном рецепте, определяются не как собственно вещественные имена, а как их подгруппа, получившая наименование «вещественно-собирательные существительные». Они служат наименованиями веществ, которые складываются из множества, в своей совокупности содержащего частицы соответствующего вещества. В их смысловой структуре в сравнении с собственно вещественными именами выделяются еще дополнительные семы: дискретность и совокупность. К ним относятся следующие существительные:

1. Имена существительные со значением вещества, составленного из дискретной совокупности разнородных компонентов (семы: предметность, конкретность, неодушевленность, неисчислимость, вещество, дискретность, неоднородность, совокупность): das Gemüse, das Obst, das Getreide.

2. Имена существительные со значением вещества, состоящего из недискретной совокупности разнородных компонентов (семы: предметность, конкретность, неодушевленность, неисчислимость, вещество, недискретность, неоднородность, совокупность):

die Kokosmilch, der Essig, der Wein, der Ahornhonig, die Sahne, der Honig.

3. Имена существительные со значением вещества, составленного из дискретной совокупности однородных элементов (семь: предметность, конкретность, неодушевленность, неисчисляемость, вещество, недискретность, однородность, совокупность): der Reis, das Sesamsamen, der Zucker, das Salz, der Mais, das Jodsalz, die Reismudeln, das Ofenfrites, das Pommes frites, das Meersalz.

Продукты питания и напитки — промежуточная группа между наименованиями естественных и искусственных веществ, т. е. группа, обозначающая вещества, которые могут быть либо естественно-го происхождения, либо являются созданными искусственным путем.

Веществами естественного происхождения являются: die Milch, die Kokosmilch, das Fleisch, der Fisch, das Fett, die Gurke, die Brokkoli, der Blumenkohl, die Karotte, die Zucchini, die Tomate, der Reis, der Mais, der Ingwer, die Petersilie, die Erdbeere, die Himbeere, der Honig, die Ingwerwurzel, die Galgantwurzel, die Kurkumawurzel, der Sesamsamen, der Galgant, die Minze, die Krabbe, der Champignon, die Zwiebel, die Brombeere, die Lauchzwiebeln, die Olive, die Orange, der Physalis.

Вещества, созданные искусственным путем, встречаются гораздо чаще:

der Zucker, das Salz, der Pfeffer, das Brot, das Vollkornbrot, der Wein, die Chillipaste, die Wasabipaste, das Wasabipulver, der Curry, das Currypulver, das Kakaopulver, die Sojasauce, die Butter, das Mehl, die Gelatine, das Olivenöl, der Käse (der Parmesan, der Mozzarella, der Feta-Käse), der Himbeeressig, die Sahne, das Thunfischfilet, das Tumericpulver, die Tamarindenpaste, die Reismudeln, das Backpulver, das Pflanzenöl, das Speiseöl, der Oregano, die Salami, das Senfpulver, die Mayonnaise, das Ofenfrites, das Pommes frites.

Существительные вещественного значения также обладают полевой структурой, где отчетливо выделяются центр и периферия. Центр поля составляют собственно вещественные имена (в количественном отношении в кулинарных рецептах преобладают именно они):

das Brot, die Milch, der Wein, das Fleisch, der Fisch, die Gurke, der Honig, die Sahne, die Gelatine, die Butter, das Mehl, die Chillipaste, die Wasabipaste, die Brokkoli (Pl.), der Blumenkohl, der Sekt, der Rum, der Ingwer, der Ahornhonig, die Sahne, der Honig, die Ingwerwurzel, die

Galgantwurzel, die Kurkumawurzel, die Kartoffel, der Kürbis, das Öl, der Rotwein, das Backpulver, das Pflanzenöl, das Speiseöl, der Oregano, die Salami, das Senfpulver.

На периферии находятся так называемые вещественно-собира-тельные существительные, обозначающие вещество, состоящее из совокупности компонентов (таких имен встречается в анализируе-мом материале значительно меньше):

der Roggen, das Getreide, das Gemüse, das Obst, der Zucker, das Salz, der Reis, der Mais, der Sesamsamen, das Jodsalz, die Reismudeln, der (или Pl.) Ofenfrites, der (или Pl.) Pommes frites, das Meersalz.

Вещественные существительные встречаются практически во всех композиционных частях кулинарного рецепта, но их функции в нем могут варьироваться. Так, задача существительных в заго-ловке — быть репрезентантами блюда, отсюда их способность упо-требляться отдельно от текста. Если вещественное существитель-ное появляется в качестве названия рецепта, то конечный продукт обозначается обычно по основному ингредиенту, входящему в со-став блюда, или по способу приготовления:

Tomaten-Lasagne; Himbeertörtchen; Kokos-Panna-Cotta; Schafkäse-Creme; Bayerisches Sushi; Passcha — russischer Osterkuchen; Fisch-, Seafood- und Gemüsetempura; Pizza mit Varianten.

В такой части кулинарного рецепта, как список ингредиентов, информативная функция, которую несут вещественные имена, до-полняется качественной и количественной информацией:

50 g Oliven, 1 TL Essig, 2–3 EL Olivenöl; 2 EL helle Sojasauce, 1 kleiner Zucchini, 3 EL zerstoßenes Eis; 50 ml Milch, 40 ml Rum.

Средства выражения количественной информации могут быть разными и заключать в себе:

- 1) собственно меру веса (самый частотный вариант) — ein Kilo Zucker, 100 g Kalbsfilet, 250 g Basmatireis oder thailändischer Klebereis, 500 g Seeteufel, 150 g Sojasprossen, 250 g Brokkoli, 10 Gramm Knoblauch, 10 Gramm Ingwer, 8 Gramm Tumericpulver (Gelbwurz);
- 2) неопределенное количество вещества — eine Menge Wasser, kleine Dose Mais, wenig Orangensaft, frisch gemahlener Pfeffer, einige Blätter Eisbergsalat, Salz, Wasabipaste, 1 Prise Salz, 1 Prise Meersalz, glattblättrige Petersilie, einpaar Tropfen Vanilleextrakt;
- 3) точное количество вещества — 2 EL Salz, 1 EL Puderzucker zum Bestäuben, 1 TL Vanille-Extrakt, 1 TL Salz, 1 Tasse Sushi-

Reis, 8 EL Sojasauce, 1 rote Paprikaschote, 1 EL Erdnussöl,
1 TL Backpulver, 1 Tomate.

При этом падежное оформление имени вещественного в сочетании, выражающем отношение меры и вещества, чаще всего остается невыраженным.

В разделе кулинарного рецепта — способ приготовления — адресат получает новую дополнительную информацию о необходимой кухонной утвари, с помощью которой готовится данное блюдо. Существительные данной группы относятся к собственно предметным именам, которые образуют центр поля существительных, потому что в них наиболее адекватно раскрываются грамматические категории, характеризующие эту часть речи. Обозначения кухонного инвентаря и вспомогательных средств можно проиллюстрировать следующими примерами:

das Sieb, die Gabel, der Löffel, das Messer, der Suppenteller, die Muffinform, die Papiermanschetten, die Rührschüssel, das Kuchengitter, der Backofen, das Handrührgerät, das Backblech, die Küchenmaschine.

Итак, как продемонстрировал анализ вещественной информации, содержащейся в текстах кулинарных рецептов, основными средствами ее передачи выступают существительные, точнее вещественные имена, распадающиеся на две группы: собственно вещественные и собирательно-вещественные. Реже встречаются предметные существительные, служащие для обозначения кухонной утвари и приборов. Существительные данной группы активно участвуют в формировании разных композиционных частей кулинарного рецепта, при этом функции существительных в зависимости от их локализации могут различаться.

Основной лексической единицей, выступающей носителем структурирующего вида информации, которая оказывает воздействие на адресата с целью дать руководящие указания относительно того, как действовать, являются глаголы.

Глагол — это часть речи, обозначающая действие, процесс, состояние. Глаголы, входящие в текст кулинарного рецепта, относятся к глаголам действия, поскольку рецепт представляет собой описание определенной последовательности действий, которые необходимо совершить для получения желаемого результата.

Глаголы представлены в кулинарном рецепте необычайно широко и являются основой описания рабочих шагов реципиента, в данном случае кулинара. Они встречаются обычно в основной части кулинарного рецепта — способе приготовления блюда.

Все используемые в кулинарных рецептах глаголы можно распределить на следующие семантические группы глаголов:

1) обозначающих первичную обработку ингредиентов: trocknen, waschen, einweichen, hineinfüllen, garen, ausrollen, sieben, abziehen, aufhängen, auskleiden;

2) «добавления ингредиентов», которые могут быть как жидкими, так и сыпучими: bestreuen;

3) обозначающих смешение ингредиентов, преобразование их в единую массу (т. е. переходная группа между «добавлением» и «обработкой ингредиентов»): schlagen, zusammenschlagen, unterschlagen, (schaumig) schlagen;

4) описывающих механическую обработку: halbieren, hacken, stechen, (fein) reiben; einfüllen, schneiden, waschen, herauskratzen;

5) обозначающих термическую обработку ингредиентов, начиная с подогрева и заканчивая варкой, жаркой или выпечкой и охлаждением готового блюда: rösten, erwärmen, erhitzen, vorheizen, abkühlen, schmelzen;

6) обозначающих добавление специй, соли (могут быть производными от существительных): salzen, pfeffern. В случае с добавлением специй используются глаголы addieren, hinzufügen, hinzusetzen; mit (etwas) ergänzen;

7) со значением «оформления» готового блюда: garnieren, verteilen, belegen, zufügen.

Для современного немецкого кулинарного рецепта характерно использование глагольных форм в императивной функции преимущественно в виде инфинитива. Эта форма непрямого побуждения встречается с 80-х годов XX в. [13]. Инфинитив, который удостоверяет реальность утверждаемого и берет на себя функцию побуждения, является типичным структурным элементом для всех видов инструкций и в особенности для кулинарного рецепта [14]:

Den Saft in einen Topf abgießen und die Äpfel warm halten.

Итак, глаголы в кулинарных рецептах предназначены для передачи второй доминирующей функции кулинарного рецепта — функции инструктирования. При этом за редким исключением они выступают в форме инфинитива, конституирующего побудительное предложение. По своей семантике они представляют собой обозначения разного вида кулинарных действий.

Наряду с уже названными выше основными видами информации, служащими для передачи функций информирования и воздей-

ствия в кулинарных рецептах, встречается также фоновая информация.

Понятие фоновой информации связано с понятием фоновых знаний. Вопрос о фоновых знаниях в отечественном языкознании впервые подробно рассматривался в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура». В ней фоновые знания определяются как «общие для участников коммуникативного акта». Иными словами, это та общая для коммуникантов информация, которая обеспечивает взаимопонимание при общении. Содержание фоновой информации охватывает прежде всего специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и так далее — т. е. все то, что обычно именуют реалиями [15, с. 126]. Затруднения такого рода информация может вызывать в тех случаях, когда речь идет о «чужеродных» региональных фоновых знаниях, которые могут быть легко поняты представителями одного региона и вызвать некоторое недоумение у представителей другого (поэтому их часто называют экзотизмами): *Mozzarella*, *Parmesan*.

Иногда к таким словам-экзотизмам даются пояснения на родном языке. Как правило, это происходит в том случае, когда автор не уверен, что данный экзотизм получил в стране широкое распространение и будет понятен реципиенту: *Tumericpulver* (*Gelbwurz*).

В кулинарных рецептах фоновая информация может быть выражена как именем существительным, так и характеризующим его именем прилагательным или композитами, сочетающими в себе потенции и предмета, и характеризующего его признака.

На примере фоновой информации можно проследить тенденцию к переходу текстов из информационно-технологических в информационно-эмоциональные [16, 17], что отчетливо характеризует потребительские тексты. Так, во многих из них в последнее время все чаще встречаются оценочные компоненты, делающие их более эмоциональными, так как благодаря им тексты вбирают в себя не только когнитивно-вещественную, но и оценочную информацию.

Таким образом, лексическое наполнение потребительских текстов в предлагаемом здесь узком толковании, в том числе и кулинарных рецептов, находится в непосредственной зависимости от следующих факторов — от выполняемых ими текстовых функций,

целевой группы, типов передаваемой информации и степени прагматической эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden Richtiges und gutes Deutsch. Bd. 9. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1997.
2. *Кушнерук С. П.* Современный документный текст: проблемы формирования, развития и состава. Волгоград, 2005.
3. *Sandig B.* Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen // Textsorten, Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht / Hrsg. E. Gühlich, W. Raible. Frankfurt/M., 1972.
4. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
5. *Schwitalla J.* Was sind 'Gebrauchstexte'? // Deutsche Sprache. 1976. Bd. 4.
6. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 3. Aufl. Berlin, 1992.
7. *Große E. U.* Text und Kommunikation: Eine linguistische Einführung in die Funktionen der Texte. Stuttgart, 1976.
8. *Rolf E.* Die Funktionen der Gebrauchstextsorten. Berlin; New York, 1993.
9. *Бурлакова В. В., Иванова И. П., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
10. *Винтайкина Р. В.* Имена вещественные в лексико-грамматической системе современного немецкого языка. М., 1975.
11. *Москалюк Г. С.* Становление типа текста «Кулинарный рецепт». Дис. ... канд. филол. наук / Филол. фак-т С.-Петербур. ун-та. СПб., 2005.
12. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. 6 neu bearb. Aufl. / Neu hrsg. v. R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh, 1997.
13. *Заболоцкая Е. Д.* К вопросу о развитии языка немецких кулинарных книг. М., 2009.
14. *Буркова П. П.* Немецкий кулинарный рецепт как тип текста. М., 2004.
15. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973.
16. *Алексеева И. С.* Основы теории перевода. СПб., 1998.
17. *Reiss K.* Texttyp und Übersetzungsmethode // Der operative Text. Heidelberg, 1983.

**Лексико-семантический компонент «эмоция»
в современном немецком языке
(на материале романа Э. Кестнера «Фабиа»)»**

В данной статье авторы попытались выявить лексико-семантический компонент «эмоция» в немецком языке, взяв за основу материал романа Э. Кестнера «Fabian».

Наряду с прочими аспектами жизнедеятельности человека его эмоциональный мир всегда являлся предметом живейшего научного интереса, представляя собой сложное и многогранное явление, трудно поддающееся рациональному осмыслению. Именно многоаспектностью эмоциональных переживаний и способов их выражения вызвано то обстоятельство, что они стали объектом изучения различных научных дисциплин, часто пересекающихся при исследовании данного феномена. Так, изучение эмоций является проблемой философии, психологии, нейрофизиологии, социологии, лингвистики и пр. Многоплановость же явления позволяет исследовать его в рамках таких смежных дисциплин, как, например, когнитология и психолингвистика.

Абстрактность понятия наглядно демонстрирует следующее определение, представленное в толковом психологическом словаре: эмоция (лат. *emovere* — двигать, возбуждать, подбадривать, волновать) — «общий термин для обозначения любого из ряда субъективно переживаемых, аффективно нагруженных состояний; онтологический статус каждого из них устанавливается названием, значение которого определено простым соглашением» [1, с. 512–513].

В социологическом словаре О. В. Шапошникова дает следующее определение данного понятия: «Эмоции — непосредственное психическое отражение отношений к явлениям окружающей действительности и собственным состояниям, представляющее целостное единство его вегетативных и когнитивных компонентов» [2, с. 1272].

Неопределенность понятия обуславливает и проблему отграничения эмоции от таких понятий, как, к примеру, «чувство» или «ощущение». Но так как рассмотрение этой проблемы не входит в круг задач данного исследования, то условное понятие «эмоция», следуя традиции, сформированной в отечественной лингвистике [3,

с. 3–15; 4, с. 30; 5, с. 106–116], будет использоваться в качестве обобщающего понятия для названных выше явлений.

Спорным вопросом является также соотношение эмоций с действительностью и сознанием. В связи с этим выработано несколько подходов при определении *функции эмоциональных переживаний* с точки зрения психологии. Так, существует теория, в соответствии с которой эмоциям свойственна в основном *отражательная функция* [6, с. 100–102; 7, S. 58–90], т. е. эмоции рассматриваются как результат отображения объектов действительности в сознании индивида. Часто выделяют также *регуляторную функцию* эмоций [8, с. 7], определяющую и регулирующую поведение человека. Одной из важнейших функций, приписываемой эмоциональным переживаниям, является *когнитивная функция* [9, с. 42–45]. При познании мира человек воспринимает и субъективно оценивает объекты окружающего мира. И именно эмоциональная оценка ситуации побуждает индивида к действию, эмоции и деятельность человека не могут быть отделены друг от друга [10, р. 98–99]. Таким образом, эмоции служат медиумом для отображения и познания мира, а также для регулирования человеческого бытия.

В ходе познания окружающей действительности эмоциональные переживания могут выражаться двумя различными способами: при помощи вербальных и невербальных средств. Под невербальными средствами выражения понимаются, прежде всего, жесты, произвольно употребляемые человеком под влиянием различных эмоций и ощущений [11, с. 659–920]. Предметом же изучения лингвистики служат вербальные, т. е. языковые средства выражения и описания эмоций. Эти два аспекта выражения эмоциональных состояний неразрывно связаны друг с другом, образуя комплексную коммуникативную систему.

Существует представление о том, что невербальные, или «авербальные» средства выражения эмоций включены в коммуникативный акт наравне с вербальными и могут полностью замещать вербальную реакцию [12, с. 10]. При этом невербальная коммуникация является более надежным средством передачи эмоциональных состояний. В своем исследовании, посвященном выражению эмоций у животных и человека, Ч. Дарвин отмечал: «Выразительные движения обслуживают мысли и намерения других вернее, чем слова, которые могут быть лживы» [11, с. 919].

При рассмотрении же вербальных средств передачи эмоциональных переживаний существует два подхода: исследование эмо-

ций в языке или же их конкретного употребления в речевом акте или тексте. При этом большинство исследователей, например Л. Г. Бабенко [13, с. 203–255], О. А. Левина [14], А. Н. Попокова [15], Э. Ф. Хандамова [16], И. П. Павлючко [17] строят свой анализ на материале конкретных текстов. Е. Г. Борисова [18, с. 110–127], Т. В. Ларина [19, с. 150–160] рассматривают в своих статьях роль эмоций в речевом взаимодействии. Исследование средств выражения эмоций в системе языка представлено в лингвистике работами В. И. Шаховского [20; 3], Н. А. Красавского [4; 21; 22], В. Ю. Апресяна [23, с. 9–30], Н. И. Формановской [5, с. 106–116], которые частично или полностью посвящены анализу эмоциональных состояний в языке. Таким образом, проблема языкового выражения эмоций является актуальной проблемой современной лингвистики и смежных с ней дисциплин, что вызвано общим интересом исследователей языка к проблемам антропоцентрической, коммуникативной, прагматической и когнитивной лингвистики.

Несмотря на то, что эмоции и эмотивный компонент семантики вызывают огромный интерес в различных областях науки, проблема еще находится в стадии изучения. В связи с этим иногда возникают трудности с использованием тех или иных терминов. На это, в частности, указывает Б. А. Серебренников, говоря о необходимости «изобретать» метапонятия и их обозначения для заполнения лакун в терминологическом аппарате исследования эмотивной семантики [24, с. 101]. Так, в связи с многозначностью понятия «эмоциональности» большинство исследователей используют понятие «эмотивность» как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [20, с. 24]. При этом под эмотивом понимается «языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения/состояния» [20, с. 24–25].

Многие исследователи строят изучение эмоций на основе теории концепта, принятой в когнитивной лингвистике. В связи с этим было выработано понятие «эмоциональный концепт», подразумевающее познание человеком самого себя и окружающих людей, осознание и субъективную оценку своих эмоциональных переживаний и переживаний других людей, формирование представлений

о способе выражения эмоций, их объективацию в системе языка и соотнесение с конкретными эмоциями, на которые также накладывают отпечаток социально-культурные условия и национальные особенности развития культуры. Эмоциональные концепты являются важной составной частью языковой картины мира, что позволяет выделить «эмоциональную картину мира» [25, с. 72–73; 4, с. 59] наряду с универсальной, идиоэтнической, индивидуальной и др. Н. А. Красавский понимает под эмоциональной картиной мира «определенное множество эмоционально “проработанных” человеком на базе перцептивных образов, исходящих из окружающей среды, и представлений, восприятий, ощущений и, как правило, оязыковленных понятий, концептов, являющихся проекцией внутреннего, психического мира» [4, с. 59].

В процессе освоения окружающего мира и осознания такого явления, как эмоция, было выработано общее представление об эмоции как таковой без ее конкретизации. Свидетельством этому служит наличие в языке так называемых слов-«губок» (*sich fühlen, das Gefühl*). Данные лексемы обозначают некое общее эмоциональное состояние, свидетельствуя о неотъемлемости эмоциональных переживаний в жизни человека. «Впитывая» в себя семантику лексического окружения, слова-«губки» являются дополнительным средством для описания комплексных эмоциональных состояний, встраиваясь в практически любой контекст. В связи с этим можно предположить, что именно они и будут составлять центральный концепт концептосферы эмоций.

Сам процесс постижения природы эмоциональных состояний зафиксирован в многочисленных метафорических описаниях эмоций. Так, метафора «*leichten Herzens (etwas machen)*» базируется на сравнении физического понятия тяжести с некой степенью эмоционального состояния. Часто при описании эмоциональных состояний используются и устойчивые сравнения (*bläß wie eine Wand*), которые говорят о закреплении в сознании за некой эмоцией внешних факторов ее выражения (в данном случае речь идет о страхе).

Освоение сознанием конкретных эмоциональных переживаний привело к осознанию сложности этих состояний, их гетерогенности. Так, о неоднородности того или иного эмоционального состояния, о комплексности представления об эмоции свидетельствует использование качественных характеристик, сопровождающих лексемы с эмотивной семантикой (*ernstlich bekümmert*).

Об этом же свидетельствует и частая комбинация нескольких

лексем, обозначающих различные эмоции, для описания сложного эмоционального состояния (*sich bedrückt und elend fühlen, traurig lächeln*).

Такая комплексность при отображении эмоций в языке является результатом наблюдения человека над собственным внутренним миром, а также проекцией представления об эмоциях в его сознании. Ввиду отсутствия семы неоднородности в семантике самого эмотива, язык стремится выразить все оттенки, всю палитру эмоциональных состояний при помощи дополнительного лексического окружения. Комплексность эмоциональных переживаний подтверждается и проблемами, связанными с определением природы эмоций и классификацией чувств и эмоций, в психологии и философии.

Следующим свойством, присущим эмоции как концепту, можно назвать наличие у нее количественного признака, иначе говоря, эмоция представлена в сознании как некое состояние с определенной степенью интенсивности (*sich schön ärgern, nicht ohne Stolz*).

Эмоция как единица сознания представляется непостоянным, нестатичным явлением, т. е. некое эмоциональное состояние не есть константно присущий человеку признак. Определенное эмоциональное состояние может наступать внезапно или же постепенно, может быть продолжительным или недолгим, одно состояние может сменяться другим, что также отображается в языке. Динамичность эмоций подтверждается лексическим окружением эмотивов с временной семантикой:

Seine Stimme klang immer schwärzer.

Da packte ihn die blasse Wut.

Эмоции сопровождают жизнь и деятельность человека, при этом они не просто являются спутниками привычных действий, но и придают этим действиям определенную окраску, влияют на них. Сопровождая глаголы «говорения» (*verba dicendi*), эмотивы придают и самим глаголам эмотивную коннотацию, а также создают представление об интонации (*mit zitternder Stimme sagen, mit Hingabe sagen*) Такая тесная связь в сознании действий и эмоций породила в языке лексемы, включающие в свою семантику и эмотивный, и деятельностьный компоненты (*kichern, jammern, gauschmeißen*).

Об установлении в сознании четкой взаимосвязи между физиологическим проявлением эмоций (кинесика, мимика и пр.) и собственно эмоциями говорит возможность употребления в языке

средств, обозначающих и описывающих кинемы, в качестве синонимов к лексемам, обозначающим эмоциональное состояние:

Und ein Mann stand davor, gestikulierte mit den Armen, bewegte schimpfend den Mund, riss den Hut von einem Haken und verließ den Raum. Die Frau nahm die Hände vom Gesicht und starrte auf die Tür. Dann legte sie den Kopf auf den Tisch, ganz langsam und ruhig, als warte sie auf ein niederfallendes Beil.

Еще одним свойством эмоциональной концептосферы является осознанность проявления эмоций, их интеллектуальность: «эмоции, скорее всего, сами представляют высший порядок интеллекта» [26, р. 37]. Процесс коммуникации между людьми не всегда сопровождается реально переживаемыми эмоциями (например, *ein gekränktes Gesicht ziehen*). В. И. Шаховский выделяет следующие варианты асимметрии между выражаемыми и реально испытываемыми эмоциями:

- эмоцию можно испытывать, но не выражать;
- можно выражать эмоцию, не испытывая ее;
- можно выражать эмоцию, отличную от той, которую испытываешь [20, с. 189].

Свидетельством осознанности эмоций служат и коммуникативные формулы, и формулы вежливости, например, «*Tun Sie's mir zu Gefallen!*».

Проведем некоторое обобщение характеристики концептосферы эмоций, перечислив все описанные выше свойства. Итак, концепту «эмоция» присущи следующие свойства:

- существование общего представления об эмоции как неотъемлемой части жизни человека;
- наличие в сознании соответствий между эмоциями и способами их выражения;
- качественная гетерогенность;
- количественная гетерогенность;
- динамичность;
- наличие тесной ментальной взаимосвязи деятельности человека и эмоций;
- осознанность.

Классификация собранного материала по базовым эмоциональным концептам является трудной задачей в связи с проблематичностью определения списка базовых эмоций. К. Э. Изард выделяет следующие 11 базовых эмоций: интерес, удовольствие, удивление, печаль, гнев, отвращение, страх, смущение, стыд, вина и любовь.

Однако однозначное определение отнесенности к тому или иному базовому эмоциональному концепту таких примеров, как *Vorwurf*, *Neid*, *Eifersucht* и др., обозначающих комплексные эмоции, которые представляют собой комбинацию базовых эмоциональных состояний, представляется невозможным. В данной работе такие понятия были выделены в отдельные концепты, которые пересекаются с базовыми. Так, например, концепт *Eifersucht* пересекается с такими концептами, как *Ärger* и *Liebe*.

Специфика эмоциональных состояний, репрезентируемых в данных концептах, объясняется, в основном, тематикой романа Эриха Кестнера «Fabian» и изображаемым в нем историческим фоном. Многие исследователи творчества Кестнера пишут о внимании автора к эмоциональному миру персонажей, о психологизации поведения персонажей.

Автор романа «Fabian» родился в 1899 г. Отец Кестнера был кожевником, а мать — служанкой и домработницей. Когда **Эрих Кестнер** жил в Берлине и Лейпциге, он писал своей матери очень трогательные письма и отправлял почтовые открытки почти ежедневно. Наверно потому в произведениях Кестнера вообще и в романе «Фабриан» в частности так часто встречается образ любящей и любимой матери. В 1917 г. Кестнер был призван в армию, кровопролитные сражения и ужасы войны сильно повлияли на его антимилитаристскую позицию. После войны Кестнер вернулся к занятиям и с отличием закончил школу, получив стипендию от муниципалитета Дрездена. Осенью 1919 г. Кестнер начал учиться в университете Лейпцига на факультетах истории, философии, немецкого языка и литературы и театра и через шесть лет защитил диссертацию. Он не раз называл себя «школьным учителем», «моралистом», «рационалистом», «правнуком немецкого Просвещения». Эта автохарактеристика применима ко всему его творчеству. Затем он перебрался в Берлин, продолжал писать. Эрих Кестнер быстро стал одним из самых известных интеллектуалов столицы. Осенью 1928 г. Кестнер выпустил детскую книгу «Эмиль и Детективы», которая разошлась миллионными тиражами и была переведена на 59 языков. В 1933 г. Кестнер написал ее продолжение — «Эмиль и три близнеца». Эта серия стала началом нового жанра — детский детектив. В критике его поспешили отнести к направлению так называемого «лирического цинизма», сравнивая то с Брехтом, то с Тухольским. Уже в ту пору ходовым стало суждение о «двух», даже «трех Кестнерах», порой не очень друг с другом схожих: поэте-сатирике, прозаике и

авторе книг для детей. А ведь он еще писал сценарии, газетные статьи и рецензии, пьесы и куплеты для кабаре. Известный американский романист Торнтон Уайлдер как-то написал ему: «Я знаю шестерых Кестнеров. А эти шестеро Кестнеров знают ли друг друга?» При всем своем внешнем разнообразии творчество Кестнера внутренне едино. Единство это проявляется прежде всего в стиле, который характеризуется, по словам самого автора, стремлением к «искренности чувства, ясности мысли, простоте слова и слога».

Единственным романом, имеющим литературное значение, считается опубликованный в 1931 г. «Фабиан: история одного моралиста» («Fabian»). Изначально роман назывался «Der Gang vor die Hunde», это название было отвергнуто издателями, потому что оно слишком однозначно определяло состояние современного Кестнеру мира. Это было время послевоенной инфляции и безработицы, массовых разорений и внезапных обогащений, время, когда на фоне идейной сумятицы, спекулируя на возрастающем недовольстве, обострении социальных противоречий все откровеннее поднимал голову фашизм. Некоторые исследователи творчества Кестнера определяют это произведение как литературный документ, как литературный портрет большого города. Атмосферу Берлина автор характеризует следующим образом: «Im Osten residiert das Verbrechen, im Zentrum die Gaunerei, im Norden das Elend, im Westen die Unzucht, und in allen Himmelsrichtungen wohnt der Untergang».

Фабиан, молодой человек с университетским образованием, вынужден сочинять тексты для рекламной фирмы, но оказывается без работы. Вместе с ним читатель бродит по Берлину, наблюдая сцены безотрадной жизни, моральной деградации. С полным основанием Кестнер называет своего героя «моралистом»: среди окружающей пошлости и грязи Фабиан ухитряется сохранить четкость нравственных критериев, достоинство и принципиальность. Он, как и Кестнер, остро чувствуя неблагополучие, веяние надвигающейся катастрофы, не знает, что делать, как изменить жизнь. Общество, в котором он живет, не находит применения умным, образованным людям. И он ограничивается тем, что наблюдает и ждет, ждет победы разума и порядочности.

Действие романа происходит в 1923 г., характеризующемся в Германии невероятным уровнем инфляции, которая считается наиболее впечатляющей и катастрофической в мировой истории. В связи с этим абсолютно понятно распределение основного массива эмо-

тивной лексики по таким концептам, как *Ärger*, *Furcht*, *Trauer*, *Wut*, *Zorn*.

Рассмотрим структуру эмоциональных концептов. Концепт строится по принципу полевой структуры, т. е. состоит из ядерной части и периферии. Ядро эмоциональных концептов, как правило, составляют лексемы, обозначающие эмоции (*ärgerlich*, *ängstlich*, *verzweifelt*, *erschrocken*).

Периферию эмоциональных концептов составляют следующие семантические группы:

- Единицы, описывающие физиологическое выражение эмоций и другие внешние проявления эмоций (*Der junge Mann war so angestrengt nach, dass seine Stirn schwitzte*).

Периферийность данных компонентов концептосферы эмоций обуславливает зависимость их значения от контекста, нередко соответствие между определенным эмоциональным состоянием и описываемой физиологической реакцией можно установить только исходя из лексического окружения и ситуативного контекста.

- Лексемы, содержащие ослабленный признак понятия, лежащего в основе концепта (*erregt*, *gespannt*, *nervös*, *schüchtern*).

- «Симптомы» эмоций (*heulen*, *jammern*, *bittend*, *brüllen*; *fiebrig entzündete Nacht*).

В эту группу включены как лексемы, совмещающие в своем значении деятельностный и эмотивный семантические компоненты, так и образные средства описания эмоциональных состояний действующих лиц.

При самом общем рассмотрении структур представленных концептов можно заметить некоторые особенности. Так, концепты *Ärger*, *Trauer* и *Angst* выражены в совокупности наибольшим количеством языкового материала. Однако в романе представлен и концепт *Freude*, хотя к нему можно отнести лишь малое число лексических единиц. Возможно, это обусловлено тем, что эмоция, лежащая в основе данного концепта, входит в ряд базовых компонентов эмоциональной жизни человека. С учетом того, что в основе доминирующих концептов лежит понятие «негативная эмоция», можно говорить об общем преобладании негативного эмоционального фона, что соответствует описываемому историческому фону.

Таким образом, можно констатировать, что в романе Э. Кестнера «Фабиян» оказываются запечатленными различные эмоциональные ситуации, а также эмоциональное поведение людей, выражающих свои эмоции посредством языка или же авербально. Этот

роман представляет собой достаточно важный памятник культуры истории Германии, фиксирующий результаты осознания человеком своего внутреннего мира, способы его рефлексии и репрезентации, а также формы эмоционального общения.

Автор выражает признательность И. А. Зайцевой за помощь при написании статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый психологический словарь / Сост. А. Ребер. М., 2001.
2. Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Минск, 2003.
3. Шаховский В. И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: Сб. науч. трудов. Волгоград, 1995.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.
5. Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи. М., 2005.
6. Сеченов И. М. Психология поведения. Воронеж, 1995.
7. Bayer K. Evolution — Kultur — Sprache: Eine Einführung. Bochum, 1989.
8. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
9. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
10. Anders S., Ende G., Junghofer M., Kissler J., Wildgruber D. Understanding emotions. Amsterdam, 2006.
11. Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека // Сочинения. Т. 5. М., 1953.
12. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
13. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., 2004.
14. Левина О. А. Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте. М., 1999.
15. Попокова А. Н. Лингвоэмоциональная картина мира: особенности вербализации. Краснодар, 2005.
16. Хандамова Э. Ф. Вербализация психоэмоциональных состояний в речевой деятельности. Краснодар, 2002.
17. Павлючко И. П. Эмоциональная компетенция автора художественного текста. Волгоград, 1999.
18. Борисова Е. Г. О метаязыке для описания эмотивного компонента значения // Эмоции в языке и речи. М., 2005.

19. *Ларина Т. В.* Фатические эмotiveы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи. М., 2005.
20. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2007.
21. *Красавский Н. А.* Терминологическое и обиходное обозначение эмоций. Волгоград, 1992.
22. *Красавский Н. А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
23. *Апресян В. Ю.* Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи. М., 2005.
24. *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
25. *Шаховский В. И.* Эмоциональная картина мира и язык // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
26. *Mowrer O. H.* Learning Theory and Behavior // Цит. по: *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2007.

Немецкие лексемы тематической группы «одежда» в русском языке

Ни один язык не может существовать в изолированном пространстве, следовательно, он испытывает воздействие других языков, в первую очередь, соседних стран и народов, и сам оказывает влияние на другие языки. Не всегда это языки соседствующих государств, часто бывает так, что исторические судьбы приводят к тесным политическим, экономическим и культурным взаимодействиям между отдаленными в географическом отношении странами, народами и как следствие языками. Такое влияние в силу исторического развития оказывал немецкий язык на русский в течение многих веков, результатом чего стали многочисленные заимствования в разных сферах человеческой деятельности: политике, военном деле, в сфере образования, производства, культуры, в развитии ремесел.

Немецкий язык оказал огромное воздействие на русский язык в области бытовой культуры, особенно сильно проявившееся в период правления Петра Первого, когда царь, вернувшись из своего путешествия в Европу, в Голландию и Северную Германию, взял курс на европеизацию русской культуры. Известный скандинавист В. П. Берков отмечает, что «голландский (нидерландский) язык находится в ближайшем родстве с нижненемецкими диалектами. Вместе с ними он по многим признакам занимает промежуточное положение между верхненемецкими диалектами и англо-фризской группой» [1, с. 224]. Подобной точки зрения придерживался и составитель этимологического словаря русского языка М. Фасмер, который часто объясняет происхождение слова «из голландского или нижненемецкого». Так как в основе многих голландских слов лежит лексика нижненемецких диалектов, то заимствования, пришедшие в русский язык при посредничестве голландского языка, мы также относим к германским (немецким) заимствованиям. Так же как и голландский, посредником между немецким и русским языками служил польский язык. В силу своего географического положения между Германией и Россией Польша в разное время принадлежала то Германии, то России. Уже в 1220 г. Польша бы-

ла завоевана Тевтонским орденом, который господствовал на ее территории до 1466 г., а позднее на протяжении многих лет была поделена между Россией и Пруссией. В течение нескольких веков Польша входила в состав Пруссии, территория которой простиралась до Кенигсберга, современного Калининграда. Такое положение вещей не могло не сказаться на развитии польского языка, который, будучи славянским языком, генетически родственным русскому, испытывал сильнейшее влияние то русского, то немецкого языков. Поэтому не случайно также и то, что немецкие заимствования приходили в русский при посредничестве польского языка. Е. В. Розен объясняет легкость заимствования из немецкого языка в русский язык исторической принадлежностью обоих языков к балто-славяно-германской общности индоевропейских диалектов, именно этой древней фундаментальной общностью объясняется, по словам Е. В. Розен, фонетическая и семантическая близость немецкого и русского языков [2, с. 8].

Однако наличие в русском языке большого количества заимствований из немецкого языка объясняется не только их общим происхождением, но и целенаправленной политикой русских князей и царей, ориентированной на приглашение специалистов из-за рубежа, прежде всего из Германии. Такая политика не могла не отразиться и на развитии русского языка. Многие стороны жизни в России и многие ремесла развивались немцами, поэтому и тематические группы лексики пополнялись, в первую очередь, за счет заимствований из немецкого языка вместе с соответствующими предметами, действиями и их названиями [3, S. 15–120]. Интересно проследить развитие лексики русского языка под влиянием немецкого на материале тематической группы «Одежда». Эта группа лексики распадается на несколько подгрупп: одежда или униформа военных, одежда высших сословий и одежда служилых людей.

Заимствования, связанные с армией, появились, по-видимому, еще в XV веке, когда царь Иван III стал использовать в своей армии немецких военнопленных и военных специалистов, а Иван IV (Грозный) поставил во главе своего войска немецких офицеров. Военное обмундирование стало называться по-немецки: мундир (нем. *Montur*, f), украшение генеральских брюк — лампасы (*Lampassen*, Pl.), кожаный ремень (*Riemen*, m), украшенный пряжкой или бляхой (нем. *Blech*, n, со значением «жесть, металл»). Следует отметить, что происхождение русского слова «ремень» остается спорным. Слово «ремень» зафиксировано уже в древнерусском языке с

XI века. Однако П. Я. Черных отмечает: «не исключено, что здесь мы имеем дело со старым заимствованием из немецкого языка» [4, т. 2, с. 110], а В. Даль объясняет современное немецкое слово *Riemen*, т как заимствование из русского языка. Мы разделяем скорее первую точку зрения, так как и отдельная важная деталь ремня называется все же бляха, т. е. словом, взятым из немецкого языка, а не наоборот.

Одним из главных родов войск была конница, поэтому в обиход входит название специальных брюк для верховой езды — рейтузы (*Reithose*, f). Внизу рейтузы заканчивались штрипками (*Strippe*, f), тесьмой, пришиваемой внизу штанины и охватывающей ступню снизу, для удобства надевания поверх рейтуз сапог. Рейтузы изготавливались из прочной лосиной кожи, отсюда еще одно название этого предмета одежды, уже чисто русское — «лосины». Оба слова претерпели с ходом времени значительные изменения в значении: лексема «рейтузы» в XX веке стала, с одной стороны, обозначать тренировочные спортивные брюки из трикотажа, с другой — трикотажное дамское нижнее белье. С одеждой всадников это слово уже никак не ассоциируется. А слово «лосины» вновь возродилось в конце XX века, когда в моду вошли плотно облегающие трикотажные брюки для женщин, которые используются как часть верхней одежды. Многие женщины, имеющие в своем гардеробе лосины, даже не догадываются, какое значение это слово имело раньше.

Интересно, что еще один предмет одежды, головной убор с козырьком или без козырька, связан с конницей, хотя слово «фуражка» появилось лишь в первой четверти XIX века как головной убор гусара. П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» объясняет происхождение этого слова следующим образом: «По-видимому, из “фуражирка” от фуражир (как пилотка от пилот), причем не без влияния слова фураж» (нем. *Furage*, f; *Furagier*, m). Фуражка первоначально была картузом конюшенного, фуражира. В XIX веке фуражка являлась частью униформы студентов, до середины XX века также и школьников. Фуражка сохранилась в армейской одежде до сих пор, правда, изменилась ее форма. Теперь это «род мужского головного убора, обычно с твердым околышем и широким дном и обязательно с козырьком» [4, т. 2, с. 110].

Особенно активно немецкая лексика проникала в русский язык в период правления Петра I. Находясь под впечатлением своей жизни в Европе, Петр считал, что русского человека можно легко пре-

вратить в европейца — для этого достаточно изменить его внешний вид. Поэтому он, вернувшись из своего путешествия по Европе, принялся за «реформирование» облика своих подданных. В январе 1700 г. всем жителям Москвы было приказано переодеться в иноземное платье, сбрить бороды, прекратить ездить на седлах русского образца. Купцам за продажу русского платья полагался кнут, а то и конфискация имущества вкупе с каторгой. На московских заставах были выставлены специальные караулы, которые всем приезжим обрезали на «немецкий или голландский» лад полы кафтанов, и отрезали бороды. Так приказом царя была изменена мода на одежду. Сарафаны, порты и рубахи были заменены на мундиры, кафтаны, сюртуки, которые имели на спинке разрез, в результате чего появлялись две полы с отворотами, называемые фалдами (*Falte*, f — складка). А портные до сих пор употребляют глагол «фалдить»: «платье сзади фалдит», т. е. ложится складками. Современные пиджаки и дамские юбки тоже часто имеют такой разрез сзади, правда, он называется теперь другим немецким словом «шлица» (*Schlitz*, m — разрез). Спереди мундиры с петровского времени стали украшать лацканами, отворотами на грудной части верхней одежды (*Latz*, m, уменьш. *Lätzchen*, n — нагрудник), слово до сих пор используется как обозначение отворотов спереди на пальто, пиджаках. От немецкого слова *Latz*, вероятно, произошло и слово «ластовица» — вставка подмышками или в брюках для обеспечения свободы движения. Мундиры украшались цветным, обычно красным, реже синим, зеленым, желтым, белым или черным кантом (*Kante*, f),шитым цветным шнурком или полоской ткани по краю или шву одежды. Мундиры начали украшать обшлагами, отворотами на рукавах (устар. нем. *Obschlag*, m, совр. *Aufschlag*, m — отворот). На примере этого слова видно, как русский язык сохраняет в заимствовании старое немецкое слово. Для того чтобы обшлага не отворачивались вниз, использовались небольшие пуговицы внизу рукава. Интересно, что такие пуговицы до сих пор применяются при пошиве пиджаков, но мало кто знает, для чего они нужны, так как обшлага нынче не в моде, и пуговицы на рукаве утратили свою функциональность. Они используются только как традиционное украшение. Мужские перчатки украшались широкими манжетами «крагами» (*Kragen*, m — воротник). В результате переноса с части на целое это слово стало обозначать перчатки-краги с широкими манжетами в виде раструба, которые носят мотоциклисты и инспектора ГИБДД.

В петровское время как часть военной формы появляются «штиблеты» (*Stiefeletten*, Pl., уменьшит. от *Stiefel*, Pl. — сапоги), первоначально кожаные гетры на пуговицах или крючках, надеваемые поверх башмаков. Еще в 60-х годах XIX века это слово неизменно трактуется как «гетры». Только в конце XIX века оно стало обозначать мужские полуботинки на пуговицах или шнурках. В современном русском языке слово «штиблеты» можно отнести к устаревающим. А вот дамы носили и до сих пор продолжают носить на ногах туфли. Это искаженное немецкое слово *Pantoffel*, *Toffel*, f, что значит «тапочки», позднее «шлепанцы». В немецком языке слово уже поменяло свое значение, а в русском оно сохранилось.

Немецкая мода в первую очередь появляется при царском дворе, она насаждается и среди придворных. На платьях царицы, княжен и их фрейлин, придворных дам, появляются фижмы, жесткий каркас для юбки, изготавливаемый из китового уса. Фижмы — это искаженное немецкое слово *Fischbein*, n — дословно «рыбья кость», так тогда назывался китовый ус. По искаженной форме слова можно сделать вывод, что это заимствование было устным, так как лишь в устных заимствованиях наблюдаются столь сильные фонетические изменения. Слово «юбка» было заимствовано еще в допетровские времена, по одной из версий, из средневерхненемецкого *Jorpe*, *Jurre*, совр. *Jorpe*, f — тужурка, куртка. Первоначально и в русском языке это слово обозначало вид мужской одежды вроде душегреи. В немецком языке это слово также является заимствованным через французский язык из арабского языка. Уже во французском языке слово изменило значение и стало служить названием предмета женской одежды. На каждое время дня было свое платье. С утра надевали своего рода халат — моргенрок (*Morgenrock*, m), а вечером, перед сном, — шлафрок (*Schlafrack*, m). Для украшения платьев использовались шлейфы (*Schleife*, f — лента), только в русском языке шлейф — это не лента, а волочащийся сзади удлиненный подол платья. Платья и военная форма украшались бантами (*Band*, n — лента, завязка, бант). В результате оглушения звонкий немецкий согласный «d» передается в русском языке глухим дентальным звуком «т» во всех формах слова. Наряду с завязками и пуговицами на мундирах и платьях в качестве застежки использовались крючки, уменьшительное от слова «крюк» (*Krücke*, f). Первоначально аксельбант (*Achselband*, n), шнур особого плетения из золотой или серебряной канители, использовался лишь на форме адъютантов и флаг-офицеров как знак их службы при ге-

нералиссимусе, фельдмаршале, полном генерале или для отличия высших военных чинов, зачисленных в свиту царя. В наше время это принадлежность парадной формы одежды курсантов военных училищ, кадетских корпусов, гвардейских частей как сухопутных войск, так и военно-морского флота. С конца XVI века в России стало модным носить шляпы, головные уборы с круглой тульей и полями. Слово заимствовано из немецкого *slappe* — в средневерхне-немецком «головной убор с мягкими полями», баварское *Schlappe*, f — род чепца. В современном немецком языке это слово больше не используется, соответствующий головной убор называется *Hut*, m. Чтобы широкие поля шляпы не мешали обзору, их отгибали наверх, так возникла треуголка.

В XIX веке правительство специально приглашало из Германии фабрикантов и ремесленников, занимавшихся производством тканей, которые были нужны в первую очередь для армии. В целях производства шерстяных тканей и сукна начали выращивать мериносовых овец и пуховых коз. Из козьих шкур шили цигейковые шубы. Слово цигейковый, т. е. козий, происходит от немецкого слова *Ziege*, f — коза. Разновидность меха «смух, смушка» происходит из нем. *Schmusche*, f — шкурка ягненка.

Для пошива нижнего белья выращивали хлопок, который в южных регионах России назывался «бавольник», в украинском «бавовна». Слово заимствовано через польский язык из немецкого *Baumwolle*, f; в польск. *bawelna*. В XIX веке в моду входит множество предметов одежды, которые проникли в Россию из Германии или через Германию. Слово «жакет», по свидетельству словаря М. Фасмера, пришло в русский язык через немецкое *Jakett*, n, которое немцы заимствовали от французов, у которых оно является производным от арабского слова *jaque*.

Слово «брюки», впервые появляется в XVIII столетии и лишь в первой трети XIX века получает свое современное значение и служит названием модной части мужского светского и даже великосветского костюма. П. Я. Черных в своем словаре отмечает, что это слово до середины XIX века вообще было малоупотребительным (говорили «штаны, панталоны») [4, т. 1, с. 115]. Первоначально этот предмет был частью одежды моряков. Брюками называли «парусиновые широкие матросские штаны». В русский язык это слово пришло предположительно из голландского *broek* (произносилось *bruk*). А в голландский язык оно, по-видимому, пришло из древневерхненемецкого *bruoht* «штанина». А первоисточником слова явля-

ется лат. *bracae*, Pl. «штаны, шаровары». Форма с мягким «рю» вместо твердого «ру», возможно, установилась под влиянием старого названия шерстяной ткани «брюкиш» (нем. *Brüggisch*), от прилагательного, образованного от названия города Брюгге во Фландрии, откуда привозили ткань на брюки. Позднее поясная часть брюк и женских юбок украшается кожаным ремнем, о ремне речь уже была, а вот крепится ремень на брюках путем продевания его в шлевки (нем. *Schlaufe*, f), небольшие петли из ткани, пришиваемые к поясу для ношения ремня. В это же время в моду входят и шейные платки. Это словосочетание можно считать калькой, переводным заимствованием немецкого слова *Halstuch*, n с тем же значением. Правда, это слово было известно уже в XVIII веке, но «галстухи», так тогда произносилось это слово, по-видимому, носили только иностранцы. В XIX веке это был шейный платок, который надевали под рубашку при расстегнутых верхних пуговицах. В своем первоначальном значении слово «галстук» сохранялось вплоть до конца XX века как часть пионерской формы, это был шейный платок красного цвета. В XX веке этот предмет как аксессуар мужской одежды изменяет свою форму по образцу шейной повязки в форме хорватских драгунов. В немецком языке вместе с изменением формы предмета изменилось и его название *Krawatte*, f (нем. диалектное *Krawat* — хорват) [5, с. 777]. В русском же языке происходит скольжение значения, и название предмета, даже при изменении его формы, но при сохранении его функции, остается старым, хотя современный галстук уже не похож на шейный платок, и носят его уже не под рубашкой, а сверху, повязывая его вокруг воротничка. Элемент женской одежды «лиф» уменьшительное «лифчик» первоначально служил корсетом, а само название восходит к немецкому «*Leib*, m, *Leibchen*, n» с тем же значением. Так как слово заимствовано из нижненемецкого диалекта, то оно сохраняет в русском языке звук «и», который на юге Германии подвергся дифтонгизации и превратился в дифтонг «ei». Вот так иногда по форме слова можно узнать, когда и как, из какого диалекта заимствовано слово, которое в другом языке сохраняет его исходную, часто устаревшую форму. В современном русском языке слово «лифчик» является просторечным названием предмета для поддержания бюста. Сейчас для этого используется другое слово немецкого происхождения, появившееся лишь в начале XX века, — «бюстгальтер» из нем. *Büstenhalter*, m.

Так как портными в России, по-видимому, были преимуществен-

но немцы, то и некоторые операции, выполняемые при пошиве одежды, назывались по-немецки. Например, штафировать «отделывать, украшать» от нем. *staffieren*; *ausstaffieren*, с тем же значением. Этот глагол этимологически связан, в свою очередь, со словом *Stoff*, m — ткань. Поношенную одежду чинили, т. е. штопали. Этот глагол восходит к нем. *stopfen*, ниже-нем. *stoppen* от ср.-лат. *stuppare*. При штопке, так в русском называются сам процесс и нитки, используемые для этого, старались имитировать тип ткани, способ переплетения нитей. Это требовало особого искусства, которым занимались опытные мастерицы. По-немецки такое искусство называлось *Kunststopfen*, n, а по-русски — «художественная штопка», что является частичным переводным заимствованием, калькой. Употреблялся и глагол штыковать (штуковать) «сшивать через край два куска ткани». Глагол образован от немецкого существительного *Stück*, n — кусок (ткани). Глагол «латать», т. е. чинить одежду путем нашивания лоскута ткани, происходит, по видимому, тоже из немецкого *Latz*, m — лоскут, в нижненемецком варианте произношения *Latt*.

Подводя итоги, можно констатировать, что в русском языке тематическая группа лексики «одежда» тесно связана с лексикой немецкого происхождения и является преимущественно заимствованной из немецкого языка. Это объясняется историческими причинами политического характера, влиянием моды из Германии, развитием портновского дела в России. Портными были преимущественно немцы, о чем свидетельствуют заимствованные из немецкого языка глаголы, используемые мастерами до настоящего времени. По времени заимствования слов можно судить о развитии моды в России, по форме заимствованных слов — о месте и времени заимствования слова из Германии. Так русский язык хранит реликты прошлого немецкого языка.

Чаще всего слово приходит в русский язык вместе с заимствованным предметом одежды. Заимствованные устным путем слова нередко изменяют свою форму до неузнаваемости, приспосабливаясь к произносительным нормам русского языка, например *фижмы*. Многие заимствования сохраняют немецкую основу почти без изменения. Некоторые заимствования, полностью ассимилировавшись, развивают многозначность на почве русского языка, например *галстук*. Нередко заимствование происходит путем калькирования, т. е. полного или частичного перевода слова на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньева М. Г., Балашова С. П.* и др. Введение в германскую филологию / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. СПб., 2005.
2. *Розен Е. В.* Как появляются слова. М., 2000.
3. *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Gütersloh, 1991.
4. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
5. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. Gütersloh, 2000.

ИСТОЧНИКИ

- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1975.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1, 2. М., 1994.

Из наблюдений за иноязычными (немецкими) вкраплениями в некоторых русских текстах научных статей и литературных произведений

Понятие «чужое слово», восходящее к М. Бахтину и широко распространенное в концепциях интертекстуальности, разрабатывающих его идеи о диалогичности речевых произведений (в работах таких филологов, как Р. Лахман, Е. В. Любавина, В. А. Лукин, М. Пфистер, Н. А. Фатева и др.), И. В. Арнольд определяет как «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [1, с. 351]. Объем этих включений различен — от одного-единственного слова, как правило взятого в кавычки либо выделенного курсивом, до целого романа в романе (примеры И. В. Арнольд: «Дар» Набокова и «Мастер и Маргарита» Булгакова). Сущностная особенность подобных чужих слов — смена субъекта речи, появление нового говорящего — т. е. второго автора или персонажа (см. [1]).

В работах, посвященных проблемам письменного перевода, «чужие слова», т. е. слова и выражения из другого языка, но принадлежащие тому же субъекту речи, предстают в ином ракурсе. Например, в работе А. О. Иванова [2, с. 71–72] анализируются некоторые испанские вкрапления в текстах рассказов О'Генри, где благодаря иноязычным словам создается латиноамериканский колорит, причем и в авторском повествовании, и в речи героев; этим достигается определенный стилистический эффект. А. В. Федоров в работе по стилистике художественного текста исследует цитаты-вкрапления на французском языке в прозе русских писателей, приводя лишь один аналогичный немецкий пример — из переписки А. И. Герцена [3, с. 122, 175]. В книгах по теории и практике перевода об этих явлениях интертекстуальности говорится обычно в разделах, посвященных экзотизмам и реалиям [4]. Сам же материал исследования позволяет порой довольно явственно проследить протекающий во времени процесс освоения русским языком иноязычной — прежде всего английской и французской — лексики. Н. Я. Галь приводит, например, как новые варваризмы в языке переводов современной художественной литературы слова parking — парковка, «парковочка», джус, офис и упоминает подмеченную «одним хорошим пи-

сателем» удивительную способность русского языка «так обкатать чужое слово, что оно уже и чужим не кажется» [4, с. 67].

В то же время «обкатывание» немецких вкраплений, т. е. их заимствование — приспособление к системе русского языка, наделение этих лексических единиц русскими словообразовательными элементами и грамматическими категориями — происходит далеко не просто. Во многих случаях они остаются иностранными, «чужими» словами, сохраняя следы своего происхождения либо оставаясь иноязычными вкраплениями.

В двухтомном Словаре иноязычных выражений и слов А. М. Бабкина и В. В. Шендецова [5], как указано в предисловии его авторов, нашла отражение картотека, насчитывающая 125 тыс. примеров. К сожалению, общее число словарных статей неизвестно, но подсчет показал, что на статьи, посвященные немецкоязычным единицам, дающие их толкование с примерами употребления в произведениях классической художественной литературы, эпистолярных и общественно-политических текстах, приходится свыше тысячи. Их число значительно меньше, чем число лексикографических единиц — выражений и отдельных слов латинского и французского языков, однако значительно больше, чем англоязычных. Это неудивительно, так как столь мощная сегодня волна англоязычной лексики, заимствованной русским языком либо цитируемой и оставшейся «чужими словами», во время создания картотеки словаря едва только намечалась. (Ср. о современных явлениях гибридизации в русских нехудожественных письменных текстах: [6, с. 54–55].) В число отраженных упомянутым Словарем немецких выражений и слов входят многочисленные крылатые слова — это, прежде всего, цитаты из «Фауста» и некоторых стихотворений Гёте. (Литература о рецензии творчества Гёте чрезвычайно обширна. В работе В. М. Жирмунского [7] указаны многочисленные случаи цитирования произведений Гёте русскими писателями, мемуаристами, поэтами и критиками начиная с XVIII века и до эпохи символизма. См. также статью А. В. Ерохина [8, с. 64–66], в которой освещены вопросы, связанные с неотъемлемостью глубокого знания творчества Гете от либерально-демократической «бекетовской» культуры и системы духовных ценностей российской интеллигентной семьи.) На второе место следует поставить цитаты из произведений Шиллера, среди которых явно лидирует «Дон Карлос», и из лирики Гейне. Весьма многочисленны примеры пословичных и других фразеологических выражений, паремий типа *Ende gut alles gut; Wer A sagt,*

muss auch B sagen; Wenn ein Affe in den Spiegel hineinguckt, kann kein Apostel heraussehen, и т. п.

Обогащение русского лексико-фразеологического состава за счет таких интертекстуализмов происходит чаще всего посредством перевода, создания калькированных вариантов, восходящих к тому или иному прототипу, чаще всего латинскому. Лет десять тому назад на Невском проспекте можно было видеть немецкую вывеску над дверью кафе: «Essen, trinken, geniessen», текст которой представляет собой давний перевод латинского «житейского правила»: «Ede, bibi, lude», этот призыв был (латинским) припевом старинной песни немецких студентов, сама же цитата — перифраз девиза, приписываемого эпикурейцам [5, т. 2, с. 377]. Вероятно, не слишком многие носители русского языка обращались к словарям, чтобы выяснить перевод непонятной вывески на немецком языке, преподавание и изучение которого у нас в конце прошлого века заметно сократилось. Интересен составленный М. И. Михельсоном в дополнение к его же впервые изданному более столетия тому назад двухтомному словарю Указатель иностранных слов (так, скорее всего, для краткости называет автор все свои лексикографические объекты, причем здесь, видимо, не обошлось без аналогии с немецким Worte). Указатель включает не только и не столько отдельные лексемы, но и большое количество словосочетаний и выражений, собрание немецких «слов», поставлено на первое место — перед английским, французским, итальянским и латинским, и занимает 33 набранных мелким шрифтом страницы, столько же, сколько латинское; объем указателя английских единиц — всего 9,5, французских — 29, итальянских — около десяти страниц [9, т. 2, с. 1–117]. Способность и умение корректно и притом не преследуя цели достижения комического или пародийного эффекта употребить иноязычную немецкую цитату в устной коммуникации сегодня осталась, в сущности, только у филологов. В добротной изданной оригинальной литературе немецкие цитаты, и стихотворные, и прозаические, подчас даже отдельные слова, как правило, снабжаются переводом или/и комментарием. Цитация отдельных немецких слов с сохранением латинской графики — явление в современных журнально-газетных, потребительских и рекламных текстах на русском языке крайне редкое. Например, в специальных тематических номерах журнала «Всемирный следопыт», посвященных Австрии (№ 2 за 2006 г. — 140 с.) и Германии (№ 15 за 2005 г. — 117 с.), не встретилось ни одного случая цитации такого рода, отсутствуют и гибридные

образования, аналогичные тем, которые на материале английской лексики рассматривает Э. И. Мячинская [6].

Однако есть речевые жанры, где немецкие вкрапления регулярны (в основном именно такого рода цитации и отражены в упомянутом выше Словаре А. М. Бабкина и В. В. Шендецова). Это прежде всего произведения отечественных филологов, лингвистов и литературоведов. Здесь мы оставляем в стороне германистов — в их работах вкрапления отдельных лексем, словосочетаний, предложений и микротекстов имеют иную функцию, так как служат материалом научного исследования лингвистов, т. е. классифицируются, анализируются, подвергаются экспериментам и т. д., а у исследователей литературы приводятся названия произведений и нередко имена персонажей. Но цитация немецких выражений и слов нередко у коллег, работающих в других областях словесности и пишущих по-русски. Это давняя традиция, и примеров можно привести множество. Ограничимся лишь несколькими извлечениями. А. Н. Веселовский использует как термины и без перевода *Sturm und Drang*, *Kraftgenies*, *schöne Seelen* и др. [10, с. 488]; упоминает о своеобразных номинациях, свойственных определенному историческому периоду немецкой культуры: «“Kerl”, — пишет ученый в статье “Эпоха чувствительности”, — становится типическим словом для человека бурных страстей» [10, с. 489]. В статье же «Греческий роман» А. Н. Веселовский цитирует в своем переводе на русский язык обширный пассаж из книги немецкого филолога В. Роде: «Если... любовь... играет выдающуюся роль в поэзии того времени... то объяснить это следует... из нового направления, овладевшего в эту эпоху... сердечными желаниями, чаяниями (*Sehnsucht*) людей... Именно стремление (*Sehnsucht*) к чему-то еще не существующему и составляет сущность сентиментальной поэзии» [10, с. 32]. А. Н. Веселовский дважды в скобках дает немецкое слово, видимо потому, что переводит его по-разному. Далее в собственном рассуждении автора мы снова встречаем это слово, причем с новым его переводом («требование»): «Чем шире и глубже влияние такой поэзии, тем неотразимее представляется заключение, что не только она выходила из требования (*Sehnsucht*) чувства, но что в известной мере эти требования уже начинали осуществляться в формах реальности» [10, с. 33]. И, наконец: «Сравнение Роде может заставить предположить, что вся эта лирика построена на одной *Sehnsucht*, без всякой поддержки в жизни...» [10, с. 33], здесь иноязычное включение уже выступает как своеобразная тер-

минологическая цитация, не нуждающаяся в переводе, — очевидно, автор предполагает, что данное слово уже перестало быть «чужим» и вполне понятно его образованному читателю.

Ю. Н. Тынянов, размышляя о ценности иллюстраций в изданиях прозы и поэзии и возражая против некоторых, на его взгляд не нужных, попыток бездумного «сближения искусств», в самом начале своей критической статьи пишет: «. . . получили широкое распространение иллюстрированные *Prachtausgaben*» [11, с. 310]. Компонент *Pracht*- (роскошь, великолепие) сразу задает тон полемической заметке и предвосхищает дальнейшие оценки и соображения автора: не всегда уместно то, что роскошно и само по себе великолепно. «Роскошные издания», упомянутые в начале, окрашиваются легкой иронией, поскольку немецкое вкрапление сохраняет оттенок чего-то чуждого и, в соответствии с интенцией автора, не совсем уместного. Представим себе, что ученый употребил бы в своем констатирующем высказывании русское сочетание «роскошные издания» — ирония оказалась бы выраженной более ярко и резко, что все же, вероятно, не входило в авторскую интенцию.

Интересны многочисленные случаи цитации в совсем ином типе текста — дневниковой прозе, например в ценном документе по русской и западноевропейской истории и культуре 1825–1845 гг., Венском дневнике А. И. Тургенева [12, с. 84–107]. Автор свободно владел немецким языком, вероятно, этим и объясняется обилие цитаций (в основном однословных, реже — имеющих структуру предложно-субстантивной группы) в его записках: *Volksgarten*, *Königsbau*, *Burg*, *Vorstadt*, *Bedeutsamkeit*, *Ungarischer König*, *zum Sperl*, *zum wilden Manne*, *Burgensdorf*, *Hofmarschallamt* и др.; кроме того, здесь масса транслитераций и транскрипций немецких собственных имен: *Шенбрун*, *Шварценберг*, *Грабен*, в том числе и еще не устоявшиеся формы, такие как *Мюнхен* (т. е. Мюнхен), *Кашперле* (Кашперле, Кашперль), *Кольмаркт* (Кольмаркт), *Рюст-Камер* (*Rüstkammer*, Оружейная палата) и многие другие. Они снабжены комментариями и/или переводами публикатора. Среди этих имен собственных выделяется нарицательное абстрактное *Bedeutsamkeit*, которым автор дневника дополняет свое суждение о тогдашнем положении Моравии: «Никаких следов не осталось сего минутного величия, исторической важности, *Bedeutsamkeit*...» [12, с. 91], видимо, стремясь немецким аналогом русских лексем «величие» и «важность» усилить и подчеркнуть свою оценку, а поскольку дневник велся для себя, внесенное добавление отражает желание

А. И. Тургенева точнее зафиксировать свое впечатление. К транслитерации немецких имен собственных он прибегает стихийно, без-условно не имея в виду каких-либо стилистических или прагматических эффектов, просто в каждом случае ему проще и удобнее употребить ту либо другую форму. Все обусловлено жанром дневника и стилем его автора, близким к устной обиходно-разговорной речи. С известной поправкой на уровень культуры и образованности субъектов речи можно провести отсюда линию к «переселенческому жаргону» эмигрантов из России [13, с. 70–75; 14, с. 76–88].

Напротив, в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», где повествование, напомним, ведется от лица главного героя, мы встречаем употребление русифицированного *Vater* — *фатер*, в котором звучит своеобразная нотка, привносящая свой собственный, пусть крохотный, оттенок в богатейшее стилистическое многоголосие писателя. Рассуждая о своей заветной «идее» — стать Ротшильдом — и подспудно продолжая размышлять о своих отношениях с отцом — Андреем Версиловым, — Аркадий Долгорукий говорит следующее: «Дело очень простое, вся тайна в двух словах: *упорство* и *непрерывность* (курсив Достоевского. — Г. С.). — Слышали, скажут мне, не новость. Всякий фатер в Германии повторяет это своим детям. . . . Ротшильд был всего только один, а фатеров миллионы». Далее он приводит свои возражения, в частности: «Вот почему бесчисленные ваши фатеры в течение бесчисленных веков могут повторять эти удивительные два слова . . . а между тем Ротшильд остается один. Значит: то да не то, и фатеры совсем не ту мысль повторяют» [15, с. 77].

Как мы видим, *фатер* обладает русскими морфологическими категориями рода, падежа и числа, далее появляются и производные от него *фатерское* (упорство), *фатерская* (непрерывность, здесь означающая настойчивость), *по-фатерски*. В тексте возникает антонимия: понимать желание «стать Ротшильдом» *по-фатерски* — совсем не то же, что понимать его «серьезно»: понимая свою «идею» «серьезно», герой, по его собственному утверждению, «уже тем самым разом выходит из общества»; упоминается и о том, что особенно важно: *фатеры* — «не только немцы». Новое значение, которого у немецкого существительного и его производных не обнаруживается: *фатер* — типичный член общества, у него все как у всех, отец семейства, любящий добродетель и убегающий пороков: тут Ротшильдом не сделаешься, станешь только умеренным человеком; *фатер* — добропорядочный обыватель, но для Аркадия

Долгорукова уже не тот, кто в написанном девятью годами ранее «Преступлении и наказании» определен Раскольниковым образно и с сильной экспрессией как «тварь дрожащая». Возможно, здесь сказались антипатриархальные взгляды и настроения самого Достоевского, которые отмечала, в частности, переводчица произведений Достоевского на немецкий язык Лесс Кэррик (см. статью Г. Е. Потаповой [16, с. 276–281]), а также явственно слышится насмешка и негативно-пренебрежительная оценка, проистекающая, помимо всего прочего, от подросткового комплекса незаконнорожденного сына. Она усиливается за счет смены графики на кириллическую, предполагающую при чтении, во-первых, мгновенную заминку, а во-вторых, соответствующее русифицированное произношение.

Отметим попутно, что простейшие термины родства самых распространенных европейских языков настолько хорошо у нас известны, что в любом издании Достоевского мы напрасно бы стали искать перевод слова *father*, как без успеха отыскивали бы это слово и в словарях русского языка; в общеупотребительный словарный фонд оно не вошло, но в устной речевой коммуникации существует, соотносясь, между прочим, с шутивным, слегка пренебрежительным *киндер* (для *Kind* — «ребенок» в ед. ч.), которое употребляется — достаточно хорошо образованными людьми — именно в такой форме, с прибавлением окончания *-er*, очевидно, напоминающего морфемы в заимствованиях, давно вошедших в русский лексикон.

В речи Аркадия Долгорукого и отдельные французские слова (*фру-фру*, *бельфам*) вкраплены в аналогичной форме, как транскрипции, чего нет в многочисленных случаях употребления самых разных французских слов и выражений в речи других персонажей романа, прежде всего Андрея Версилова. Благодаря таким чертам речевой характеристики происходит углубление образов, в первую очередь — главного героя.

Стилистический прием изображения коверканной речи с фонетическими неправильностями, имитацией немецкого акцента, мастерски примененный Достоевским в ряде других произведений, а также Л. Н. Толстым (в «Отрочестве») с целью создания речевой характеристики, или речевого портрета персонажа, проанализирован А. В. Федоровым [3, с. 110–111].

Выше мы отметили привносимый иноязычными включениями оттенок легчайшей иронии или «чуждости» в авторском тексте статьи Ю. Тынянова. Однако немецкие вкрапления в авторском худо-

жественном повествовании могут быть средством злейшей сатиры и создания резко шаржированного образа. Можно вспомнить, например, язвительные, резко негативные насмешки Захара, слуги Обломова, по адресу Штольца в романе И. А. Гончарова. Но особенно ярко эта функция выступает в небольшом отрывке из романа Андрея Белого «Москва под ударом».

Сатирически шаржированный образ здесь — доктор Доннер. Он носит вымышленное, но прозрачное в контексте романа имя, придуманное писателем для персонажа, в котором создал жестокую карикатуру на Рудольфа Штейнера. Мудрец-антропософ и высочайший авторитет, которого А. Белый некогда превозносил как духовного Учителя, на страницах романа превратился в губителя душ. Высокий жрец истины окарикатурен и превращен в шарлатана от мировой политики. Доктор Доннер, пишет А. Белый, вел в Мюнхене очень странную жизнь: «... буддолог, известный трудами “Problem des Buddhismus”, которого на Гималаях считали почти Бодисатвой, в Германии — крысой ученою; в Риме же слыл он за “черного папу” <...> жил в скромной квартирочке на Кирхенштрассе и мяса не ел (только “обст” да “темюзэ”); пошучивал все с экономкой-уродиной.» <...> «вкусая печеное яблочко, руки над яблочком перетирая с таким твердым видом, как будто то яблочко было землею, которую Доннер мог скушать с огромнейшей легкостью; и за обедом сказал он: — Европа проткнется войною. — Сказав, подмигнул: — “Да уж я постараюсь!” Но в частной жизни потребности его были скромны; так, — занятия в “университет-библиотек”, прогулка по “Энглише гартен”, обед: рыбий “зупше”, печеное яблоко, послеобеденный сон, угловатые шутки со злой экономкой, держащей в руках его, <...> вечером гости: профессор Бромелиус, иль пфаррер Дикхоф, “пол массы” холодного пива и — сон» [17, с. 434]. Доктор Доннер обрисован как демон — разрушитель мира и как мещанин, в своей же обывательско-мещанской ипостаси он несомненно напоминает черта, с которым довелось побеседовать Ивану Карамазову (подмечено Ф. Степуном в очерке об Андрее Белом [18]). С целью снижения образа писатель щедро пускает в ход транскрибированные немецкие слова, обозначающие расхожие бытовые предметы и понятия, тогда как в начале описания название научного труда независимо от отношения автора-рассказчика к его содержанию приводится по-немецки в соответствии с традицией стиля научного изложения. Как представляется, тем самым автор подчеркивает контрастность оценок (*Бодисатва — крыса ученая*) и добавляет негативные штри-

хи и усиливает язвительность своей характеристики данного персонажа.

Подводя предварительный итог наблюдениям за функционированием немецких включений в русских текстах, можно констатировать, что спектр их стилистико-прагматических обусловленных контекстом значений широк и охватывает случаи, характеризующиеся большим разнообразием оттенков. Это, во-первых, нейтральное, книжное и научно-терминологическое употребление в текстах гуманитарных наук (для них характерна цитация на немецком языке), во-вторых, случаи употребления в текстах, относящихся к обиходно-разговорному функциональному стилю — в дневниковых записях русского путешественника, а также в устном общении людей, постоянно или временно живущих в иноязычной, немецкой среде (цитация на немецком языке и с использованием транскрипции и русской кириллической графики), и наконец, можно выделить функцию оценочного употребления немецких вкраплений в русский текст, причем оценка варьирует от иронической, шутливой до пренебрежительной и резко-негативной, маркирующей гротесковосатирические интенции автора. В последнем случае транслитерация может служить дополнительным средством негативной оценочности и/или создания комического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд И. В.* Интертекстуальность — поэтика чужого слова // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
2. *Иванов А. О.* Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. Л., 1985.
3. *Федоров А. В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.
4. *Галь Н. Я.* Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора. 3-е, доп. изд. М., 1979.
5. *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. Л., 1981; Т. 2. 1987.
6. *Мячинская Э. И.* О гибридизации русского письма под влиянием английского языка // Этюды по поводу: Сб. науч. статей, посвященных 60-летию заведующего кафедрой английской филологии СПбГУ профессора Александра Васильевича Зеленщикова. СПб., 2008.
7. *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе, Л., 1981.
8. *Ерохин А. В.* Александр Блок и Гёте // Гёте в русской культуре XX века. М., 2004.

9. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. М., 1994. Указатель иностранных слов.
10. *Веселовский А. Н.* Избранные статьи. Л., 1939.
11. *Тынянов Ю. Н.* Иллюстрации // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
12. *Азадовский К.* Из Венского дневника А. И. Тургенева // Вена и Санкт-Петербург на рубежах веков: культурные интерференции / Сост. А. В. Белобратов. СПб., 2001.
13. *Павлова А. В.* О речи выходцев из России, проживающих в Германии // Язык и речевая деятельность. Т. 2. СПб., 1999.
14. *Протасова Е.* Переселенческий жаргон // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М., 2006.
15. *Достоевский Ф. М.* Подросток. М., 1955.
16. *Потапова Г. Е.* От «прелюбодее мысли» к сокрушителю брачных уз... // Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Тупиманова. СПб., 2008.
17. *Андрей Белый.* Москва. М., 1989. С. 439.
18. *Степун Ф.* Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. СПб., 2010.

Стилизация ранненововерхненемецкой поэзии в творчестве Р. Вагнера

Рихард Вагнер, завершивший своим творчеством развитие немецкой романтической оперы, считал необходимым самостоятельно создавать тексты для своих произведений, которые придавали желаемую словесную форму его музыкальным драмам.

Стремясь к постижению национального духа, Вагнер исследует мифологические и исторические темы, знакомится с литературными источниками, историческими хрониками, народными сказаниями, произведениями своих предшественников. Так, либретто к опере «Летучий голландец» написано на основе народной легенды и новеллы Генриха Гейне, «Тангейзер» и «Лоэнгрин» на базе куртуазных романов XII века, «Кольцо нибелунга» — на основе скандинавского эпоса «Эдда» VIII–IX веков и средневерхненемецкого эпоса XIII века «Песнь о нибелунгах».

Что касается «Нюрнбергских мастерзингеров», то и здесь написанию оригинального либретто предшествовала кропотливая ознакомительная работа с источниками и историческими документами. Первый набросок текста относится к 1845 г.; замысел оперы был подсказан недавно законченной оперой «Тангейзер». «Нюрнбергские мастерзингеры» должны были стать своеобразной комедийной оперой параллельно к состязанию певцов в Вартбурге.

В 1861 г. Вагнер случайно заехал в Нюрнберг, и в нем, по его собственным словам, «словно зазвучала увертюра к “Нюрнбергским мастерзингерам”». В Венской придворной библиотеке для Вагнера находят самый главный исторический источник — «Книгу о сладостном искусстве мастерзингеров» Иоганна Кристофа Вагензейля (1697). В Мариенбаде в 1845 г. Вагнер обратился к изучению исторического материала, связанного с именем поэта Ганса Сакса, чтобы использовать этот материал в одной из сцен «Тангейзера» (сцена поэтического соревнования в Вартбурге). Основными источниками для написания сюжета стали «Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Deutschen» (1835/1840) Георга Готтфрида Гервинуса, книга Иоганна Кристофа Вагензейля «Von der Meistersinger holdseligen Kunst» (1697), сочинение Якоба Гримма «Über den altdeutschen Meistergesang» (1811), биография Ганса Сакса, на-

писанная Фридрихом Фурхау, новелла Э. Т. А. Гофмана «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» (1819/1821), а также драматическое стихотворение Иоганна Людвиг Дайнхардтштгейна «Hans Sachs» (1827), которое было положено в основу одноименной оперы Альберта Лортцинга (1840), известной Вагнеру. Некоторые сюжетные ходы были заимствованы из другой оперы Лортцинга — «Оружейник» (1846). Кроме того, в 1834 г. в Дрездене Альбертом Гироветцем была написана опера схожей тематики, которая, однако, никогда не была поставлена. В течение четырех недель, в Париже, в 1862 г., Вагнер завершает текст нового произведения, который становится самым полным и удачным с литературно-драматической точки зрения. Работу над партитурой Вагнер заканчивает в 1867 г., и, поставленная 21 июня 1868 г., она оказывается полным триумфом Вагнера.

Создавая новую форму искусства, музыкальную драму, Вагнер в своих теоретических работах («О сочинении стихов и музыки», «Художественное произведение будущности», «Опера и драма» и др.) кладет в основание внимательное изучение выразительных средств, свойственных поэзии, с одной стороны, и музыке — с другой. Отвергая тезис Моцарта о том, что «в опере безусловно необходимо, чтобы поэзия была послушной дочерью музыки» и подчиненную роль поэта по сравнению с музыкантом (обычно поэт, как лицо подчиненное, стремился угодить музыканту, нередко мешая ему: в выборе сюжетов и их переработке поэт следовал установленным традициям, не подвергал их серьезной критике), Вагнер объединяет в своем лице поэта с музыкантом, становясь драматургом-композитором.

Своеобразие либретто Вагнера заключается не только в их содержании, но и в поэтической форме, поскольку Вагнер, описывая состязания мейстерзингеров, пишет свое либретто во многом в соответствии с принципами построения стиха мейстерзингеров, стилизуя язык либретто под язык XV–XVI вв.

Стилизация — это не случайное подражание, а намеренное использование стиля для выражения жизненных явлений, получивших в нем свое воплощение [1, с. 169], нарочито подчеркнутая имитация оригинальных особенностей определенного стиля или особенностей языка определенной социальной среды и исторической эпохи в художественном произведении. Языковая стилизация представляет собой целенаправленную работу автора над приданием языку его произведения черт какой-либо эпохи и местности через особен-

ности стиля речи. Автор словно переключается на стилистическую систему, типичную для людей определенной социальной среды и эпохи [2, с. 72]. Стилизация выступает как художественный прием индивидуализации и типизации образа, как средство воссоздания обстановки, характера повествования, как средство «символического» воссоздания объективной действительности без непосредственного ее воспроизведения [1, с. 185]. Стилизация — яркое средство художественного изображения в литературе, применяется в таких произведениях, где показывается жизнь людей, наделенных характерными этнографическими, национальными, профессиональными чертами, в частности в произведениях, отражающих отдаленные от нас эпохи. Стилизацию можно определить как имитацию, «подделку» под оригинал, но эта подделка является явной, подчеркнутой; это намеренное подражание внешним, формальным особенностям какого-либо художественного стиля. Однако не следует воспринимать стилизацию просто как копирование, подражание. Стилизация помогает писателю создать живое представление о некоторых явлениях, рельефно изобразить людей конкретной исторической эпохи, выразить особенности образа мыслей и психологии героев через особенности стиля речи.

Нередко в научной литературе исследователи говорят о стилистически окрашенной лексике в аспекте создания различных колоритов. Под колоритом в этом случае понимается определенный социальный или эмоциональный нюанс слова или словосочетания словесного произведения [3, 4]. К таким колоритам относятся: территориальный, исторический, социальный, профессиональный и национальный.

Понятие «стилизация» трактуется шире понятия «колорит»: стилизовать можно не только язык эпохи, страны, местности, характерные социальные и профессиональные языковые черты, но и индивидуальный слог, стиль литературного направления, жанра. В данной работе различие между понятиями «стилизация» и «колорит» не имеет принципиального значения, поскольку они соотносятся с областью исследования.

Как цели стилизации, так и средства и способы ее осуществления очень неоднородны. В зависимости от этого различают разные виды стилизации. Так, например, А. И. Ефимов [2, с. 95] классифицирует стилизацию на: 1) историческую, воспроизводящую в художественном произведении речевые средства и способы их употребления, бытовавшие в прошлом и типичные для различных ис-

торических эпох в развитии общества; 2) жанровую, при помощи которой автор подражает излюбленным в каждом жанре словесности средствам и приемам выражения; 3) стилизацию разных социально-речевых стилей, преследующую цель воспроизвести речевые особенности людей, принадлежащих различным социальным слоям. Отмечается, что между этими видами стилизации есть как ряд промежуточных групп, так и перекрещивание самих задач, а также способов воспроизведения и использования разнородных стилистических систем. Г. Р. Петаш рассматривает: 1) историческую стилизацию, применяемую для того, чтобы вызвать у читателя ощущение архаичности стиля; 2) локальную и социальную стилизации, которые используются чаще всего в речи персонажей и, как правило, сопутствуют друг другу [5, с. 15].

Вагнер в либретто «Нюрнбергских мейстерзингеров» использует как языковую историческую стилизацию, так и стилизацию жанровую, т. е. стилизацию формы мейстерзингерской поэзии.

Отметим характерные особенности первого типа. В первую очередь это введение в текст либретто большого количества историзмов, например, таких исторических реалий, как названия категорий певцов в школах мейстерзанга: *der Sanger* — исполнитель песен других авторов, *der Dichter* — тот, кто пишет новые тексты (Wort) на уже существующие мелодии (Weise) или даже на уже существующий тип строфы (Ton), *der Meister* — тот, кто изобретает новый тип строфы, т. е. пишет слова, мелодию и новую структуру строфы. Звание *der Schulfreund* получал певец, который еще не успел зарекомендовать себя на поэтическом поприще. На нижней ступени располагались *die Schuler* — ученики и подмастерья.

Это и *Tabulatur* — свод правил, регламентировавший процесс создания новых произведений, и *Germek* — объединение четырех судей-метчиков (Merker), следивших за исполнением и отмечавших малейшие отклонения от правил. Вагнер использует стилистически маркированную лексику, оперируя основными понятиями структурного построения стиха мейстерзанга: *die Stollen*, *die Gegenstollen*, *der Abgesang*, *die Bar*. Строфа мейстерзанга являлась трехчастной, первые две — *Stollen* и *Gegenstollen*, последняя — *Abgesang*, которая противопоставлялась двум первым и по структуре, и по мелодии. Строфа могла состоять из двадцати-тридцати строк.

Семантические и грамматические архаизмы, иноязычные заимствования, включение в число действующих лиц ряда исторических персонажей (12 легендарных мейстерзингеров Ганса Сакса, Курта

Нахтигалья, Ганса Фогеля, Ганса Фольца и др.) — все это, несомненно, придало либретто историческую достоверность.

Подробное использование Вагнером книги Вагензейля «*Von der Meister-Singer holdseligen Kunst*» позволяет композитору подключить и другой тип стилизации — стилизацию жанровую, повторяющую формы мейстерзингерской поэзии. Можно смело сказать, что текст оперы во многом обусловлен книгой Вагензейля и в опере нет свободного вымысла, идет ли речь о введении рыцаря Вальтера Штольцинга в цеховое искусство, описании дня святого Иоанна или перечне ошибок, которых следует избегать желающим стать мастерами. Перечисление учеником Г. Сакса Давидом *der Meister Tön' und Weisen* во второй сцене первого акта является выдержкой из книги Вагензейля, написанной в стихотворной форме. Несколько подробно Вагнер следует книге Вагензейля иллюстрирует несколько следующих примеров (цит. по: [13, S. 147–148]):

Вагензейль

Ein jedes Meister-Gesangs Bar hat sein ordentlich Gemäs

Вагнер (1 акт, 3 сцена)

*Ein 'jedes Meistergesanges Bar
stell' ordentlich ein Gemäße dar* [13].

В данном фрагменте Вагнер применяет господствовавшую в поэзии мейстерзингеров стихотворную форму, основанную на силлабическом принципе (так называемый равносложный книттельферз), используя девять слогов при мужской клаузуле.

Вагензейль

Ein Gesätz bestehet meistentheils aus zweyen Stollen/die gleiche Melodey haben

Вагнер (1 акт, 3 сцена)

*Ein Gesetz besteht aus zweenen Stollen,
die gleiche Melodei haben sollen* [13].

Здесь насчитываются десять слогов при женской клаузуле.

Вагензейль

Darauf folgt das Abgesang/so auch etliche Vers begreiff/welches aber eine besondere und andere Melodey hat/als die Stollen [13].

Вагнер (1 акт, 3 сцена)

*Darauf so folgt der Abgesang,
der sei auch etlich' Verse lang,
und hab' sein' besondere Melodei,
als nicht im Stollen zu finden sei* [6].

В данном фрагменте насчитываются соответственно восемь, десять и девять слогов при мужской клаузуле.

Во второй сцене первого акта ученик Сакса Давид очень подробно объясняет Вальтеру Штольцингу все те правила, которым должно следовать искусство пения согласно законам мейстерзанга: профессиональные термины, правила, предписания, законы построения стихов и своеобразная иерархия мейстерзингеров в соответствии с цеховыми правилами:

David: *Fanget an!*

Walther (verwundert): *Was soll's?*

David (noch stärker): *“Fanget an!” — So ruft der “Merker”.*

Nun sollt Ihr singen! Wißt Ihr das nicht?

Walther: *Wer ist der Merker?*

David: *Wißt Ihr das nicht?*

Wart Ihr noch nie bei 'nem Sing-Gericht? ...

... Seid Ihr ein “Dichter”?

Walther: *War' ich's doch!*

David: *Seid Ihr ein “Singer”?*

Walther: *Wüßt' ich's noch!*

David: *Doch “Schulfreund” wart Ihr und “Schüler” zuvor?*

Walther: *Das klingt mir alles fremd vorm Ohr...*

David:... *Schuhmacherei und Poeterei,*

die lern' ich da alleinerlei:

hab ich das Leder glatt geschlagen,

*lern' ich **Vokal** und **Konsonanz** sagen;*

wichst' ich den Draht erst fest und steif,

*was **sich** dann **reimt**, ich wohl begreif!*

Den Pfriemen schwingend,

im Stich die Ahl',

*was **stumpf**, was **klingend**.*

*was **Maß**, was **Zahl** —*

den Leisten im Schurz, was lang, was kurz,

was hart, was lind, hell oder blind,

*was **Weisen**, was **Milben**, was **Klebsilben**,*

*was **Pausen**, was **Körner**, was Blumen, was Dörner —*

das alles lernt' ich mit Sorg' und Acht...

***Ein Bar** hat manch Gesätz und Gebänd':*

wer da gleich die rechte Regel fand',

die richt'ge Naht

und den rechten Draht,

mit gutgefugten **Stollen**

den Bar recht zu versohlen!

Und dann erst kommt **der Abgesang**;

daß der nicht kurz und nicht zu lang

und auch keinen Reim enthält,

der schon im **Stollen** gestellt. —

Wer alles das merkt, weiß und kennt,

wird doch immer noch nicht "**Meister**" genannt.

Walther: Hilf Gott! Will ich denn Schuster sein?

In die Singkunst lieber führ mich ein.

David: Ja, hätt ich's nur selbst schon zum "Singer" gebracht!

Wer glaubt wohl, was das für Mühe macht?

Der Meister **Tön'** und **Weisen**,

gar viel an Nam' und **Zahl**.

die starken und die leisen,

wer die wüßte allzumal!

Der "kurze", "lang" und "überlang" der **Ton**.

die "Schreibpapier"-, "Schwarz-Dinten"- Weis';

der "rote", "blau" und "grüne" **Ton**;

die "Hageblüh"-, "Strohhalme"-, "Fengel- **Weis**"...

Denn "Singer" und "Dichter" müßt Ihr sein,

eh' Ihr zum "Meister" kehret ein...

Walther: Nun dies noch: wer wird "Meister" genannt?

David (mit sehr tief sinniger Miene): Der Dichter, der aus eig'nem
Fleiße

zu Wort' und Reimen, die er erfand,

aus Tönen auch fügt eine neue Weise,

der wird als "Meistersinger" erkannt. [6, S. 37–41]

Здесь Вагнер подробно и основательно перечисляет законы и правила не только самого состязания, но и необходимые условия для тех, кто будет состязаться. Состязание певцов обязательно начиналось призывом: «Начинай!» — «Fanget an!». Вальтер не понимает, что имеет в виду Давид. Тот пытается пояснить, что именно таким возгласом метчик (Merker) призывает участника состязания начать исполнение. Однако и слово «метчик» неясно Вальтеру. А ведь именно метчик, главный на суде, ведет счет ошибкам певца, отмечая их мелом на доске. «Dichter», «Singer», «Schulfreund», «Schüler» — все это необходимые ступени, которые должен пройти в процессе обучения желающий стать «мастером пения». Давид объясняет Вальтеру, что искусство пения приравнивается к цеховому

мастерству: наряду с тем, как ученик пытается овладеть мастерством сапожника, он учится слагать рифмы и зубрит законы стихосложения: размеры, типы слогов, виды гласных, названия тонов (*Vokal, Konsonanz, sich reimen, Maß, Zahl, Töne, Weisen*). Так, например, о тонах Давид говорит, что приводит лишь их названия, а ведь необходимо твердо знать, как строить линию мелодии, как дышать и сколько согласных должно быть в строке. К тому же нельзя смущаться и сбиваться во время исполнения, иначе певцу не избежать провала.

Речь идет и о мужской и женской конечной рифме *stumpf, klingend. Bar, Stollen, Gegenstollen, Abgesang* — термины, являющиеся основополагающими для структурирования поэзии мейстерзанга.

Упоминаются также *Weisen, Milben, Klebsilben* — тип мелодии, виды слогов (своего рода «клепцы» и «приклейки»). Важны были паузы и особенные рифмы — *Pausen, Körner*.

Только освоивший все правила и законы учащийся мог со временем стать «мастером пения».

После исполнения Вальтером песни перед мастерами пения Бекмессер выносит свой вердикт, перечисляя ошибки рыцаря: *“Falsch Gebänd”, “unredbare Worte”, “Klebsilben”, hier “Laster” gar. [6, S. 99]. “Aequivova”, “Reim am falschen Orte”, “verkehrt”, “verstellt” der ganze Bar; ein “Flickgesang” hier zwischen den Stollen;... .. “blinde Meinung” allüberall; [6, S. 101]*

“unklare Wort”, “Diefferenz”, hier “Schrollen”,

da “falscher Atem”, hier “Überfall”...

...Ganz unverständliche Melodei!

Aus allen Tönen ein Mischgebräu! [6, S. 103]

Verloren hätt’ er schon mit dem Acht’:

doch so weit wie der hat’s noch keiner gebracht!...

Wohl über fünfzig, schlecht gezählt!

Sagt, ob Ihr Euch den zum Meister wählt? [6, S. 103]

Так Бекмессер начинает перечислять ошибки Вальтера — все они отмечены мелом на доске: нет связи между строфами, отсутствие певучести и благозвучности стихов, неверная рифма, лишние слоги, нет ясности содержания, лишние паузы и промедления, неясная мелодия, смешение тонов. Бекмессер не видит нужным считать общее число ошибок — при позволенных семи, Вальтер допустил их по меньшей мере полсотни. Настолько плохого исполнения, по словам Бекмессера, не позволял себе никто никогда ранее. Мало того,

когда Вальтера вызвали выступать, он позволил себе занять место на стуле: Kothner: (sehr laut) *Der Sänger sitzt* [6, S. 103].

Данный факт был недопустим, певцы исполняли свои произведения только стоя.

Сама песнь, называемая *Bar*, должна была состоять из нескольких строф, обычно из 3, 5 или 7. Число строф было нечетным.

Структура стиха обычно трехчастна; первые две строфы (*Sg. der Stollen*, Pl. *die Stollen u die Gegenstollen*) имеют идентичную структуру и образуют так называемый *Aufgesang* (*fronte*) — восходящий стих. Им противопоставляется третья часть, отличающаяся от предшествующих рифмой и метром — *der Abgesang* — нисходящий стих. В одной строфе могло быть от 5 до 100 строк, как правило, их было от 20 до 30.

Характерной чертой поэзии мастеров было и использование так называемого «книттельферза».

Старонемецкие «ломаные стихи» (*Knittelverse*) восходят к силлабическому двенадцатисложнику Ганса Сакса. После реформы Мартина Опица, установившей правильное чередование ударных и неударных, этот архаический стих почти не использовался в литературе — представители поэзии высокого стиля пользовались им только в пародиях [7, с. 182].

Основными характерными чертами книттельферза являются наличие четырех ударений, парная рифмовка и полная каденция: односложная — мужская, двусложная — женская [8, S. 101]. Исследователи различают в книттельферзе XV и XVI веков равносложный книттельферз (*der strenge Knittelvers*) и неравносложный книттельферз (*der freie Knittelvers*) [9]. Равносложные и неравносложные стихи отличаются друг от друга количественно, в зависимости от числа слогов. Так, в неравносложном книттельферзе могло быть от 6 до 15 слогов (обычно — от семи до десяти), наличествовали четыре ударения (четырёхстопный ямб). В равносложном книттельферзе также велся счет слогам: при мужской клаузуле число слогов составляло восемь, при женской — девять. То есть, как и в мейстерзанге, велся строгий счет слогам.

Итак, стих у мейстерзингеров рифмованный, силлабический с цезурой: силлабический (от греч. *σύλλαβος* — слог), т. е. основной мерой стиха является число слогов, а долгота и краткость не являются столь существенными. Ритм стиха осуществляется посредством повторения одинакового количества слогов. Наличие общего числа слогов и ударения в конце строки обязательно. Количество

ударений остается неизменным на протяжении всего стиха, правило альтернирования (ударные и безударные слоги должны были чередоваться со строгой регулярностью) было обязательным. Адам Пушман, теоретик позднего времени, позволяет наличие не более 13 слогов в одной строке. Такая закономерность происходит без учета естественного языкового ударения слов, ударный слог неизменно чередуется с безударным.

Исследователи пытаются объяснить такое чуждое языку употребление стиха, предполагая влияние латинской и французской поэзии. В. Кайзер пишет о том, что сегодня исследователи скорее склоняются к тому, чтобы видеть причину такого употребления в мелодии, которая подчинила себе слово за многие столетия [10, S. 18]. Слово как таковое ничего не значило по сравнению с мелодией, тексты писались только как исходный материал для переложения на музыку. При этом относительно того, насколько мелодия могла смягчать противоречащее природе ударение, до сих пор нет единого мнения. В. Кайзер считает, что музыка могла смягчать такое отклонение от произносимой нормы: так и сегодня, слушая песню, мы принимаем то ударение, которое в разговорной речи казалось бы нам противоестественным.

Отклонение в ударении объясняет музыкой и Э. Арндт. Он пишет, что уже в средневерхненемецкой лирической поэзии музыка вышла на первый план, в поэзии мейстерзингеров она играет главную роль [11, S. 150]. Это и приводит к известному отклонению ударения, которое характерно для поэзии мейстерзанга.

С XIV века в структуру стиха вводится обязательный односложный *Auftakt* — затакт. С него должны начинаться все стихи.

Строфы могли иметь различный объем (от трех-четырех строк до 16 и более) и были рифмованными. Иногда строка в строфе могла быть и без рифмы, так называемая *die Waise*. Такая строка не имела рифмы и как бы вклинивалась в зарифмованную строфу. Если *die Waise* в одной строфе рифмовалось с *die Waise* в другой, то они образовывали *die Körner*.

В искусстве мейстерзанга рифма строго определена для всего стиха. Так, например, рифма в восходящей части, как правило, была перекрещивающаяся по типу АВАВ. Конец восходящей части рифмуется с концом нисходящей части и всей строфы, что для современного слуха распознать практически невозможно, ведь зарифмованные строки отстоят друг от друга иногда более чем на 10 строк. В стихах могла использоваться также сквозная рифма.

В третьей сцене первого действия мастерзингер — булочник Фриц Котнер зачитывает точное описание стиха мастерзанга, написанное в “Leges Tabulaturae” — уставе мастеров пения:

Kothner (winkt den Lehrbuben. Zu Walther):

*Was Euch zum Liede Recht' und Schnur,
vernehmt nun aus der Tabulatur.*

(Die Lehrbuben haben die an der Wand aufgehängte Tafel der “Leges Tabulaturae” herabgenommen und halten sie Kothner vor; dieser liest daraus.)

*«Ein jedes Meistersanges Bar
stell' ordentlich ein Gemäße dar
aus unterschiedlichen Gesätzen,
die keiner soll verletzen.
Ein Gesätz besteht aus zweenen Stollen,
die gleiche Melodei haben sollen;
der Stoll' aus etlicher Vers' Gebänd',
der Vers hat seinen Reim am End'.
Darauf erfolgt der Abgesang,
der sei auch etlich' Verse lang
und hab' sein' besond're Melodei,
als nicht im Stollen zu finden sei.
Derlei Gemäßes mehre Baren
soll ein jed' Meisterlied bewahren;
und wer ein neues Lied gericht't,
das über vier der Silben nicht
eingreift in anderer Meister Weis',
deß Lied erwerb' sich Meisterpreis».*

(Er gibt die Tafel den Lehrbuben zurück; diese hängen sie wieder auf.) [6, S. 83].

Однако следует отметить, что, придерживаясь законов стихосложения XV века, Вагнер не мог всецело следовать им, поскольку сосуществование музыки и текста в опере накладывают определенные требования на структуру последнего. Поэтому Вагнеру приходилось модифицировать разработанный в Средневековье стихотворный образец, что, однако, не лишило стилизованные фрагменты данного произведения исторического колорита.

Так, в нижеследующем отрывке соблюдены основные условия мастерзанга (перекрещивающаяся рифма в восходящей части,

парная рифма в нисходящей части, обязательный затакт, чередование мужских и женских рифм, преобладание равносложного кнителиферза), однако четное количество строк в строфе нарушает предписанную нечетную обязательность:

*In Nürnberg der größte Meister
mich lehrt die Kunst Hans Sachs;
schon voll ein Jahr mich unterweist er,
daß ich als Schüler wach's'.
Schuhmacherei und Poeterei,
Die lern' ich da alleinerei:
hab' ich das Leder glatt geschlagen,
lern' ich Vokal und Konsonanz sagen* [6, S. 37].

В следующем примере количество строк вновь не совпадает с эталоном:

*Sieben Fehler gibt er Euch vor,
die merkt er mit Kreide dort an:
wer über sieben Fehler verlor,
hat versungen und ganz vertan!
Nun nehmt Euch in acht:
Der Merker wacht!* [12, S. 52]

Однако в тексте есть места, полностью соответствующие концепции мейстерзанга:

*Den Tag seh'ich erscheinen,
der mir wohl gefallen tut;
da faßt mein Herz sich einen
guten und frischen Mut:
da denk' ich nicht an Sterben,
lieber an Werben
um jung Mägdeleins Hand.* [12, S. 119]

Рассмотренный тип жанровой стилизации явился не единственным примером в литературном творчестве Вагнера. В «Кольце нибелунга» Вагнер успешно пытается структурировать тонический германский аллитерационный стих, распадающийся на два полустишия по два ударения в каждом и отмеченный повторением начальных согласных звуков.

Таким образом, занимаясь творческой переработкой источников, Вагнер добивается максимальной приближённости к духу описываемой эпохи, многогранно используя прием стилизации, который под его пером становится не подделкой под оригинал и выхолощенным копированием внешних построений, но единством и орга-

ничностью содержания и художественной формы, художественным приемом индивидуализации и типизации образа как средством воссоздания обстановки, характера повествования [1, с. 185]. Отводя слову особое место в своем музыкальном творчестве, именно Вагнер делает «сказителя» подлинным художником [13, S. 154; 14–16].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Троицкий В. Ю.* Слово и образ. Стилизация. М., 1964.
2. *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М., 1957.
3. *Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка. М., 1983.
4. *Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. М., 1975.
5. *Петаш Г. Р.* Виды и средства стилизации в художественной литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
6. *Wagner R.* Die Meistersinger von Nürnberg. Mainz, 2004.
7. *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.
8. *Paul O., Glier J.* Deutsche Metrik. München, 1961.
9. *Heusler A.* Deutsche Versgeschichte. 2 Bd. Berlin; Leipzig, 1927.
10. *Kayser W.* Geschichte des deutschen Verses. Bern, 1960.
11. *Arndt E.* Deutsche Verslehre. Berlin, 1968.
12. *Wagner R.* Die Meistersinger von Nürnberg. Leipzig, 1986.
13. *Voss E.* Wagner und kein Ende. Zürich; Mainz, 1996.
14. *Галь Г.* Брамс. Вагнер. Верди. Ростов-на-Дону, 1998.
15. *Литтанберже А.* Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997.
16. *Ermen R.* Meisterprobleme zwischen Interpretation und Realisation. Die Meistersinger und Richard Wagner. Nürnberg, 1981.

Семантика этнонимов в составе фразеологических единиц

В лингвистике существует давняя традиция анализа фразеологических единиц (ФЕ) с точки зрения использования в них какого-либо лексического компонента. Разряд ФЕ с этнонимическим компонентом неплохо представлен в количественном отношении (168 единиц), можно сказать, что данные ФЕ образуют отдельную микросистему во фразеологической системе немецкого языка.

Фразеобразовательный потенциал этнонимов как лексико-семантической группы рассматривается на фоне общей проблемы сочетаемости лексических единиц, т. е. речь идет о синтагматических отношениях, которые устанавливаются при комбинировании слов и существуют в рамках более крупных языковых единиц: словосочетаний, предложений. При этом выявляются значения, которые реализуются благодаря определенному контексту — в данном случае фразеологически связанные значения этнонимов (и их производных).

Как известно, процесс фразеологизации имеет две стороны, находящиеся в диалектическом взаимодействии: влияние лексического значения компонента на формирование фразеологического значения и влияние, которому подвергается сам компонент. Поэтому нас интересовал, с одной стороны, вопрос о семантической мотивированности ФЕ значениями этнонимов (и их производных), на базе которых образованы эти ФЕ. С другой стороны, важным представляется вопрос о семантической сущности этнонимического компонента в составе ФЕ и о путях его семантического преобразования.

Исследуя мотивированность ФЕ, мы сталкиваемся с понятием внутренней формы. Термин «внутренняя форма» охватывает те стороны лингвистической мотивированности знака, которые традиционно описываются как морфологическая и семантическая мотивированность слова: и в том и в другом случае речь идет о мотивированности языкового знака признаком денотата (реальным или приписываемым ему), положенным в основу номинации [1, с. 7]. Несомненно, что выбор признака номинации зависит от характера называемого объекта и от отражательной способности наше-

го сознания. Таким образом, изучая фразообразовательный потенциал этнонимов, мы также касаемся вопроса проявления этнических стереотипов в языке, т. е. того, каким образом в немецком языке отражается «наивная мифология» (термин В. А. Плуменя, Е. В. Рахилиной) [2, с. 340], описывающая свойства и особенности различных наций, народов и т. п.

Следует отметить, что этнонимы понимаются в данном случае в широком смысле. В качестве видов этнонимов рассматриваются названия племен и племенных союзов, граждан различных политических образований (государств), жителей городов, местностей, населенных пунктов, а также наименования национальных и расовых групп, поскольку в лингвистическом исследовании их разграничение представляется непринципиальным. Кроме собственно «этнонимов» интерес представляют этнические прозвища, данные тем или иным народам или жителям. Для удобства все названные выше лексические единицы будут называться этнонимами.

Необходимо также уточнить, что в данной статье понимается под этнонимическим компонентом фразеологизмов (далее ЭК).

Во-первых, это непосредственно существительное-этноним: *getaufter Jude* ‘ростовщик’ (досл. крещеный еврей); или этническое прозвище (2 примера): *voll wie ein Iwan* ‘очень пьяный’ (досл. наполненный как Иван).

Во-вторых, это компоненты, являющиеся производными от этнонимов: наречия (*böhmisch schlau* ‘хитрый, коварный’ — досл. хитрый по-богемски) и прилагательные (*chinesische Krankheit* ‘желтуха’ — досл. китайская болезнь).

В-третьих, ЭК может быть представлен этнонимом в качестве одной из непосредственных составляющих (НС) композита, например: *ankommen wie die Sau ins Judenhaus* ‘быть не к стати, не вовремя; абсолютно не подходить’ (досл. приходить, как свинья в еврейский дом) — в еврейской культуре свинья считается грязным, недостойным животным, ее мясо не употребляется в пищу.

В-четвертых, на периферии рассматриваемого фразеологического микрополя находятся выражения, ЭК которых представлен описательным наименованием жителя — оборотом с предлогом *aus / von* и географическим наименованием: *aus Dummsdorf sein* ‘быть глупым’ (досл. быть из Думмсдорфа). Хотя выбор названия населенного пункта чаще всего мотивирован игрой слов (*dumm* — глупый, *Dummsdorf* — деревня дураков), но по своей внутренней форме выражение является наименованием лица по его происхождению

или месту проживания и может быть трансформировано в соответствующий этноним, ср.: Ich bin kein Bremer! *‘меня так просто не проведешь!’* (досл. я не житель Бремена).

Во фразеологической микросистеме ФЕ с ЭК представлены единицы разных структурно-семантических групп (номинативные, номинативно-коммуникативные, междометные и коммуникативные), а также единицы, различные по своим структурно-морфологическим признакам (со структурой словосочетания и предложения), которые, в свою очередь, представлены разными структурными моделями. Анализ показал, что структурная организация ФЕ во многом обуславливает специфику семантики этнонимов в составе ФЕ. В связи с этим имело смысл рассматривать смыслообразующую роль ЭК в рамках ФЕ определенных структурных типов.

Исходя из критерия семантической значимости ЭК, фразеологические единицы с ЭК разных структурно-семантических групп разделяются на следующие типы.

I. ФЕ, обладающие максимальной семантической значимостью ЭК, поскольку важную роль в формировании значения ФЕ играет не только денотативно-сигнификативное содержание, но и коннотативный потенциал этнонимов. К данному типу относятся, прежде всего, **компаративные ФЕ** (КФЕ), являющиеся одним из наиболее четких структурных разрядов этнонимической фразеологии. Формирование КФЕ происходит в рамках компаративной структуры на основе сопоставления сем основания сравнения и объекта сравнения — наименования представителя этнической группы. Характеристика признака или действия происходит через конкретный образ, создаваемый упоминанием о представителе определенной этнической группы. Привычность образа поддерживается стереотипными представлениями, связанными с данным народом и входящими в коннотацию этнонима.

Первый компонент сравнения (глагол или имя прилагательное) может выступать как в своем основном буквальном значении, так и в переносном. Этнонимы участвуют в создании внутренней формы КФЕ, не утрачивая своего предметно-логического содержания, затем переосмыслиются в составе КФЕ и выступают как интенсификаторы (schuften wie ein Neger *‘пахать как негр’*, т. е. очень напряженно работать; stolz wie ein Spanier *‘гордый как испанец’*, т. е. очень гордый) или уточнители, семантические дифференциаторы первых компонентов (hausen wie die Hottentotten *‘жить как*

gottentotmtty’ — жить очень бедно; *hausen wie die Schweden* ‘*хозяйничать как шведы*’ — разрушать, опустошать).

Образность адъективных КФЕ создается благодаря сравнению лица, обладающего каким-либо признаком, чертой характера, с представителем какого-либо народа, наделенного таким качеством в максимальной степени с позиций сложившегося этнического стереотипа, а также лингвистической традиции. Первый компонент адъективного сравнения называет качество человека, функция второго компонента — в данном случае субстантивного ЭК — всегда усилительная, например: *schwarz wie ein Neger* ‘(шутл.) *загорелый (черный) как негр*’, *spitz / scharf wie tausend Russen* ‘*очень похотливый, сладострастный*’, *scharf wie zehn nackte Neger* ‘*очень сладострастный*’, *voll wie hundert / tausend Russen*, ‘*очень пьяный*’. Чрезмерное употребление алкоголя считается типичным для русских не только представителями иных культур, но и самими референтами данного этнонима. В немецком языке отражение этого стереотипа мы находим также в выражении *saufen wie ein Russe*.

Показательной для КФЕ является их лексическая вариантность. Лексические варианты представлены в том числе и оборотами с взаимозаменяемыми этнонимами (*hausen wie die Vandalen / wie die Schweden / wie die Hunnen*). В этом случае возникает вопрос о правомерности рассмотрения ФЕ в качестве лексических вариантов. Дело в том, что вследствие замены этнонимов, не являющихся синонимами (по крайней мере, в своих первичных значениях), меняется внутренняя форма, создается другой образ, а тогда речь должна идти о фразеологических синонимах, а не о вариантах одной и той же ФЕ [3, с. 83; 4, с. 9]. Однако в наших ФЕ варьируемые компоненты соотносятся со словами одного семантического класса, а кроме того, в контексте конкретной ФЕ они актуализируют сходные семы. Тот факт, что поведение именно этих народов ассоциируется с жестокостью, беспощадностью, имеет свои исторические корни и закреплено в немецкой языковой традиции. Следует напомнить, что этнонимы *Vandalen* и *Hunnen* имеют в системе своих значений переносное значение «варвары», что также создает основу мотивированности ФЕ. Сравнение со шведами менее прозрачно и требует воспоминания о событиях Тридцатилетней войны, когда шведские войска опустошали немецкие земли. Таким образом, варьируемые ЭК не вносят в значение ФЕ смысловых оттенков. На этом основании можно рассматривать соответствующие образова-

ния как промежуточные явления между синонимией и вариативностью [5].

II. ФЕ с большей значимостью денотативно-сигнификативного содержания ЭК. К данному разряду относятся коммуникативные ФЕ, а именно **пословицы** с ЭК. Для них характерны определенные структурные модели. Чаще всего это сложносочиненные или сложноподчиненные предложения со сравнительно-противительной семантикой. Часто для «пословичных» моделей характерны рифма, параллелизм, повторы:

Der Deutsche denkt es aus, der Franzose macht's nach zu Haus, der Brite kommt hinterdrein und steckt den Nutzen ein (*досл.* немец придумывает, француз подражает, потом приходит англичанин и прикарманивает выгоду).

Der Deutsche denkt an das, was gewesen, der Franzose an das, was ist, und der Spanier an das, was sein wird (*досл.* немец думает о том, что было, француз о том, что есть, а испанец о том, что будет).

Was dem Russen gesund ist, bringt dem Deutschen den Tod (Что русскому хорошо, то немцу — смерть).

Основной смысл таких пословиц — в отражении типичных национальных черт разных народов, их отличия друг от друга с точки зрения носителей языка. Народы, отмеченные в пословицах, воплощают, по-видимому, в наивном языковом сознании представления о полюсах этнического несходства, обладают кардинально отличающимися друг от друга этнопсихологическими особенностями. Таким образом, этнонимы оказываются в особом сопоставительном контексте, в котором они вступают друг с другом в своего рода антонимические отношения. Этнонимы выступают в данном случае в своих основных значениях, без переосмысления.

III. ФЕ с большей значимостью коннотативных сем и «затемнением» собственно этнонимической семантики ЭК. К данному типу относятся **некомпаративные ФЕ с субстантивным ЭК.** На уровне внутренней формы благодаря ЭК создается очень емкий устойчивый образ, вызывающий эмоциональную реакцию и повышающий экспрессивность языковой единицы. При этом в основу мотивированности ФЕ ложатся чаще всего такие признаки этносов (реальные или приписываемые им), как особенности внешности, особенности поведения, культурно-исторические характеристики, моральные качества, типичный вид деятельности, например: *getaufte(r) Jude* '*ростовщик*' (*досл.* крещеный еврей), *christlicher Jude* '*купец-христианин, занимающийся махинациями*' (*досл.* христи-

анский еврей), *katholischer Jude* ‘*всегда соблюдающий свою выгоду католик*’ (досл. католический еврей), *weißer Jude* ‘*очень опытный бизнесмен (христианин)*’ (досл. белый еврей — белый цвет ассоциируется с обрядом крещения) — евреев считали прирожденными коммерсантами, им приписывали способность в любом случае соблюдать свои интересы, действуя при этом не всегда честным путем; они часто давали деньги в долг. Не все из данных коннотативных сем этнонима *Jude* закреплены в узуальных этнометафорах. Лишь значение ФЕ *getaufter Jude* заметно сближается с переносным значением этнонима *Jude* ‘*ростовщик*’ в свободном употреблении.

Важную роль в формировании смысла ФЕ играют и адъективные компоненты, способствующие актуализации скрытых сем этнонимов. Внутренняя смысловая структура данных фразеологизмов построена на противопоставлении дифференциальных семантических признаков компонентов.

В следующих выражениях на первый план выходит сема «цвет кожи»: *toter / gepreßter / gehackter Indianer* ‘*мясные консервы*’; *Chinesen spielen* ‘*болеть желтухой*’ (досл. изображать китайца), и с тем же значением — *mit den Chinesen Bruderschaft getrunken haben* (досл. выпить с китайцами на брудершафт). В основе создания образа в ФЕ *einen Mohren weiß waschen wollen* ‘*пытаться оправдать виновного*’ лежит метафора «темный цвет кожи — темные дела», основанная на представлении о внешности мавров.

Таким образом, очевидно, что к данному типу ФЕ с ЭК относятся также **пословицы** с ЭК с метафорически переосмысленным значением, например: *Wer einen Mohren wäscht, verliert Mühe und Seife* (кто пытается отмыть мавра, тот попусту тратит силы и мыло; ср. рус.: черного кобеля не отмоешь добела). Благодаря наличию семы «черный цвет» в значении этнонима, имеющего ассоциацию с отрицательной оценкой, достигается характерная для пословиц лаконичность и четкость выражения мысли.

Коннотативное содержание этнонимов оказывается важным и для **поговорок** с ЭК. Поговорки чаще всего определяются через их сравнение с пословицами. В отличие от пословиц, они характеризуются конкретным характером суждения, им не свойственно обобщение [5, с. 8]. Если пословицы в первую очередь конденсируют мудрость народа, то поговорки более пригодны для выражения чувства или просто для оживления речи, им присущ лишь конкретный и частный смысл, хотя они и соотносятся с типичными ситуациями [6, с. 71]. В качестве примера можно на-

звать поговорки с ЭК, обслуживающие следующие семантические сферы:

- 1) призывы: Nur keine jüdische Hast! *‘только без паники!’* (досл. только без еврейской спешки!);
- 2) выражение одобрения: Wie in den besten jüdischen Häusern! (досл. как в лучших еврейских домах!);
- 3) выражение неодобрения: das wussten schon die alten Römer *‘это было еще при царе Горохе’* (досл. это знали еще древние римляне); darauf borgt kein Jude etwas *‘это и гроша ломаного не стоит’* (досл. за это ни один еврей ничего не одолжит); das ist nicht die feine englische Art (о грубом, неловком, непорядочном поступке; досл. это не изящный английский способ);
- 4) комментарии: so schnell schießen die Preußen nicht *‘так быстро это не делается’* (досл. так быстро пруссаки не стреляют); es geht mit dem preußischen Pfiff *‘это должно быть сделано особенно хитро’* (досл. это произойдет по прусскому свистку); für das Gewesene gibt der Jude nichts *‘что с возу упало, то пропало; что утеряно, того не вернешь’* (досл. за то, что прошло, еврей ничего не даст); Makkaronimänner staunen — комментарий, когда кто-то смотрит очень удивленно, раскрыв от удивления рот, глаза (первоначально выражение относилось к итальянским гастарбайтерам в Германии, оказавшимся в чужой для них стране без знания немецкого языка).

В рамках данной группы ФЕ можно рассматривать также большинство **междометных ФЕ** (МФЕ). МФЕ с ЭК, в семантике которых находят свое выражение эмоции и оценки человеком окружающей действительности, они представлены практически одной структурной моделью с почти тождественным составом компонентов и сходны по своему значению — выражение сильного удивления: das haut (schmeißt, wirft) den stärksten Neger um (досл. даже самый сильный негр упадет); das haut den dicksten Neger aus dem Jeep! (досл. даже самый толстый негр выпадет из джипа (когда узнает)); das haut den stärksten Neger aus dem Busch (досл. даже самый сильный негр выпадет из зарослей); das haut den dicksten Neger von der Palme (досл. даже самый толстый негр упадет с пальмы); das haut den stärksten Neger aufs Parkett (досл. даже самый сильный негр упадет на паркет); das haut (schlägt) den stärksten Eskimo vom Schlitten (досл. даже самый сильный эскимос упадет с саней). Выражения берут свое происхождение, скорее всего, из солдатского жаргона [8].

Как правило, МФЕ отличает специфическая стилистическая тональность — они характерны для разговорной речи. Данные словесные комплексы характеризуются большой экспрессивной и семантико-образной выразительностью. Этнонимы не утрачивают своего предметно-логического содержания, а участвуют в создании внутренней формы выражения. При этом семантика «падения» связана с обыгрыванием значения *umwerfend* = сногсшибательно. Характерно, что в контексте предложения, лежащего в основе ФЕ, лицо, обозначаемое соответствующим этнонимом, «выпадает», как правило, из привычной для него «среды обитания», что не может, вероятно, произойти без очень веской на то причины, каковой в данном случае и оказывается сильное удивление. Таким образом, данные ФЕ актуализируют у слов-этнонимов определенные семы, отражающие реальные или приписываемые этим народам признаки: «эскимосы ездят на санях», «негры (возможно, имеются в виду американские солдаты) [8] лазают по деревьям, ездят на джипах, обладают большой физической силой» и пр.

IV. ФЕ с деактуализацией этнонимической семантики и реализацией противопоставления «свой — чужой». Данный тип представлен **ФЕ с несубстантивным ЭК**. Отэтнонимические наречия в составе глагольных ФЕ и отэтнонимические прилагательные в адъективно-субстантивных ФЕ на уровне внутренней формы, как правило, сохраняют свое основное значение, т. е. признак отношения к тому или иному народу, предмет, явление или действие воспринимаются как типичные для данного народа. Общее значение ФЕ создается путем переосмысления всего переменного словосочетания, в результате чего ЭК подвергается деактуализации в большей степени, чем в проанализированных ранее структурных типах ФЕ.

При этом обусловленность семантики ФЕ этнонимическим значением может проявляться по-разному. Во многих ФЕ основной оказывается реализация противопоставления «свой — чужой». Целый ряд глагольных ФЕ с адвербиальным ЭК имеет значение «быть странным, казаться непонятным»: *j-m spanisch vorkommen / kommen, j-m spanisch sein; j-m böhmisch vorkommen; für j-n chinesisich sein* (досл. казаться испанским / богемским / китайским). В данном случае происходит семантическое сближение разных ЭК на том основании, что язык, обычаи и традиции других народов на первый взгляд кажутся странными, непонятными. По данным разных

словарей [7, 8], инвариантными следует признать выражения с ЭК *spanisch*, которое восходит к XVII веку, к эпохе Карла V — короля Испании, который был в то же время кайзером Германии и пытался ввести испанскую моду и обычаи среди своих немецких подданных, что казалось им чуждым и странным. Выражения с другими ЭК были образованы по аналогии. Это говорит в пользу того, что роль конкретной этнонимической семантики в формировании значения данных выражений не столь высока, главным является реализация признака несхожести двух наций.

Языковая традиция связывать все непонятное, нелогичное и нелепое, с точки зрения носителей языка, с представителями других народов отражается в оборотах: *englisch schrauben* ‘забивать болты молотком’ (досл. завинчивать болты по-английски); *preußisch daherreden* ‘(бав., австр.) говорить на литературном немецком языке (непонятно)’.

В других ФЕ на первый план выходит оценка этноса с точки зрения соблюдения / нарушения им каких-либо морально-этических норм, например: *sich französisch / englisch / polnisch empfehlen / verabschieden* ‘уйти, не простившись’. Значение фразеологизма основано на предположении, что соседние народы обладают более низкой культурой поведения, ср. подобные выражения в английском языке «to take French leave» или во французском «se filer à l’anglaise». Вариативность ЭК также свидетельствует о непринципиальности этнонимического значения в рамках общего смысла ФЕ.

ФЕ с ЭК могут быть основаны на эмоционально-оценочном отношении к тем или иным народам: *j-m französisch kommen* ‘вести себя нахально, нагло’ (досл. вести себя (обращаться) с кем-то по-французски); *schottisches Blut in den Adern haben* ‘быть жадным’ (досл. иметь шотландскую кровь в жилах). Отрицательная оценка мотивируется входящими в ассоциативную «ауру» этнонима исторически сложившимися стереотипными представлениями о данной нации.

V. ФЕ с минимальной значимостью этнонимической семантики вследствие интралингвистической мотивированности их значения. В некоторых случаях значение ФЕ оказывается минимально связанным или не связанным с этнонимической семантикой ее компонента, т. е. происходит его полная деактуализация. Это может относиться к ФЕ различных структурно-морфологических и структурно-семантических типов.

Прежде всего, это ФЕ, мотивированные интралингвистическими факторами, например выражение *j-m spanisch kommen* — ‘*бить палкой*’ (досл. вести себя (обращаться) с кем-либо по-испански) связано с названием тростника, и соответственно палки для наказания из этого тростника — *spanisches Rohr*; *türkisches Gulasch* ‘*гуляши из мяса сомнительного происхождения*’ (досл. турецкий гуляш) — просматривается ассоциация со словом *Sultan*, которое именуется одну из турецких реалий и, вероятно, используется в Германии в качестве клички собак [7]; предполагается, что блюдо приготовлено из собачьего мяса.

Довольно продуктивным является «перекачивание» в идиоматику цитат из литературных источников, изречений исторических лиц и т. п. Если в оригинале выражение имеет буквальный смысл, то при использовании в речи оно переосмысливается и этноним в его составе семантически деактуализируется подобно компонентам ФЕ, утрачивая предметную (денотативную) направленность:

Schlägst (haust) du meinen Juden, schlage (hau) ich deinen ‘*как ты мне, так и я тебе*’ (досл. если ты побьешь моего еврея, то я побью твоего) — выражение восходит к истории из книги И. П. Гебеля «*Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes*» (1811), где оно имеет буквальный смысл.

Der Mohr hat seine Schuldigkeit / Arbeit getan, der Mohr kann gehen (Мавр сделал свое дело, мавр может уходить) — выражение из пьесы Ф. Шиллера «*Фиеско*» (III, 4), прочно вошедшее в разговорный обиход не только носителей немецкого языка. Вследствие переосмысления оно стало использоваться в ситуации, когда речь идет о человеке, в услугах которого больше не нуждаются.

Статус ФЕ могут получать переменные словосочетания — названия популярных литературных произведений: *der letzte (der) Mohikaner* — название романа Ф. Купера «*Последний из могикиан*», выражение стало использоваться для обозначения какого-либо последнего оставшегося предмета; *häßlicher Deutscher* ‘*несимпатичный, отвратительный человек*’ — выражение восходит к названию книги “*The ugly American*”.

Важнейшим литературным источником ФЕ разных языков, по мнению многих исследователей [9], является Библия. Некоторые ФЕ с ЭК также библейского происхождения, они создаются в результате переосмысления свободного словосочетания, употребляемого в Библии в буквальном значении: *ewiger Jude* ‘(библ.) вечный жид’ приобретает значение ‘*беспокойный ребенок*’, *barmherziger*

Samariter '(библ.) добрый самаритянин' используется для наименования доброго, всегда готового помочь человека.

Источником ФЕ становятся также устойчивые словосочетания нефразеологического характера: *Selbstherrscher aller Russen* 'заносящий, надменный человек' — выражение заимствовано из русского языка (ср.: «Самодержец Всея Руси»), где оно использовалось как наименование статуса русских царей.

Минимальная значимость этнонимической семантики отмечается и в описательных глагольных ФЕ, образуемых по модели «предлог **aus** / **von** + топоним». Выбор населенного пункта мотивирован, как правило, игрой слов, благодаря чему возникает эффект иронии, шутки, выражение приобретает высокий эмоционально-оценочный статус. При этом населенный пункт, как правило, является реальным, хотя иногда малоизвестным, а иногда вымышленным, например: *er ist aus / von Anhalt* '1) он крепко держит свое в руках, он скуп; 2) он медлителен, он вечно копается' — значение 1 возникает вследствие переосмысления части слова-топонима -halt как корня глагола halten со значением 'держатъ', значение 2 — благодаря омонимии Anhalt 'герцогство Ангальт' и Anhalt 'остановка, перерыв, пауза'.

О десемантизации этнонимического компонента можно говорить, вероятно, также в случаях, когда мотивация ФЕ уже не осознается рядовыми носителями языка или неизвестна. Примером могут служить некоторые МФЕ, представляющие собой восклицания удивления и включающие ЭК в виде описательного оборота со значением жителя города или страны: *du lieber Herr von Mannheim! sowas lebt in China!*

Мотивация таких выражений неизвестна, следовательно, мы не можем сделать выводы о роли ЭК в формировании семантики данных выражений.

Некоторые МФЕ сближаются с речевыми клише — стандартизованными разговорными формулами, представляющими собой наиболее типичные вербальные реакции людей в определенных условиях общения (формулы приветствия, вежливости, вступления в разговор, предложение услуг, совета и т. п.). В работах, дающих классификацию МФЕ, данные языковые единицы рассматриваются как «МФЕ речевого этикета» [10, с. 8].

Реализация ЭК в таких МФЕ не типична, анализ материала показал существование лишь одного разговорного выражения приветствия с этнонимом: *Alter Schwede!* 'старина! дружище!' (досл.

старый швед). Происхождение этого оборота исследователи связывают с событиями 70-х годов XVII века — с войной Швеции и Германии. Пленные шведы после поражения своей армии перешли на сторону своих бывших противников. Их верная служба послужила причиной использования выражения «alter Schwede» в значении «Kamerad; alter Freund» [7]. В современном немецком языке данная мотивация скорее всего уже не осознается рядовыми носителями языка, поэтому можно говорить о десемантизации этнонимического компонента.

Таким образом, очень ярко семантика этнонимов проявляется в компаративных ФЕ, так как важную роль в формировании их значения играет не только денотативно-сигнификативное содержание, но и коннотативный потенциал этнонимов. Семантическая значимость ЭК в указанных единицах может рассматриваться поэтому как максимальная. В пословицах со сравнительно-противительной семантикой основная функция ЭК заключается в наименовании народа, т. е. собственно этнонимическое значение является ведущим. В ФЕ с субстантивным ЭК, а также пословицах других структурных типов, поговорках и большинстве междометных ФЕ с ЭК наблюдается «затемнение» собственно этнонимической семантики ЭК, на первый план выходят коннотативные семы этнонимов. Общее значение ФЕ с несубстантивным ЭК создается путем переосмысления всего переменного словосочетания, в результате чего ЭК подвергается деактуализации в еще большей степени. Минимальная значимость ЭК наблюдается в ФЕ, мотивированных интралингвистическими факторами, в ФЕ, представляющих собой переосмысленные устойчивые словосочетания нефразеологического характера, а также в переосмысленных цитатах и выражениях из литературных источников, названиях популярных литературных произведений и т. п.

Функцией данных ФЕ является выражение реакции говорящего на разнообразные явления действительности, на разные ситуации. Выбор образа и его лексическая репрезентация отражают национальную специфику такой вербальной реакции. Внутреннюю форму данных выражений составляет определенная ситуация, в которой отражаются опыт взаимодействия, столкновения с другими народами, стереотипные представления о них, или противопоставление «свой — чужие», когда все негативное и непонятное связывается с представителями других народов.

Бросается в глаза количественная ограниченность этносов, ис-

пользуемых для сравнения или создания образа: в проанализированных 168 ФЕ выявлено 32 тематических индикатора, обладающих различной фразеобразовательной активностью. Это говорит о том, что не все этнонимы в немецком языке обладают достаточными коннотациями, чтобы послужить основой создания фразеологического образа. Наличие коннотаций обусловлено, как уже было сказано, социально-историческими факторами: их носителями являются названия тех народов, контакты с которыми были значимы в историческом опыте данного этноса. В сознании народа такая дополнительная объективная или оценочная информация закрепляется в виде устойчивых ассоциаций и стереотипов. Бесспорными «лидерами» во фразеобразовании немецкого языка являются ЭК *Deutsche/ deutsch* (в 23 ФЕ), *Neger* (22), *Jude* (18), *Russe/ russisch* (14), *Preuße/ preußisch* (9), *Engländer/ Brite/ englisch* (9), *Franzose/ französisch* (9), *Chinese/ chinesisch* (6).

Таким образом, семантические трансформации этнонимов во фразеологии обусловлены их семантическими потенциями, коннотациями. Образы, на которых базируются ФЕ, отражают стереотипные представления носителей языка о типичных представителях той или иной национальности или о жителях той или иной местности. В ФЕ может реализоваться и та часть коннотаций этнонимов, которая не находит реализации в узуальных этнометафорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова Л. М.* К проблеме семантической мотивированности фразеологизмов современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
2. *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2.
3. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978.
4. *Мокшенок В. М.* Противоречия фразеологии и ее динамика: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Л., 1976.
5. *Бондаренко Л. Ф.* Структурно-семантические особенности пословиц как специфического разряда устойчивых фраз современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1977.
6. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

7. *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1990.

8. Duden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1998.

9. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка. М., 1972.

10. *Атаева Г. М.* Междометная фразеология в словаре (на материале английского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1990.

Новые значения как результат игры слов

Среди главных тенденций лингвистических исследований последних лет учёные с завидным постоянством указывают на антропоцентризм — «изучение языка с целью познания его носителя» [1, с. 22]. Антропоцентризм проявляется в двух аспектах: «человек в языке», выступающем как форма сознания и транслятор культуры, и «язык в человеке», где человек — мера всех вещей, в том числе языка и культуры [2, с. 48]. В связи с этим современная лингвистика большое внимание уделяет феномену языковой личности в целом и аспекту реализации творческих возможностей индивида в использовании языковых средств, в частности.

Настоящая статья посвящена коммуникативному рассмотрению семантической динамики слова на фоне текстового языкового когнитива как её условия (фона).

Тезис о языкотворческой функции языковой личности не является новым в современной лингвистике. Языковая личность, как известно, обладает творческим потенциалом: она создает, воспроизводит и декодирует речевые произведения. Творческий потенциал языковой личности проявляется также в намеренном нарушении семантических правил адаптации языковой единицы к условиям коммуникации. Такие случаи встречаются, в частности, в форме малых комических текстов и определяются коммуникативным намерением коммуникантов.

Проблема языкового творчества предстает, по мнению Т. А. Гридиной, «как соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности» [3, с. 3], что обусловлено социальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц. В случае сознательного отклонения от нормы «для того, чтобы правильно интерпретировать соответствующее высказывание, необходимо установить, с какой целью допущена аномалия» [4, с. 98].

Ярким воплощением творчества языковой личности при создании (восприятии) игры слов в условиях языкового анекдота считают различные случаи смысловой двуплановости знака, спровоцированной контекстом. Речь идет о «порождении структур, имеющих

более одной интерпретации», о создании множественности одной из сторон знака: формы или содержания [3, с. 5].

Языковая игра определяется как «неканоническое использование языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних» [3, с. 4; 5]: говорящий «играет с формой речи» — для усиления ее выразительности или же для создания комического эффекта [6, с. 172–173]. Как игра слов, так и острота внутри языкового анекдота, содержат «контрастирующее, сознательно нарушающее языковую норму отрицание языковой системы» [7, S. 226–227].

Языковой анекдот отличается от игры слов только «вплетением» вербально выраженной остроты в общее содержание или речевую ситуацию [7, S. 219]. Игру слов отделить от образующей ее остроты нелегко. В языковом анекдоте семантика остроты коммуникативно зависима. Языковыми механизмами, определяющими возможность организации остроты в игре слов или языковом анекдоте, являются эксплуатация асимметрии языкового знака и нарушение системных отношений между знаками [8, с. 170–184].

Семантические трансформации слова в условиях языкового анекдота, построенного на игре слов, могут выступать как в форме контекстуального (семного) варьирования одного из значений при сохранении тождества ядра (интенционала, вещественного содержания), так и в форме окказиональной семантической деривации. Во втором случае можно говорить о перестройке семантической структуры слова в зависимости от коммуникативных условий.

Бывают случаи, когда контекст способствует развитию многозначности, слово в определенных условиях способно принимать новое значение. Острота, формирующая языковой анекдот, может создавать такие условия. В примере 1 наведение нового лексико-семантического варианта (ЛСВ) происходит одновременно с реализацией еще одного ЛСВ, уже входящего в состав семантики слова. Таким образом, один из реализуемых семантических уровней анекдота формируется вокруг узуального ЛСВ, другой — вокруг окказионального.

1. *«Mein Onkel ist **Numismatiker**». «Was ist das?» «Einer, der Münzen **sammelt**». «Toll, diese Fremdwörter heutzutage. Früher sagte man einfach Bettler».* (L, 109)

В примере 1 вместе с актуализацией узуального ЛСВ «нумизмат, собиратель монет» лексема *Numismatiker* реализует окказиональный ЛСВ «нищий, попрошайка», что позволяет говорить о

появлении в рамках коммуникативного акта нового значения у существительного, что в значительной степени поддерживается одновременной реализацией многозначности глагола *sammeln* (ЛСВ1 «*verschiedene Leute bitten, etwas zu spenden*», ЛСВ2 «*eine Sammlung machen*»).

Следует отметить случаи, когда слово приобретает в акте коммуникации значение части тела человека. Речь идет о косвенных наименованиях частей тела, связанных с «телесным низом» как сфере активной эвфемизации.

В рассматриваемых контекстах отчетливо проявляются две противоположные тенденции: к огрублению речи и к ее эвфемизации. Г. Пауль называл в качестве причины возникновения эвфемизмов «чувство стыда», которое заставляет говорящего избегать обозначения вещей их собственными именами и пользоваться «косвенными обозначениями» [9, с. 123]. Л. П. Крысин отмечает, что для процесса эвфемизации существенны следующие моменты: «оценка говорящим предмета речи», прямое обозначение которого может быть квалифицировано как грубость, резкость, неприличие; подбор тех обозначений, которые не просто смягчают те или иные грубые слова, а «маскируют, вуалируют суть явления»; «зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи»; и, наконец, «социальная обусловленность представления» о том, что может быть эвфемизмом [10, с. 389]. Языковые анекдоты активно используют определенные особенности эвфемизации.

Наш материал еще раз подтвердил известное положение о том, что иноязычные слова как средство эвфемизации более «пригодны для вуалирования сути явления» [10, с. 402].

2. *Die Lehrerin fragt in der dritten Klasse, ob jemand wisse, was **Autorität** sei. Schließlich meldet sich zögernd der kleine Heiner: «Das trägt man unterm Nachthemd». Die Lehrerin fragt, woher er das wisse. «Ja, meine Großmutter hat neulich zum Großvater gesagt: “Wenn du immer im Nachthemd über den Flur gehst, verlierst du noch deine ganze **Autorität**”».* (ЕН, 156)

Очень часто в анекдотах подобные случаи окказиональной дефиниции иноязычных или заимствованных лексем приписываются детям, таким образом, рассказывая такие анекдоты, взрослые «отстраняются» от сказанного. Здесь удовольствие от услышанного (прочитанного) анекдота основывается на контрасте: реципиент и адресант смеются, так как знают правильное значение слова, в отличие от фигуры анекдота.

Эффект ложной эвфемизации достигается в следующем примере в результате игры слов:

3. «*Was hat der Bub gegessen?*» *fragt der Arzt. «Gurkensalat». — «Hat er in der Nacht fantasiert?» — «Ja, aber sehr dünn, Herr Doktor!»* (WU, 220)

Задавая свой вопрос, доктор имеет в виду семантикекий контекст вокруг узуального ЛСВ1 «бредить», который в словарях дается с пометой «med» (W). Однако последовавшая реакция, в частности экспликация прилагательного *sehr dünn*, дает указание на другое возможное толкование. В акте коммуникации наводится окказиональный ЛСВ2 «испражняться». Таким образом, один коммуникант употребляет слово в его узуальном значении, другой ложно принимает его высказывание за эвфемизм, возникает непонимание. Но коммуникативная ситуация имеет ряд указаний на возможность такого толкования: ребенок, видимо, болен, и, к тому же, врач спрашивает, что он ел.

В примере 4 окказиональная метафоризация происходит «по аналогии» с актуализируемым в этом же акте коммуникации узуальным метафорическим переносом:

4. *Polen: Ein Bauer kommt zum Arzt und klagt sich: «Herr Doktor, ich habe fürchterliche Schmerzen im Stern!» «Wo haben Sie Schmerzen?» «Hier, im Stern!» Der Bauer zeigt auf seinen Rücken. «Das heißt doch nicht Stern, sondern Kreuz!» «Entschuldigen Sie, Herr Doktor, ich habe nicht gewusst, dass Sie katholisch sind».* (BW, 126)

Здесь выделяются две пары ЛСВ. Лексема *Kreuz* реализует коммуникативно значимые узуальные ЛСВ, соотносительно варьирующие свою семантику. ЛСВ1 «крест, христианский религиозный символ» — «Symbol der christlichen Kirche» (D) и ЛСВ2 «крестец» — «unterer Teil des Rückens» (D). ЛСВ1 усиливает дифференциальные семы «форма — крестообразная», «символ веры». Актуализация ЛСВ2 происходит на фоне ослабления архисемы «часть тела», усиления потенциальной семы «форма — крестообразная». В условиях коммуникативно заданной игры слов также потенциально актуализируется главный номинативный ЛСВ3 «крест» — «Zeichen aus Zwei sich meist rechtwinklig schneidenden Linien» (D), благодаря которому оживает метафора ЛСВ3 — ЛСВ2, которая берется за основу аналогии при окказиональной метафоризации *Stern. Polen* в начале текста указывает на то, что доктор, вероятно, еврей, и крестьянин думает, что то, что у христиан *Kreuz*, у евреев — *Stern*,

Davidstern (jüdisches Glaubenssymbol). Крестьянин «подлаживается» под религию доктора и производит аналогичную метафору: у лексемы *Stern* появляется окказиональный ЛСВ «крестец». Семантические трансформации в данном контексте сопровождаются контекстной антонимией *Stern* — *Kreuz*.

В следующих примерах игра слов, образующая остроуту анекдота, стоит на явлении паронимии.

5. *Fragt der Lehrer: «Was ist ein **Ketzer**?» Antwortet Klein-Frieda: «Ein **Ketzer** ist ein Mann von einer **Katze**».* (WU, 216)

6. *Der Bauer erklärt seinen Feriengästen, wie das mit den Hennen ist: «Mit der **Legalität** sind wir nicht so zufrieden, eher schon mit der **Brutalität**».* (EH, 75)

Паронимическая оппозиция *Brutalität* / *Legalität* в примере 6 на первый взгляд не обнаруживают общих признаков. Но контекст создает условия, способствующие десемантизации и ложной немотивации каждого из компонентов. У *Legalität* наблюдается наведение окказиональных сем, это позволяет предположить употребление данного паронима в окказиональном значении «кладка яиц». Другой член оппозиции *Brutalität* немотивируется (*Eier brüten*) и также принимает окказиональное значение. На следующем этапе семантического описания окказиональные ЛСВ обнаруживают общие семы («яйца», «процесс») с другими членами оппозиции и отношения пересечения.

Актуализация потенциальных возможностей паронимического ряда оказывает свое влияние на содержание всего речевого целого — анекдота, обогащая его. Одновременное осмысление паронимов стимулирует восприятие нескольких указательных минимумов, связанных с каждым членом ряда [11, с. 146]. Случай окказионального семантического обогащения под влиянием актуализации второго члена паронимической оппозиции, видимо, нельзя назвать семантической деривацией, поскольку такого рода наведения новых значений являются следствием ложной этимологии и немотивации, стимулируемые «паронимической подзарядкой». В цитированных выше анекдотах наведение нового значения отмечено, например, у лексемы *Ketzer* (5). Формальное сходство с исконно немецкой лексемой, тоже актуализируемой в данном тексте, детерминирует десемантизацию, немотивацию, переразложение и наведение значения «кот». Здесь невозможно переоценить роль словообразования: видимо, маленькая Фрида по аналогии с другими наименованиями лиц и животных мужского пола, которые осуществляются

с помощью суффикса -er, просто присоединила его к корню лексемы *Katze* и имела в виду производное *Kätzer*. Последнее случайно совпало с лексемой *Ketzer*. Десемантизация и немотивация в сочетании со словообразованием в итоге привели к обретению *Ketzer* нового окказионального ЛСВ.

Аналогично в примере 6 лексемы *Legalität* и *Brutalität* обнаруживают наведение новых ЛСВ: соответственно «кладка яиц» и «высиживание яиц», что сопровождается переразложением на формальные компоненты и немотивацией (*Legalität* < *Eier legen*, *Brutalität* < *Eier brüten*).

Надо признать, что случаи окказиональной семантической деривации, как и наведения новых значений, довольно редки и свойственны, в основном, заимствованным лексемам, что создаёт условия для немотивации их внутренней формы. Чаще языковые анекдоты, построенные на игре слов, эксплуатируют уже имеющиеся значения текстообразующих лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березин Ф. М.* О парадигмах в истории языкознания XX века // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. М., 2000. С. 10–25.
2. *Ольшанский И. Г.* Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. М., 2000.
3. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
4. *Булдыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
5. *Бужирева Т. А.* Аспекты языковой игры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
6. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1983.
7. *Sanders W.* Wortspiel und Witz, linguistisch betrachtet // Gedenkschrift für J. Trier / Hrsg. H. Beckers und H. Schwarz. Köln; Wien, 1975.
8. *Норман Б. Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
9. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
10. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.

11. *Елисеева В. В.* Паронимия в экспрессивном контексте // Вопросы английской контекстологии. Вып. 3. Л., 1990.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

BW — Die 1000 besten Witze der Welt / Hrsg. v. E. Gamsch. München, 1996.

EH — *Hirsch E. Ch.* Der Witzableiter oder Schule des Gelächters. 1. Aufl. Hamburg, 1985.

L — Lachsalven: 1000 spritzige Witze zum Weiterlachen / Gesam. v. D. Krüßmann; Hrsg. U. Hoppe. München, 2000.

WU — *Ulrich W.* Der Witz im Deutschunterricht. Braunschweig, 1980.

Историческое развитие сокращений в немецком языке

Настоящая статья посвящена возникновению и становлению сокращений в немецком языке, в частности связи германской модели редукции слов с древнегреческой и латинской. Отдельные сокращенные элементы встречались у народов, обладающих письменностью, во все времена: «Abgekürzt wird, seit geschrieben wird» [1, S. 56]. Сокращения встречались уже в шумерской клинописи [2], в античности (ок. III века до н. э.) существовали тексты, короткие надписи, состоящие сплошь из сокращений [3, S. 1506; 4]. Ави-Ионах [5] в своей работе об аббревиатурах в древнегреческих надписях определяет сокращенные слова как средства для экономного письма, в котором слова обозначались буквами только частично: максимальное семантическое наполнение высказывания реализовалось в древнегреческих надписях с помощью минимальной затраты средств.

Уже в Античности употребление сокращений определялось типом текста и потенциального реципиента: в художественном тексте и в текстах, рассчитанных на массового читателя, сокращенные слова встречались намного реже, чем в правовых и административных текстах или в частной переписке. С тех пор как в употребление у древних греков и римлян вошли греческие и латинские буквы, появились настоящие сократительные знаки для слогов, двойных гласных и согласных. В древнегреческих рукописях встречается множество подобных знаков, отчасти перешедших и в поздние, печатные издания писателей. Поэтому уже в старинных греческих грамматиках можно найти перечень наиболее употребительных аббревиатур.

Римляне в I веке до н.э. начали использовать особые «тиронианские» отметки, названные так в честь Маркуса Тулия Тиро, друга Цицерона [6, S. 11; 7, S. 272]. Данные отметки можно назвать предшественницами собственно аббревиатур. Тиро предложил использовать дорогие глиняные дощечки экономнее и ввел сократительную систему для слов, суффиксов и префиксов. В дальнейшем на основе этих сократительных значков развилась техника стенографии. Древнеримские аббревиатуры, количество которых увеличи-

валось, перешли вместе с латынью и в Средние века, где они встречаются в надписях и на монетах, а также в грамотах, из которых они не исчезали до XVI века. На сохранившихся Северных воротах города Кёльна, оставшихся еще со времен правления римлян, и сейчас можно разглядеть аббревиатуру ССAA — Colonia Claudia Ara Agrippina, название города Кёльна во времена владычества римского императора Августа (44 г. до н.э. — 14 г.). Соединения букв легли и в основу монограмм. В Средние века в текстах широко употреблялась аббревиатура AD — Anno Domini (в лето Господне) с указанием года; эта же аббревиатура с датой высекалась на стене каменного дома в год его постройки.

Таким образом, первые ростки графической аббревиации восходят к практике использования сокращений в античной письменности. Аббревиатуры издавна употреблялись не только в мирских целях: в клерикальной сфере развилась своя собственная система сокращений: стоит только назвать аббревиатуры D.O.M. для Deo Optimo Maximo — dem besten und höchsten Gott (величайшему Богу), DDD — domini tres (Св. Троица), SPM — spiritus (Святой дух), DS — deus (Бог), W.G.W. — Wie Gott will. Самой известной сакральной аббревиатурой можно назвать надпись на распятии I.N.R.I., которая расшифровывается как Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum (Иисус из Назарета Царь Иудейский). В клерикальной сфере аббревиатуры могли служить также в качестве мнемонических «шпаргалок», необходимых для запоминания информации большого объема. Например, латинская аббревиатура SALIGIA включала в себя первые буквы семи смертных грехов: **S**uperbia (гордость), **A**vorita (жадность), **L**uxuria (прелюбодеяние), **I**nvidia (зависть), **G**ula (чревоугодие), **I**ra (гнев), **A**cedia (лень).

Лингвисты отмечают системность создания аббревиатур, которая исконно являлась образующим фактором при появлении данных лексем. Известный исследователь латинских аббревиатур, филолог и палеограф Л. Траубе определял аббревиатуры как «графические объекты, при создании которых главную роль играет не произвольность, а, наоборот, стремление к сознательному упорядочиванию» [8, S. 9]. Проявление системности находит свое отражение в существовании четких структурных моделей, согласно которым сокращенные слова возникают и в современном немецком языке.

История германских сокращений насчитывает около 20 веков. Древние германцы в условиях повседневной коммуникации сокращали имена собственные, состоящие из двух основ: имя Fridu-rich

становилось Frido, Wart-gis — Giso, Nid-bert — Nippo [9]. У Вульфи-лы в готском переводе Библии встречаются следующие сокращения: гот. Gþ— guþ, FA — frauja, JS — Iesus, JCS — Iesus Christus.

Период с VIII века до рубежа первого тысячелетия отмечен произвольной, спорадической техникой сокращения, главным знаком которой является тире. У германцев аббревиатуры встречаются в Библии древневерхненемецкого периода, куда они попали из перевода с греческого, в котором все традиционно непроизносимые *nomina sacra* (имена Бога) были переданы в виде сокращений под титлами $\theta\sim C$ — Gott, $K\sim C$ — Herr, $J\sim C$ — Jesus, $J\sim CS$ — Christus. Еще раньше в латинский перевод Библии из древнееврейского были перенесены также все *nomina sacra*, попавшие и в древненемецкий: ihs, ihesus, iheses, xps, xpes, хрп, хре в рукописях Исидора и Отфрида [10, 11]. Сокращение ihs было употребительным в течение всего Средневековья и часто писалось как ihesus. Кроме того, сокращением для обозначения Христа являлся знак X, употребляемый и до сих пор — Xmas (Christmas, Рождество (*англ.*)). Некоторые слова современного немецкого языка являются стяжениями сложных слов древневерхненемецкого периода развития языка: Bürger (гражданин) < burgāri (ahd. защитник крепости), Messer (нож) < mezzī-sahs (ahd. нож для пицы), Wimper (ресница) < wintbrāwa (ahd.), Hexe (ведьма) < haga-zussa (ahd. демоническое существо, обитавшее на изгородях), Welt (мир) < wer-alt (ahd. эпоха, человеческий род), albern (глупый) < ala-wāri (ahd. дружелюбный), Eidechse (ящерица) < egi-dehsa (ahd. *букв.* — змея-веретено). В некоторых случаях исторический процесс стяжения сопровождался изменением значения слова (ср. albern, Bürger, Welt).

С появлением новой графики изменился и метод сокращения, возникли новые аббревиатуры, стали чаще употребляться контрактуры, и увеличение их числа привело, в конечном счете, к тому, что в 438 г. папа Феодосий (Theodosius) издал запрет на сокращения, подтвержденный в 533 г. Юстинианом [12, S. 206]. Бесспорно то, что сокращения в сакральных текстах часто выполняли функцию не только тайнописи, но и средства языковой экономии, как и в мирских текстах. Таким образом, первоначальное использование графических сокращений в древневерхненемецком языке подчинялось сакральному принципу, полностью утратившему свое значение в средневерхненемецкий период.

В Средние века немецкие сокращения в своем генезе и использовании еще зависят от латинских сократительных моделей и ча-

ще встречаются в минускульном, чем в маюскульном письме [13]. Ю. Ремер напрямую связывает распространение сокращений в Германии с историей становления письменности, подробно рассматривая происхождение и развитие различных способов сокращения и сократительных знаков, частотность и периодичность сокращения тех или иных графем, распределение сокращенных лексем в тексте. После начала первого тысячелетия вплоть до XIII века немецкий язык интегрирует отдельные латинские модели сокращения, которые в нем окончательно не ассимилируются по причине различия общего культурного фона использующих сокращения писцов в разных немецких и швейцарских монастырях [14].

В XII–XIII вв. письменная культура Европы претерпевает серьезные изменения — появляются тексты для светских нужд, а готический рукописный шрифт заменяет так называемое каролингское минускульное письмо. Это факт вызывает и серьезные изменения в технике сокращения слов: если раньше пишущий употреблял в тексте принятые сокращения, созданные по так называемому «акустическому» принципу, употреблявшемуся еще в древних семитских рукописях (опускались гласные), то теперь ему самому приходилось создавать новые сокращения, что долго препятствовало возникновению их устойчивой узуальной системы. Документами, в которых сокращения употреблялись довольно часто, во времена Средневековья и позже были церковные и торговые учетные книги, налоговые ведомости, бухгалтерские документы. Новые непривычные сокращения, создававшиеся, как правило, при написании научных и теологических университетских рукописей на латыни, становились характерным признаком письменности того времени.

Следующий период развития немецкой сократительной системы приходится на конец XIII и начало XIV веков, в это время сокращения развиваются независимо от латинских моделей, они прагматически более приспособлены к условиям немецкой письменной коммуникации. Ю. Ремер называет этот временной отрезок «расцветом» немецкой сократительной техники [14, S. 161]. Начинает формироваться устойчивая система сокращений. В документах сокращаются указательные местоимения, что является нововведением. Используется 13 принятых способов сокращения слов в документах, в частности, для соединений графем «et», «er», «us», «as/az» в средневерхненемецкий период, в качестве наиболее частотных структурных типов используется апокопа, т. е. сокращение конца

слова (heil⁴ — heilig), а также сокращение геминат «mm», «nn» с помощью горизонтального штриха. Данные принятые вспомогательные сократительные знаки (determinative Kürzungen) изучали уже в школе, так что образованный читатель не должен был испытывать трудности при расшифровке сокращений. В регионах Цюриха, Базеля, Люцерна, районах Эльзаса, в немецком городе Фрайбург в Брайсгау сокращениями в документах пользовались наиболее часто и «виртуозно». В меньшей степени сокращения употреблялись в Баварии, Австрии, в районе Нижнего Рейна. Характер потенциального реципиента и типа текста играл немаловажную роль: например, во внутренних юридических протоколах свидетельских показаний сокращений встречается намного больше, чем в документах, предназначенных для прочтения истцом, а в разного рода ходатайствах и обращениях к королю сокращениями стараются вообще не злоупотреблять.

Исконно сокращения использовались в целях экономии места, но одновременно они были способны исполнять другие функции: писцы употребляли сокращения, чтобы сделать текст более обзримым и удобным для чтения; сокращения часто означали конец строки, особенно в XIII–XIV веках, когда точка еще не имела нынешней функции; правильно использованные сокращения часто служили свидетельством образованности составителя; сокращения в юридических, торговых документах использовались для намеренного сокрытия информации, которой следовало оставаться недоступной для третьих лиц.

В XIV–XV веках в городских и княжеских канцеляриях, в официальных и личных письмах сокращения употребляются для светских нужд: Mäjt, M̃t — Majestät (Величество), Jüncf — Jungfrauentag, Röm — römisch (римский), причем у некоторых сокращений остается тот же принцип написания под титулами (titulus diplomaticus), как и в древневерхненемецком. Титулы были характерным признаком официальной документации в нововержненемецкий период [15]. Наряду с титулами на сокращение указывают и поднятые над строкой буквы (например, «a» указывает на сокращение слогов «ar» или «га»); этот прием получает широкое распространение во времена Ренессанса. Кроме того, сократительными значками служили различные подчеркивания, зачеркивания, двоеточия, точки и завитки (Schnörkelvarianten), поставленные над сокращенными буквами или после них [16, S. 15]. Например, в вюртембергских грамотах XIV века глагольный префикс ver- сокращался на две графемы

с помощью косо́го зачеркивания графемы *v*, примерно подобным образом: (*v[er]zinsen*), а знак (наклоненное вправо «*p*») являлся сокращением для латинского императива *perge* (далее) в смысле *etc.* — «и так далее». Штрих над буквами *m* и *n* свидетельствовал об удвоении этих графем (геминаты) и использовался вплоть до начала XX века, «завиток» (*Sauschwänzchen*) как средство различения топонимов и имен собственных, обращенный хвостиком вниз, был знаком для окончания *-en* (*Ebingen*), повернутый хвостиком вверх — для окончания *-er* (*Ebinger*). Знак «*o*», за которым следовал косо́й штрих, означал отрицание «*nicht*».

Как видно на примерах, в то время исходные формы не всегда заменялись сокращениями или аббревиатурами, скорее символами. Собственно сокращениями того времени были *NB* — *Nota Bene*, *W*: (с двоеточием) для *Witwe* (вдова), *C* — *coniunx* (*лат.* супруга), *M.*, *Mg.*, *Mgr.* — *Magister*, обращения *E.F.D.* — *Euer Fürstlichen Durchlaucht* (Ваша Княжеская Светлость), *E.F.G.* — *Euer Fürstlichen Gnaden* (Ваша Княжеская Милость), *E.K.M.* — *Eure Kaiserliche Majestät* (Ваше Императорское Величество), приветствие *UGZ* — *unser Gruss zuvor* («приветствуем»). В юридических текстах употреблялись латинские инициальные аббревиатуры, состоящие из начальных компонентов, правила создания которых актуальны до сих пор: *JVC* — *Jurist Utriusque Consultus*, *JVD* — *Juris Utriusque Doctor*, *VJC* — *Utriusque Juris Consultus* (в древних вюртембергских грамотах *U* часто заменялось на *V*). Распространенными сокращениями в княжеских канцеляриях являлись названия монет: *Krz.* — *Kreuzer* (крейцер), *Hlr.* — *Heller* (геллер), *baz.* — *Batzen* (бацен), *lb.* — *Pfund* (фунт, из *лат.* *libra*), *fl.* — *Gulden* (гульден, из *итал.* *florin*).

Во времена Средневековья и раннего Ренессанса уже создавались списки принятых сокращений, которые стали объектом палеографических исследований в XVIII–XIX веках [17]. Исследования показали, что в средневековых текстах при сокращении слов в среднем редуцировалось 1,5–2 буквы [18].

С изобретением книгопечатания сокращения в средневековых текстах становятся редкостью, печатники предпочитают отказываться от них, так как сам процесс книгопечатания представляет собой быстрый способ размножить текст без необходимости экономить время на сокращении слов [19]. Печатникам становится невыгодно создавать подоби́я рукописных сократительных знаков, и приблизительно к 1500 г. имеющиеся сократительные литеры уби-

рают из наборных касс. Главным печатным сократительным знаком становится в то время точка. Итальянское Возрождение принесло с собой и новое письмо — антикву, в котором сокращения почти не употреблялись, таким образом, средневековая практика сокращения практически сошла на нет [20, S. 63]. Переход к новому виду письменных знаков — фразуре — на рубеже XV–XVI веков вызывает смешение сократительных моделей, причем контрактуры и усечения смешиваются с инициалами таким образом, что возникают слова, сокращенные неизвестным читателю способом, которые становится все труднее расшифровать ввиду отсутствия вспомогательных сократительных знаков. В этот период утверждается модель акронимов, постепенно вытесняющая другие модели и знаки сокращений, в последнюю очередь тире и косой штрих.

Техническая революция конца XIX и начала XX веков вызвала к жизни огромное количество новых сокращений — обозначений технических инноваций. Сокращению подвергались многосложные термины естествознания и техники путем элиминации одной из составляющих композита: (Kontakt)scheibe, (Dynamo)maschine, Korn(mahl)mühle, или с помощью замены компонентов суффиксами: Wendewalzer — Wender. Для обозначения материалов употребляются слоговые сокращения (например, Aldehyd — субстанцию и название изобрел в 1835 г. Ю. Либиг). В XIX веке в немецком языке под воздействием английского языка появляются инициальные аббревиатуры: PS — Pferdestärke, BGB — Bürgerliches Gesetzbuch (1900), Napag — Hamburg-Amerikanische Paketfahrt-Actien-Gesellschaft (1849, транспортная компания), сферой употребления которых становятся печатные средства массовой информации. После первой мировой войны аббревиатуры все чаще употребляются в прессе, а затем их количество скачкообразно растет [21, S. 178]. Особенно много сокращений появляется в сфере науки (Pen. — Penizillin), техники (Trafo — Transformator), культуры (RSO — Radio-Symphonie-Orchester), спорта (WM — Weltmeisterschaft), политики (DVp — Demokratische Volkspartei), предприятий и организаций (BMW — Bayerische Motoren-Werke).

Параллельно с появлением новых сокращений происходит их лексикализация. Доминирующим типом становятся инициальные аббревиатуры, которые часто пишутся с точками. Точка традиционно ставится при сокращении синтагм (u. A. w. g. — um Antwort wird gebeten), но при сокращении сложных слов отсутствует (NOV — Nachbarortsverordnung). Это разделение соответствует классифи-

кации сокращений на графические аббревиатуры (с точкой), для которых в речи употребляется полная форма оригинала и лексические (без точки): краткая форма многосложных слов и искусственные слова, созданные из отдельных букв или слогов многосложного слова или словосочетания и употребляемые как новое, самостоятельное слово. Есть сокращения, которые из разряда графических (в этом случае они пишутся с точкой) переходят в разряд лексических (и тогда точка отсутствует): например сокращение Prof. как официальное обозначение университетской должности профессора (Prof., Dr. hab. Jürgen Dittmann) и сокращение Prof в жаргоне немецких студентов в качестве нейтрального обозначения лектора.

Это превращение графических сокращений облегчено тем, что в немецкой разговорной речи с древнейших времен наблюдалась тенденция к укорочению многосложных слов до одного слога: *sargorphagus* > *sarc* (ahd.) — саркофаг, причем сокращенные слова сосуществовали наряду с полными исходными формами. Тем самым исторически было выработано «отношение аббревиации», составившее предпосылку для дальнейшего развития процесса. При этом важную роль играли экстралингвистические причины — техническое и экономическое развитие цивилизации, активизация административной и политической деятельности, развитие международных отношений, сферы военного дела. Именно в этих областях встречаются разнообразные структурные типы аббревиатур и сложносокращенных слов и в современном немецком языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Daiber H.* Kurz, aber nicht bündig // *Der Sprachdienst.* 1987. Jg. XXXI. H. 2.
2. *Cannon G.* Abbreviations and Acronyms in English Word-Formation // *American Speech.* 1989. 64. P. 99–127.
3. *Römer J.* Abkürzungen // *Schrift und Schriftlichkeit, Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft [HSK].* Bd. 10, 2. Halbband / Hrsg. H. Günter, O. Ludwig. Berlin u. a., 1996.
4. *Nachmanson E.* Die schriftlichen Kontraktionen auf den griechischen Inschriften. *Eranos.* 1910. Bd. 10. S. 101–141.
5. *Avi-Yonah M.* Abbreviations in Greek Inscriptions (The Near East, 200 B.C. — A.D. 1100). *Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine.* 1940. Vol. 4. P. 1–45 (переиздано в 1974 г. в Ойкономидесе).
6. *Hälvä-Nyberg U.* Die Kontraktionen auf den lateinischen Inschriften Roms und Nordafrikas bis zum 8. Jahrhundert n. Chr. Helsinki, 1988.

7. *Tarnóczy A.* Zur Frage der Abkürzungszeichen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1969. No 22.
8. *Traube L.* Lehre und Geschichte der Abkürzungen, 1909. Цит. по: J. Römer. Geschichte der Kürzungen: Abbreviaturen in deutschsprachigen Texten des Mittelalters und der Frühen Neuzeit. Göppingen, 1997.
9. *Greule A.* Reduktion als Wortbildungsprozess der deutschen Sprache // Muttersprache. 1996. Bd. 3 (106). S. 193–203.
10. *Гяч Н. В.* Вопросы лексической аббревиации (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1971.
11. *Voetz L.* Formen der Kürzung in einigen alemannischen Denkmälern des achten und neunten Jahrhunderts // Sprachwissenschaft. 1987. Bd. 12. S. 166–179.
12. *Bischoff B.* Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. Berlin, 1986.
13. *Bilabel F.* Siglae // Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Bd. 2, 4. Stuttgart, 1923. S. 2279–2315.
14. *Römer J.* Praxis der Abkürzungen in deutschsprachigen Texten von 1300–1450. Marburg, 1992.
15. *Rück P.* Die Urkunde als Kunstwerk // Kaiser in Thephanu. Begegnung des Ostens und Westens um die Wende des ersten Jahrtausends / Ed. von A. Euw, P. Schreiner. Köln, 1991. S. 311–333.
16. *Heinrich J., Klöpfer M.* Abkürzungen und Schriftbesonderheiten in der Frühen Neuzeit aus altwürttembergischen Quellen. Stuttgart, 2003.
17. *Walther I. L.* Lexikon diplomaticum, abbreviations syllabarium. Göttingen, 1745–1747.
18. *Bozzolo C., Muzerelle D., Ornato E.* Les abbreviations dans les livres liturgiques du XVe siècle // Actas del VIII Coloquio Internacional de Paleographia Latina / Ed. M. Diaz y Diaz. Madrid, 1990. P. 17–27.
19. *Crous E.* Die Abkürzungszeichen in den Wiegendruckten // Gutenberg-Festschrift zur Feier des 25-en Bestehens des Gutenbergmuseums in Mainz / Ed. A. Ruppel. Mainz, 1925. S. 288–294.
20. *Nyberg U.* Über inschriftliche Abkürzungen der gotischen und humanistischen Schriftperioden. Helsinki, 1978.
21. *Sommerfeldt K.-E.* Entwicklungstendenzen in der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1980.

Вариативность номинаций в тексте

Использование разных номинаций одного объекта является одним из способов разнообразить текст. Подобная вариативность номинаций свойственна всем типам текста и представляет собой процесс, в котором задействованы различные лексические единицы.

Входящие в текст обозначения предмета, выступающие в роли подлежащих и дополнений, составляют номинативную цепочку, компоненты которой связаны семантическими отношениями разного типа, например синонимическими, гипонимо-гиперонимическими и метафорическими. Поэтому понятие «номинативная цепочка» не идентично понятию «синонимический ряд». Как правило, вариативные номинации используются в соседних предложениях и абзацах, или, при соответствующем объёме текста, даже на разных страницах, реже — в рамках одного предложения.

Было бы естественно предположить, что существуют некоторые особенности и закономерности функционирования вариативных номинаций в зависимости от их тематической отнесённости и типа текста. Задача статьи — показать данную специфику на примере четырёх групп номинаций (обозначений людей, животных, предметов и абстрактных понятий) в трёх типах текста (информационный текст прессы, научно-популярный и художественный текст).

Подбор примеров для исследования проводился методом сплошной выборки из текстов вышеназванных видов (500 стандартных страниц по каждому из них), опубликованных в немецких газетах, журналах, на интернет-сайтах и из произведений немецкоязычных писателей.

Рассмотренные тексты имеют разный объём. Можно отметить различие между текстами объёмом до 1800 знаков, где типичная номинативная цепочка состоит из 2–3 компонентов, и текстами, объём которых превышает одну стандартную страницу. В последних средняя длина номинативной цепочки может быть более высокой — 4–5 лексических единиц (в зависимости от типа номинаций). Прежде всего данные расхождения имеют место в текстах прессы — как информационных, так и научно-популярных. В художественной литературе большой размер произведения не влияет на вариатив-

ность номинаций, степень которой часто оказывается ниже, чем в прессе.

Количество рассмотренных цепочек по каждому виду номинаций составило от 100 (предметы и абстрактные понятия) до 200 (обозначения лиц и животных). Рассмотрим их характеристики в разных типах текста.

1. Номинации лиц

а) в информационных текстах прессы

Была выявлена наиболее высокая вариативность данных номинаций. Это связано с тем, что частое употребление имён собственных и личных местоимений идёт вразрез с традициями современной немецкоязычной прессы. В языке прессы принято использование как можно большего количества слов-заместителей для обозначения одного лица [1, S. 77]. Важной для журналистов является также возможность выразить свою оценку героя публикации (например, *Diktator*, *USA-Marionette*) и сформировать соответствующее мнение читателей о нём [2, S. 115].

Среди имён нарицательных, которые используются в немецкой прессе для обозначения людей, самыми частотными являются номинации по возрасту, профессии (должности) и происхождению, например: *der 57-Jährige*, *Architekt*, *Brasilianer*. При этом характерно их совместное употребление в рамках одной статьи: «*Vor allem für die Kinder*», sagt Herr Stockmann. Für sich selbst hat *der 56-Jährige* die Hoffnung auf einen Arbeitsplatz fast aufgegeben. Was soll ein *Traktorist* in Frankfurt arbeiten? (BRD, S. 60)

За ними следуют: реляционные имена: обозначающие связи с другими людьми — *Gatte*, *Witwe*, *der Geliebte*; ситуативные номинации — подчёркивающие роль человека в конкретной ситуации: *der Angeklagte*, *Debütantin*; универсальные номинации лиц — такие, как *Mann*, *Frau*; метафорические номинации, например *Muse*, *der verlorene Sohn*; обозначения по признаку материального положения и степени популярности: *Multimillionärin*, *Superstar*. Наиболее редкий случай — присутствие в статье окказиональных композитов, например *Koffermann* «человек с чемоданом».

Номинативная цепочка в рассмотренных текстах состоит в среднем из 3–4 лексических единиц (не считая имени собственного). В случае отсутствия в статье имени собственного почти всегда используются универсальные номинации *Mann* или *Frau*. Состав цепочки зависит от её длины — если мы имеем дело только с двумя лексическими единицами, они обычно не являются синонимами, но

с увеличением количества составляющих (от трех и более) синонимы (контекстуальные либо полные) занимают всё большее место: *Fahrgäste* — *Kunden* — *Passagiere*; *Maler* — *Italiener* — *Künstler*. Во второй приведённой цепочке синонимы контекстуальные, так как состоят в гипонимо-гиперонимических отношениях;

б) в текстах научно-популярного стиля

Номинации лиц обладают наименьшей вариативностью. Как правило, номинативная цепочка состоит из двух (реже трех) компонентов — либо обозначений профессий, либо ситуативных номинаций, которые синонимичны друг другу: *Wissenschaftler* — *Forscher*; *Probanden* — *Testpersonen* — *Versuchspersonen*; *Freiwillige* — *Teilnehmer*. Приведённые примеры представляют собой частотные синонимичные пары, повторяющиеся в большом количестве текстов.

Присутствуют также цепочки с гипонимо-гиперонимическими отношениями, где в качестве гипонима выступает название специализации учёного: *Forscher* — *Psychologen*; *Anthropologinnen* — *Forscherinnen* — *Wissenschaftlerinnen*.

Интересной особенностью являются случаи использования в качестве универсальной номинации не упомянутых выше *Mann* и *Frau*, а *Mensch*. Это связано с противопоставлением «человек»-«животное», имеющем место в некоторых статьях.

Низкая вариативность обозначений людей в данном случае объясняется следующим образом — не играют роли многочисленные характеристики личности, упоминание которых характерно для информационного текста прессы — такие, как возраст и т. п., так как внимание уделяется прежде всего рассказу о результатах исследования;

с) в художественной литературе

Используются, в основном, обозначения лица следующего типа: названия профессий, реляционные, ситуативные, универсальные номинации; обозначения, подчёркивающие личные характеристики — внешность и др.; также метонимия, например *Ledermantel*; окказиональные композиты — *Gürtelmann*; реже, чем в прессе, употребляются номинации по возрасту — при этом возраст указывается не точно, как в газетно-журнальных статьях, а приблизительно — *der Alte*.

Можно отметить наличие метафорических номинаций, например: «*Der tüchtigste Mann in Wien und überdies noch ein Original, ein vorweltlicher Bücher-Saurier aussterbender Rasse*». (STZ, S. 39) В

данном случае мы имеем дело с зоометафорой, состоящей из двух компонентов: основной компонент (второй) является зоонимом, а первый даёт представление о роде занятий обозначаемого лица. Традиционно в качестве зоометафоры для обозначения мужчины используется существительное мужского рода [3, с. 103].

Отличие текстов художественной литературы от текстов прессы состоит также в том, что автор далеко не всегда считает нужным использовать как можно больше номинаций. Количество номинаций обычно обратно пропорционально тому, насколько важна роль конкретного героя в повествовании. Обозначения главных героев более однообразны — большую роль играет имя собственное, наряду с которым во всём тексте произведения могут присутствовать постоянные обозначения персонажа: Bärlach — der Alte; Lenz — der letzte Romantiker.

Большее разнообразие присуще обозначениям второстепенных персонажей — при этом преобладает лексика, подчёркивающая особенности внешности. В данном случае характерным является тип номинативной цепочки, где имя собственное называется в конце (в отличие от текста прессы, где оно указывается в начале статьи) — обычно это происходит при появлении в произведении новых персонажей: der Mann am Steuer — Besitzer — der Dicke — Binding.

Мало распространены случаи использования более 3–4 лексических единиц для обозначения главного героя. Такое бывает, к примеру, если имя собственное так и не становится нам известно, как, например, в «Шахматной новелле» С. Цвейга, где читатель в середине повествования узнаёт только первую букву фамилии главного героя — Doktor В. Но номинативная цепочка включает при этом различные универсальные, ситуативные и реляционные номинации: Herr — Mann — der Fremde — (sein) Gegner — (unser) Retter — der Unbekannte — Homo Obscurissimus (лат.) — der Entflüchtete — (unser) Freund — Anonymos — Ignotus.

2. Номинации животных

а) в информационных текстах прессы

В среднем наблюдается низкая степень вариативности, что объясняется тем, что обычно животные не являются основной темой статьи. Обычно используются синонимические пары или пары из гиперонима и гипонима: Kampfhunde — Hunde; Insekt — Tier. Слово Tier является универсальным контекстуальным синонимом (чаще при обозначении диких животных);

б) в текстах научно-популярного стиля

Отличаются наибольшей вариативностью. Длина номинативной цепочки часто превышает 3–4 единицы. Разнообразие обозначений животных в научно-популярных статьях вполне объяснимо — для данного вида текстов характерно стремление привлечь внимание читателя при помощи необычных номинаций, использования фразеологизмов и т.п. Этим объясняется высокая доля метафорических номинаций животных, которые представляют собой перенос наименования с человека на животное. Например, вместо принятых в биологии понятий *Männchen* и *Weibchen* или наряду с ними употребляются слова *Männer*, *Frauen*, *Damen*, *Herren*, например: *Bei Tanzfliegen ist es üblich, dass ein Männchen der Dame seines Herzens ein Brautgeschenk mitbringt. Dabei sind die Herren recht einfallsreich [...]* (WSD). Используются также термины родства *Söhne*, *Töchter* для обозначения детёнышей животных.

Другие «очеловечивающие» метафоры обозначают свойства характера, особенности поведения и роль в конкретной ситуации: собака — *Schlingel*, *Schmarotzer*; ящерица — *Rekordhalter*; рыбы — *Verehrer*, *Kunde*, *Favorit*; кальмар — *Fotomodell*.

Самая типичная модель номинативной цепочки — «от частного к общему», т. е. в качестве первой номинации используется гипоним: *Mäuse* — *Nager* — *Tiere*. Следует отметить, что номинации животных в большинстве случаев используются во множественном числе, так как обычно в статьях такого рода делаются обобщения в отношении поведения всех животных определённого вида;

с) в художественной литературе

Использование названий животных схоже с их употреблением в информационных текстах прессы. Бóльшая вариативность может наблюдаться в случае описания животного, которое играет важную роль в повествовании. Например, для обозначения собаки в романе Фр. Дюрренматта «Судья и его палач» использованы следующие слова: *Tier* — *Wesen* — *Bestie* — *Hund*. Первые три номинации не проясняют для нас, что это за животное — понятно лишь, что оно большого размера и выглядит угрожающе. Использованные лексические единицы отражают восприятие наблюдателя — комиссара Берлаха, его первые эмоции при встрече с животным: *Er [...] bemerkte jedoch zu spät, dass wenige Schritte vor ihm ein Tier stand. [...] ein so riesenhaftes Wesen hatte er noch nie gesehen. [...] schien die Bestie von einer so grauenenerregenden Art zu sein, dass Bärlach sich nicht rührte.* (DRH, S. 34) В следующих предложениях, где речь

идёт о конкретных действиях животного, — когда собака нападает и её убивают, используется слово *Hund*, как и далее в тексте, когда герои романа вспоминают об этой ситуации. *Und wie nun der Hund plötzlich ansprang, [...]. Der Hund war tot.* (DRH, S. 34) «Wussten Sie, dass Gastmann einen *Bluthund* besaß?» (DRH, S. 106) В последнем случае уточняется порода собаки.

3. Номинации предметов

а) в информационных текстах прессы

Отличаются наибольшим разнообразием. Здесь нужно проводить различие между упоминанием предмета в тексте прессы и теми случаями, когда вся статья посвящена описанию какого-либо предмета, допустим, определённого товара. Например, в статье о популярных шлёпанцах *Crocs*, которые побили все рекорды продаж, используются семь различных номинаций (включая товарный знак): *Plastikschlafpen — Schlafpen — Crocs — so ein Ding — Schuhe — Gummischuhe — Markenartikel*. При этом статья не носит рекламного характера, напротив, автор называет эту обувь «*die hässlichsten Schuhe der Welt*» (STD, S. 32). С наличием таких тематически однородных статей и связана высокая степень вариативности номинаций предметов в информационных текстах прессы — даже бóльшая, чем в художественных.

В случае же упоминания в статье это пары из двух синонимов: *Teehaube — Teewärmer*; *Stehlampe — Stehleuchte* или слов, состоящих в гипонимо-гиперонимических отношениях: *Datengerät — Gerät*.

Среди обозначений предметов имеют место также ситуативные номинации, например, *Statue — Geschenk*, иногда обладающие семантической универсальностью, т. е. возможностью использования по отношению к любому предмету.

Присутствуют также случаи метонимии и метафоры. «*Als die Vögel ins World Trade Center krachten, wusste ich, dass wieder was auf mich zukommt*», sagt der Stabsfeldwebel (STE, S. 52). Слово *Vogel* на профессиональном жаргоне лётчиков обозначает самолёт. Метафорические номинации могут быть, как в последнем примере, зафиксированными в словарях или окказиональными: *zarte Wesen* — о светильниках, *UFO* — о здании стадиона, напоминающем по форме летающую тарелку.

О названиях автомобилей следует сказать отдельно — данная лексика отличается наибольшим разнообразием из всех номинаций предметов — что отчасти связано с важной ролью автомобиля

и особым, эмоциональным отношением владельцев к этим транспортным средствам. В прессе это обусловлено также элементом рекламы в статьях о новинках немецкого автопрома, например Prunk-Schlitten, Flagschiff, Luxusliner, Silberpfeil; Katze, Großkatze — о «ягуаре» (обыгрывается название фирмы), Bayer — метонимическая номинация, основанная на происхождении автомобиля, der rol-lende Gameboy — имеется в виду оснащённость автомобиля новейшей электроникой;

б) в текстах научно-популярного стиля

Данным номинациям свойственна низкая вариативность — традиционной является двухкомпонентная цепочка из контекстуальных синонимов: Behälter — Eimerchen. Случаи метафоры и метонимии отсутствуют даже при большом количестве номинаций в цепочке: Perlenkette — Schmuck — Perlenschmuck — Schmuckstück;

с) в художественной литературе

Длина номинативной цепочки обычно не превышает 2–3 единицы. Как и в текстах прессы, наряду с традиционными заменами на синонимы: Buch — Schwarte, Rarum — Unikum, широко используются узуально закреплённые метафорические номинации: «Für fünfhundert Mark steigern wir *den Kasten* glatt ein» (RDK, S. 385). Слово Kasten, в данном случае относящееся к автомобилю, принадлежит к «универсальным» обозначениям почти любого механизма.

Распространены также окказиональные, авторские метафоры: Er zog seine Uhr aus der Tasche und hielt sie Lenz vor den Augen. «Das hier, du Papierromantiker! Die *Höllmaschine*, die tickt und tickt, dem Nichts unaufhaltsam entgegentickt!» (RDK, S. 168) Höllmaschine заменяет здесь слово Uhr, хотя обычно выступает как название бомбы. Герой романа имеет в виду, что тиканье часов напоминает о ходе времени и приближает человека к смерти.

4. Абстрактные номинации

а) в информационных текстах прессы

Особенностью употребления абстрактных номинаций является то, что в большинстве случаев они заменяются полными синонимами: Ursprung — Herkunft, Chancen — Möglichkeiten; реже встречаются пары из гиперонима и гипонима: Gesetzänderungen — Maßnahmen. Редкий случай представляют собой метафорические номинации абстрактных понятий. В таких цепочках номинаций, как Wiedervereinigung — *Wende* второй компонент изначально возник путём переноса значения, но уже не воспринимается как метафора;

б) в текстах научно-популярного стиля

Номинативной цепочке присущи те же характеристики, что и в предыдущем типе текста: *Debatte* — *Diskussion*, *Eigenschaft* — *Fähigkeit* (синонимы); *Unruhe* — *Verhalten* (гипероним и гипоним);

с) в художественной литературе

Художественный текст отличается более разносторонним описанием чувств и ощущений. Наряду с типичными двухкомпонентными цепочками: *Stolz* — *Triumph*, *Begeisterung* — *Extase*, длина номинативной цепочки с абстрактной семантикой иногда достигает трех или четырех компонентов: *Selbstzerteilung* — *Schizophrenie* — *Bewusstseinsspaltung*. В следующем отрывке мы наблюдаем использование трёх синонимов, четвёртое слово — *Gefühl* — может считаться только контекстуальным синонимом, так как представляет собой гипероним: «*Unbeschäftigt saß ich also da und begann schon jener trägen Passivität zu verfallen, [...] Aus diesem leeren Gefühl blickte ich mir einzeln die Leute an, [...] und diese Art Verdampfung tat beinahe wohl. Aber plötzlich ward ich auf merkwürdige Weise aus meiner Halbschlaferei gerissen, [...]*» (STZ, S. 34).

Таким образом, было выявлено, что самой высокой степенью вариативности, т. е. тенденцией к образованию в большинстве текстов номинативных цепочек из трёх и более компонентов, обладают номинации лица в информационном тексте прессы, занимающие первое место благодаря возможности использования множества реляционных и ситуативных имён, а также номинации животных в научно-популярном тексте.

Тип текста влияет на выбор вариативных лексических средств, к примеру, метафорические номинации предметов являются распространёнными в информационном тексте прессы и в художественной литературе, но практически отсутствуют в текстах научно-популярного стиля. Тематическая принадлежность номинаций также имеет значение для состава номинативной цепочки — в случае с цепочкой из двух единиц при обозначении людей в информационном тексте прессы её компоненты, как правило, не являются синонимами, а при обозначении предметов или абстрактных понятий — напротив, совпадают по значению.

Различные виды номинаций обладают потенциальной вариативностью, степень которой отчасти можно представить себе, просмотрев какой-либо из немецких словарей синонимов, где синонимия понимается очень широко и словарная статья включает наряду с синонимами также гиперонимы, метафорические и метонимические

обозначения предмета (кроме ситуативных и реляционных имён). Однако реализация этого потенциала зависит, в частности, от таких факторов, как тип текста и степень значимости именуемого объекта в структуре повествования. Фактическая вариативность номинаций заслуживает всестороннего рассмотрения, способствующего пониманию смысловой и структурной организации текста.

Литература

1. *Sick B.* Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Köln; Hamburg, 2006.
2. *Faulseit D.* Wie die Leute sich so nennen... // Sprachpflege. 1987. No 8.
3. *Панкратова С. М.* Зоометафора среди *nomina agentis* // Матер. XXXVI Междунар. конф. СПбГУ, 12–17 марта 2007 г. Вып. 2. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб., 2007.

ИСТОЧНИКИ

- (BRD) — Deutschland. 2000. No 6.
(DRH) — *Dürrenmatt Fr.* Der Richter und sein Henker. Der Verdacht. Moskau, 2000.
(RDK) — *Remarque E. M.* Drei Kameraden. Moskau, 1960.
(STZ) — *Zweig St.* Novellen. Moskau, 2001.
(STD) — Der Standard. 19.08.2008.
(STE) — Stern. 2001. No 43.
(WSD) — <http://www.wissenschaft.de>

К вопросу о номинативном статусе эвфемизмов

Как известно, объекты окружающей нас действительности обладают некоторым количеством качеств и свойств, любое из которых может быть положено в основу номинации. При этом внутренняя форма наименования может указывать как на реальные, так и на воображаемые признаки предмета. Выбор признака осуществляет языковая личность в соответствии со своими коммуникативными намерениями и арсеналом языковых средств, которыми она располагает.

Особенности эвфемистической номинации обусловлены, прежде всего, табуированностью денотата, который должен быть назван: в основе нового наименования должен лежать признак, который ещё не был использован в предыдущих актах номинации, при этом связь между старым (прямым) и новым (косвенным) наименованиями должна быть более и менее очевидной.

Отечественный исследователь эвфемии Л. П. Крысин считает, что специфику эвфемистических наименований определяют следующие факторы [1, с. 388–389]:

- 1) оценка говорящим **предмета речи** как такового, прямое обозначение которого может быть квалифицировано — в данной социальной среде или конкретным адресатом — как грубость, резкость, неприличие и т. п.;
- 2) **подбор** говорящим **обозначений**, не просто смягчающих те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а **маскирующих, вуалирующих** суть явления;
- 3) **зависимость** употребления эвфемизма **от контекста** и от условий речи: чем жёстче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов;
- 4) **социальная обусловленность** представления о том, что может быть эвфемизмом: то, что в одной социальной среде расценивается как эвфемизм, в другой может получать иные оценки.

Номинация в данном случае происходит под влиянием субъективных факторов. Возникающие таким образом наименования со-

здаются номинантами «сугубо с целью назвать тот или иной объект действительности в соответствии со своими коммуникативными намерениями» [2, с. 61], при этом количество таких номинаций фактически ни чем не ограничено.

Для эвфемистической лексики характерно постоянное обновление номинаций, поскольку со временем эвфемизм теряет смягчающий, вуалирующий характер, в этой связи возникает необходимость нового наименования. Как и остальные вторичные номинации, удовлетворяющие коммуникативным потребностям языкового сообщества, эвфемизм впоследствии может закрепиться в системе языка, однако такой эвфемизм будет в меньшей степени способен выполнять функцию прикрытого наименования, поскольку его закрепление в языковом узусе неизбежно приведёт к утрате эвфемистического потенциала. А. Д. Швейцер назвал этот процесс «девальвацией эвфемизмов».

Таким образом, использование эвфемизмов обусловлено необходимостью обозначения табуируемого (стигматичного) денотата и соответствующими интенциями номинанта. Под стигмой (греч. stigma, stigmatos — укол, клеймо, пятно) в данном случае понимается «отрицательное качество или свойство денотата, нашедшее своё отражение в *verbum proprium*, т. е. в существующем прямом наименовании, или его antecedente» [3, S. 13]. В целом такие наименования отличает большая сменяемость и недолговечность.

В отношении номинативной природы эвфемизмов в большинстве работ по эвфемии употребляется термин «вторичная номинация» [4–8]. Под этим подразумевают параллельное существование двух наименований: прямого наименования, использовать которое в определённых условиях нежелательно, в связи с чем оно нуждается в замене, и его заместителя — эвфемизма.

Номинативный статус эвфемизмов как единиц вторичной номинации подтверждается их семантической (а) либо морфологической (б) производностью. Первая прослеживается, например, при использовании в качестве номинативной техники метафоры, вторая — при различного рода искажениях прямого наименования, например, опущении, сокращении, аффиксации и т. п.:

- а) *der Gelegenheitsangler* «вор», *heimgehen* «умереть», *linksgestrickt* «гомосексуальный»;
- б) *einen zur Brust nehmen* «выпить», *einen kalten A... haben, am A... sein* «умереть», *lma (leck mich am Arsch)* «иди к чёрту», *versterben* «умереть».

Даже в тех случаях, когда для искажения прямого наименования используется не фонетически подобная единица (Scheibe вместо Scheiße, Arm вместо Arsch), а создаётся новая номинативная единица, её производность даёт нам основания относить её к вторично-языковым наименованиям. Так, эвфемизмы *die To/ die Tö* являются результатом сокращения, а в форме с умлаутом также фонетического искажения прямого наименования *die Toilette* «туалет».

В структурном отношении эвфемизмы представлены словами (1), свободными (2) и устойчивыми (3) словосочетаниями, а также предложениями (4):

(1) *die Anschaffe* «проституция», «кража», *beseitigen* «убить», *doppelgleisig* «бисексуальный», *M-Vitamin* «спиртное»;

(2) Zum Schluss schenkten sie mir eine Platte und brachten mich mit *einem den TÜV fürchtenden Kombi* zum Bahnhof [BvSB. Live., S. 43];

(3) *nicht bis drei zählen können* «быть тупым», *drei Etagen tiefer sein* «быть мёртвым», *schwach auf der Brust sein* «иметь маленькую грудь», *ein Rad zuviel haben* «быть сумасшедшим»;

(4) *Du kannst wohl nichts dafür!* «Ты сумасшедший!»

Als Kind war ich schon ein Fettsack, denn ich hatte eine Großmutter, deren ältester Sohn mit Ruhr aus dem Krieg zurückgekehrt war, das heißt: *Nichts von dem, was er aß, konnte er bei sich behalten* [АН. Ihsg., S. 143].

По оценкам лингвистов, занимавшихся изучением эвфемии в разных языках, особое положение в эвфемистическом словаре, особенно в стилистически сниженном регистре, занимают «устойчивые словосочетания, являющиеся результатом переосмысления тождественных им по форме переменных словосочетаний» [9, с. 23], т. е. фразеологизмы. Этот факт представляется нам неслучайным, поскольку переосмысление компонентов, составляющих фразеологизм, служит вуалированию стигматичного денотата и имеет отвлекающий от прямого наименования эффект. При этом фразеологическая единица, как правило, обладает гораздо большей выразительностью, а иногда и многозначностью. Приведём несколько примеров: *die Straße abklappern* (букв. «исходить всю улицу») «заниматься уличной проституцией», *auf die schiefe Bahn geraten* (букв. «оказаться на ложном пути») «катиться по наклонной плоскости», *den Anschluss verpasst haben* (букв. «пропустить поезд, на который можно/ нужно было сделать пересадку») «не найти спутника жизни»; «не получать повышения». Внутренняя форма последнего эв-

фемизма говорит о произошедшем переосмыслении его непосредственных составляющих, образ пропущенного поезда наводит на мысль об упущенных возможностях — найти спутника жизни или добиться продвижения по карьерной лестнице соответственно.

Термин «вторичная номинация» в литературе, посвящённой эвфемизмам, нередко уточняется термином «косвенная номинация», например, Н. Ю. Линевиц называет эвфемизмы «частным случаем косвенной номинации» [8, с. 107]. По мнению А. М. Кацева, «косвенность номинации эвфемизмов определяется менее тесными и привычными, нежели у слов-табу, связями с денотатами в сфере табуирования» [4, с. 14]. На наш взгляд, большинство исследователей таким образом акцентирует внимание на двуплановости эвфемизма, поскольку он «связан с денотатом опосредованно через первичное наименование объекта или явления» [6, с. 47].

Таким образом, подавляющее большинство эвфемизмов признаётся исследователями единицами вторичной номинации, возникшими в результате переосмысления уже существующих единиц языка, либо являющимися производными от соответствующих прямых наименований.

Номинативный статус эвфемизма определяется также его принадлежностью к единицам языка либо речи. В соответствии с дихотомией Ф. де Соссюра «язык» — «речь», немецкий исследователь З. Лухтенберг различает языковые (Langue-Euphemismen) и речевые (Parole-Euphemismen) эвфемизмы. Первые принадлежат к общему для всех носителей словарному фонду языка с характеристикой смягчения («mildernde Sprechweise»), которая входит в содержание слова как коннотация. Вторые реализуются в коммуникации в специфических условиях и/или используются в пределах узких социальных групп [10, S. 331]. Автор делит эвфемизмы также на узуальные и окказиональные единицы, однако недостаточно чётко разграничивает языковые — речевые эвфемизмы, с одной стороны, и узуальные — окказиональные эвфемизмы — с другой.

Нам представляется целесообразным противопоставление узуальных и окказиональных эвфемизмов. К *узуальным эвфемизмам* относятся эвфемизмы, принятые в узусе и регулярно используемые носителями языка: *andersherum* «гомосексуальный», *der Gottseibeiuens* «дьявол», *in die Jahre kommen* «постареть», *die Örtlichkeit* «туалет», *das Verhältnis* «интимные отношения». При этом фактор лексикографической фиксации носит вспомогательный характер. По мнению некоторых учёных, присутствие эвфемизма в словаре

не является единственным критерием узуальности [11, 12]. Кроме того, как известно, лексикография отражает языковые факты с некоторым опозданием, поэтому мы можем констатировать, что в словарях отмечается лишь небольшая часть узуальных эвфемизмов. К *окказиональным* эвфемизмам мы предлагаем относить единицы, которые реализуют табуируемое значение под влиянием контекста, а также эвфемизмы, не закрепившиеся в узусе, бытующие в разговорной речи, жаргонах и индивидуальном употреблении: *von der Reise zurückkommen* (разг.) «вернуться из заключения», *das Heu* (разг.) «марихуана», *auf Lehrgang sein* (солд. жарг.) «находиться под арестом». Возникнув как *окказиональное* образование, эвфемизм со временем может войти в узус. Данное противопоставление, на наш взгляд, не нейтрализуется наличием переходных случаев и определённой нечёткостью границ между узуальными и *окказиональными* эвфемизмами.

Подводя итог и принимая во внимание особенности взаимодействия эвфемизмов с первичным, прямым наименованием, мы считаем эвфемизмы продуктом вторичной номинации, поскольку они служат наименованию денотатов, для которых уже существуют обозначения, а под косвенностью номинации мы понимаем непрямой, иносказательный характер таких наименований, проступающий на фоне прямого наименования. Кроме того, другой важной характеристикой номинативного статуса эвфемизма является его языковой или речевой статус и выделение узуальных или *окказиональных* эвфемизмов соответственно.

Литература

1. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.
2. Карташкова Ф. И. Косвенная номинация в аспекте мыслительно-языковой деятельности. Иваново, 2003.
3. Gasser-Mühlheim M. Soziale Aufwertungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Frankfurt/M., 1972.
4. Кацев А. М. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического исследования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
5. Бердова Н. М. Эвфемизмы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981.
6. Шейгал Е. И. Эвфемизм и ирония в политическом контексте // Филология=Philologica. № 11. Краснодар, 1997. С. 47–50.

7. *Шейгал Е. И.* Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики: Сб. науч. трудов к 70-летию докт. филол. наук, проф. И. В. Сентенберг. Волгоград, 2000. С. 158–171.

8. *Линевич (Дмитриева) Н. Ю.* Семантический аспект эвфемизмов // Пелевинские чтения-2001. Калининград, 2002. С. 106–114.

9. *Кацев А. М.* К вопросу о семантической структуре эвфемистических словосочетаний в современном английском языке // Структурные аспекты слова и словосочетания: Межвуз. темат. сб. Калинин, 1980.

10. *Luchtenberg S.* Euphemismen im heutigen Deutsch: Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 1975.

11. *Luchtenberg S.* Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu «Deutsch als Fremdsprache» // Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Dt. Sprache und Literatur. Bd. 834. Frankfurt/M., 1985.

12. *Rada R.* Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Budapest, 2001.

ИСТОЧНИКИ

Duden. Deutsches Universalwörterbuch / 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. / Hrsg. und bearb. v. wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996.

Pons. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / Hrsg. v. H. Küpper. Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig: Klett, 1997.

[А. Н. Игс.] — *Hacke A.* Ich hab's euch immer schon gesagt. München, 1999.

[BvSB. Live.] — *Stuckrad-Barre, B. v. Livealbum.* Köln, 1999.

Структурно-семантическая характеристика аэрокосмических субстантивных композитов современного немецкого языка

Настоящая статья посвящена одному из вопросов словообразования, а именно словосложению лексических единиц немецкой аэрокосмической лексики.

Исследование проводилось на материале немецкоязычных средств массовой информации: общественно-политических газет «Die Welt» (99 статей), «Die Zeit» (20) и журналов «Focus» (86), «Spiegel» (35), «Stern» (5) за 2007–2009 годы.

Для образования аэрокосмических лексических единиц в немецком языке используются различные способы: *заимствование* из других языков, например из английского — *Jet* (реактивный самолет), *Jumbo* (широкофюзеляжный самолет), переход номинаций из смежных профессиональных отраслей в авиационную или космическую область, например из мореходства *Flotte* (флотилия), а также различные способы словообразования, такие как *безаффиксное* — *Flug* (полет; от гл. *fliegen*), и *аффиксальное словопроизводство* *Landung* (приземление; посадка), *Frachter* (грузовой самолет; судно), *Flieger* (летчик, пилот), *образование сокращений* — *NASA* (НАСА = Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (США), *EADS* (Европейский аэрокосмический концерн); и *словосложение* — *Luftfahrt* (воздухоплавание; авиация), *Weltraum* (космическое пространство; космос). Среди перечисленных способов образования аэрокосмических лексических единиц в немецком языке наиболее распространенным и продуктивным является словосложение. Всего в анализируемом материале было выявлено 577 неповторяющихся ЛЕ, образованных данным способом.

Большинство германистов под словосложением (композициообразованием) понимают соединение двух и более лексических основ или словоформ в монолитную составную основу, причем компоненты этой составной основы могут, в свою очередь, восходить к корням, производным и сложным основам.

Вслед за принятой в немецкой филологии классификацией (Я. Гримм, О. Бехагель, М. Д. Степанова, В. Фляйшер) все слож-

ные слова в зависимости от способа соединения конstituентов мы разделяем на полносложные (*eigentliche Zusammensetzungen*), первый компонент которых имеет форму основы слова, и неполносложные (*uneigentliche*), первый компонент которых соединяется со вторым при помощи особого соединительного элемента (*Bindeelement*) [1, с. 112]. В результате изучения имеющихся ЛЕ было установлено, что все найденные сложные слова состоят из двух конstituентов. В зависимости от способа соединения эти композиты могут быть как полносложными, так и неполносложными. Проводя дальнейший анализ, мы приходим к выделению различных модификаций данного типа.

1. Соединение в одно сложное слово двух корневых основ — 84 ЛЕ (14,3%): *Weltraum* — космос, космическое пространство; *Raketenstufe* — ступень ракеты.
2. Композиты, первый компонент которых образован от корневой основы, а второй — от производной — 111 (19,3%): *Raumfähre* — космический летательный аппарат; *Frachtflieger* — грузовой самолет; *Raketenbauer* — ракетостроитель.
3. Композиты, первый компонент которых образован от производной основы, а второй — от корневой — 64 (11%): *Flugzeugflotte* — флотилия самолетов; *Flugzeugewerk* — авиазавод.
4. Соединение в одно сложное слово двух производных основ — 68 (11,7%): *Flugesellschaft* — авиакомпания; *Löschflugzeug* — самолет-пожаротушитель; *Besatzungsmitglied* — член экипажа; *Kommunikationssatellit* — спутник связи; *Landeanflug* — заход на посадку.
5. Композиты, первый компонент которых образован от основы сложного слова, второй компонент — от корневой основы слова — 46 (8%): *Sauerstoffmaske* — кислородная маска; *Privatjet-Flotte* — флотилия частных самолетов; *Luftunterstützungsbataillon* — батальон авиационной поддержки.
6. Композиты, первый компонент которых образован от основы сложного слова, второй компонент — от производной основы слова — 76 (13,1%): *Raumfahrtagentur* — агентство по астронавтике и исследованию космического пространства; *Tankflugzeug-Auftrag* — заказ самолетов-заправщиков; *Langstreckenflug* — авиаперелет на дальние расстояния; *Flugzeugmotoren-Hersteller* — производитель двигателей самолета.

7. Композиты, второй компонент которых образован от основы сложного слова, а первый — от корневой основы слова — 49 (8,5%): *Frachtflughafen* — транспортный аэропорт; *Raketentriebwerk* — ракетный (реактивный) двигатель.
8. Композиты, второй компонент которых образован от основы сложного слова, а первый — от производной основы слова — 13 (2,2%): *Flugzeug-Triebwerk* — двигательная установка самолета; *Forschungsflugzeug* — исследовательский самолет.
9. Оба конституента композита — сложные слова — 31 (6,8%): *Weltraumträgerflugzeug* — космический самолет-ракетоносец; *Bundeswehr-Kampfhubschrauber* — боевой вертолет ВС Германии; *F-4E-«Phantom»-Militärflieger* — военный самолет F-4E-«Phantom»; *Luftwaffenstützpunkt* — авиационная база; *Hochleistungssegelflugzeug* — планёр высокой мощности.
10. Первый конституент композита — аббревиатура, второй компонент — корневая основа слова — 8 (1,3%): *DHL-Piloten* — пилот почтового самолета.
11. Первый конституент композита — аббревиатура, второй компонент — производная основа — 6 (1%): *Esa-Astronauten* — астронавт Европейского космического агентства Esa; *GPS-Satellit* — спутник GPS.
12. Первый конституент композита — аббревиатура, второй конституент — сложная основа слова — 21 (3,5%): *EU-Flughafen* — аэропорт Европейского союза (ЕС); *US-Weltraumbehörde* — организация США по исследованию космического пространства; *EADS-B2-Tarnkappenbomber* — бомбардировщик-невидимка B-2 («Стелс») Европейского аэрокосмического концерна EADS.

Как можно заметить, наиболее продуктивными моделями образования сложных слов являются различные варианты соединения в сложное слово корневой и производной основ слов, по которой было образовано 56,3% всех исследуемых ЛЕ. Продуктивными также можно считать модели, при которых композит образуется за счет соединения сложной основы с корневой/производной основами. Общее количество композитов такого типа составляет около 32%. И, наконец, наименее продуктивными являются модели композитов, оба конституента которого являются сложными словами (6,8%), а также модели образования сложного слова, первый конституент которого является аббревиатурой, а второй конституент — корневая, производная основы или основа сложного слова. Число композитов,

образованных по данной модели, составляет лишь 5,8% от общего количества ЛЕ.

Рассмотренное выше подразделение сложных слов на полносложные и неполносложные является структурно-генетическим, так как, с одной стороны, оно учитывает морфологическую структуру композитов и их компонентов, а с другой — также основано на принципе происхождения словообразовательных моделей.

Различение семантики сложных слов происходит на нескольких уровнях. Наиболее общее различие происходит на морфологическом уровне. Здесь проводится разграничение по частям речи, «поскольку разные части речи имеют разные семантические знаменатели» [2, с. 7]. В качестве «знаменателя» для имени существительного В. С. Вашунин называет значение предметности, для глагола — значение действия или состояния, для имени прилагательного — значение свойства, качества или отношения.

Подавляющее большинство исследуемых аэрокосмических лексических единиц представляют собой определительные сложные существительные, конstituенты которых связаны между собой подчинением: первый конstituент определяет, конкретизирует второй. В качестве первого конstituента сложного слова выступает **основа имени существительного** (79,4%), например, *Luftaufklärung* (воздушная разведка), *Raumfahrer* (космонавт, астронавт), *Charter-Fluglinie* (чартерная авиалиния); **основа имени прилагательного** (11,7%) — *Privatflugzeug* (частный самолет), *Zivilflughafen* (гражданский аэропорт), *Regionalfluggesellschaft* (региональная авиакомпания); **глагольная основа** (7,2%) — *Ausweichflughafen* (запасный аэропорт), *Löschflugzeug* (самолет-пожаротушитель), *Tragflügel* (крыло, несущая поверхность); **числительное + имя сущ.** (0,6%) — *Ein-Mann-Flugzeug* (однопилотный самолет), *5-Rumpf-Prototyp* (пятифузеляжный прототип); **сокращенное слово + числительное** (0,7%) — *Su-27SK-Kampfflugzeug* (боевой самолет Su-27SK), *F-4E-«Phantom»-Militärflieger* (военный самолет F-4E-«Фантом»), *SS2-Raumflieger* (летчик-космонавт SS2). Как показывает статистика, наиболее распространены существительные, первый конstituент которых образован от основы имени существительного. Продуктивность такого типа можно объяснить простотой образования сложных слов, при котором происходит соединение двух основ имен существительных, зачастую осуществляющееся без использования соединительных элементов. Напротив, об-

разования, в которых первый конститuent является наречием или числительным, встречается крайне редко.

Дифференциация содержания аэрокосмических композитов по структурно-семантическому компоненту происходит на следующем уровне. Как уже было упомянуто, наиболее характерным для образования композитов аэрокосмической области является образование сложных слов, первый конститuent которого является именем существительным. Поэтому, чтобы более глубоко проникнуть в семантику композита, проводится изучение структурно-семантических свойств первых конституентов и выделяется несколько структурно-семантических субклассов.

Нами было обнаружено, что наиболее часто в качестве первого конститuenta композита используются существительные с **конкретной** семантикой — около 51% (среди них: единичные/нарицательные — 53%: *Motorflug* (моторный полет), *Passagierjet* (пассажирский самолет); вещественные — 8%: *Luftaufklärung* (воздушная разведка), *Wasserflugzeug* (гидросамолет); собирательные — 33%: *Crew-Mitglied* (член экипажа), *Verkehrsflughafen* (транспортный аэропорт); уника — 5%: *Sonnensonde* (автоматическая межпланетная станция для исследования Солнца), *Mondastronaut* — астронавт, находящийся на Луне).

Имена существительные, выполняющие роль первого конститuenta сложного слова и имеющие абстрактную семантику, составляют около 30% всех случаев (*Überschallflugzeug* (сверхзвуковой самолет), *Kommunikationssatellit* (спутник связи)); **собственные** — около 19% (*Apollo-Programm* (программа «Аполлон»), *Lufthansa-Passagier* (пассажир авиакомпании «Lufthansa»). Таким образом, можно сделать заключение, что в образовании аэрокосмического композита в качестве первого его конститuenta наиболее часто используется конкретное имя существительное.

Следующей формой имени существительного — конститuenta сложного слова — является одушевленность/неодушевленность. Исследуя имеющиеся аэрокосмические композиты по данному критерию, мы приходим к заключению, что 71% всех существительных, являющихся первым компонентом композитов — это неодушевленные имена существительные, в то время как количество одушевленных имен существительных намного меньше — 29%. Некоторые конститuentы композитов имеют несколько различных ЛСВ, и, следовательно, могут быть как одушевленными, так и неодушевленными. Так, конститuent *Flieger* (летчик; самолет) в составе ком-

позиты *Fliegerhorst* (авиационная база; *букв.*: база самолетов) несет в себе значение «самолет». В композите *Fliegenerausbildung* (летная подготовка; *букв.*: подготовка летчиков), напротив — значение «летчик, пилот».

Благодаря разделению конstituентов аэрокосмических композитов на данные подклассы, можно определить, чем отличается друг от друга семантика композитов, имеющих синонимичное значение, например, *Wasserflugzeug* — *Seeflugzeug* (*Wasser* — конкретное, вещественное, неодушевленное, неисчисляемое имя существительное; *See* — конкретное, единичное, нарицательное, неодушевленное, исчисляемое).

С тематической точки зрения 90% первых конstituентов авиационных и космических композитов являются именами существительные, обозначающими предметы и явления неживой природы (419 ЛЕ), например *Flugzeugwerk* (авиазавод; *букв.*: завод самолетов), *Hauptstadtsflughafen* (аэропорт столицы), *Sondenflug* (полет зонда, космической станции). Кроме того, было отмечено всего лишь 42 ЛЕ (10%), обозначающих предметы живой природы, из которых 40 единиц — существительные, обозначающие человека (антропонимы), например *Pilotenfehler* (ошибка пилота), *Passagierflughafen* (пассажирский аэропорт).

Разделения на подклассы происходит и при анализе конstituентов композита, образованных от глагольной основы. Так, выделяются глаголы полнозначные, вспомогательные, копулятивные и модальные, переходные и непереходные, личные и безличные, возвратные, предельные и непердельные. В этом отношении следует отметить, что все конstituенты сложного слова — производные от глагольной основы — образованы от полнозначных, личных глаголов. Почти половина из них образована от переходных глаголов различными способами, например *Forschungsflugzeug* (самолет для исследований: глагол *forschen* vt. (исследовать)); *Löschflug* (полет с целью тушения пожаров: глагол *löschen* vt. (тушить)); остальные же являются производными от основ непереходных глаголов (*Landepunkt* — точка приземления: глагол *landen* vi. (приземляться)); *Schwimmvogel* (гидросамолет (мет.)): глагол *schwimmen* vi. (плавать)). Также имеется небольшая группа композитов, первый конstituент которых образован от основы глаголов *starten* vt., vi. (стартовать, запускать; взлетать) и *fahren* vt., vi. (ехать; управлять, везти) — глаголов, которые могут выступать как в качестве переходных, так и непереходных глаголов.

Говоря о первых компонентах композитов — основах имен прилагательных, следует отметить, что 62% (28 ЛЕ) — являются качественными прилагательными, обозначающими различные свойства предмета — второго конституента композита, например: вес, размер: *Leichtflugzeug*, *Kleinflugzeug* (оба со значением «легкий самолет»). Остальные 38% (17 ЛЕ) — это относительные имена прилагательные, выражающие различные отношения между вторым конституентом композита и другим предметом, например отношения предназначения или цели: *Zivilluftfahrt* (гражданская авиация), отношение места: *Regionaljet* (региональный самолет), *Zentralflughafen* (центральный аэропорт) и пр. Следует отметить, что среди выделенных имен прилагательных велико число прилагательных, заимствованных из других языков в тот или иной период развития немецкого языка (53% — 24 ЛЕ), например, из латинского — *Agrarmaschine* (*agrar* — лат. *agrarius* «относящийся к ландшафту, земле»), *Super-Airbus* (*super* — лат. *super* «великолепный, замечательный»), греческого *Megajet* (*mega* — гр. *megas* «большой»), и английского языков — *Minihubschrauber* (англ. *mini* (*miniature*) — «маленький»).

Детерминативные композиты в ряде случаев подвергаются частичному или полному переосмыслению по сравнению со значением их компонентов в самостоятельном употреблении. Наиболее обычным типом переноса значения является метафорическое переосмысление, которое касается либо одного из компонентов, либо всего соединения в целом [3, с. 129–130]. Среди исследуемых аэрокосмических сложных слов можно выделить следующие: *Flugzeugfriedhof* (кладбище самолетов), *Luftbrücke* (воздушный мост), *Jungfernflug* (первый полет нового самолета), *Riesenvogel* (букв. гигантская птица (в основном, о самолете Airbus A 380)).

Одним из примеров метафорического переосмысления сложных слов может послужить композит *Flugzeugfriedhof* (кладбище самолетов). В данной ЛЕ переосмыслен второй компонент — *Friedhof* (кладбище), т. е. территория, специально выделенная для захоронения умерших (людей). Однако в нашем случае, в сочетании с детерминирующей частью *Flugzeug* (самолет), композит приобретает значение — территория, на которую самолеты помещаются с целью долгосрочной или краткосрочной консервации или на которой постепенно разбираются (утилизируются) небоеспособные самолеты.

Другим примером может послужить композит *Jungfernflug*, име-

ющий значение «первый полет нового самолета». Первый компонент данного сложного слова — это имя существительное, одним из значений которого является «девушка; девственница». В сочетании с основным компонентом композиты *Flug* (полет), компонент *Jungfer* меняет свое значение вследствие метафорического переосмысления, в результате которого происходит перенос свойств одного явления на другой на основании признака, сходного для обоих сопоставляемых членов. Так, значение определяющей части композита *Jungfernflug* — «первый (полет)» — сравнивается с молодой, незамужней женщиной, т. е. одним из ЛСВ слова *Jungfer*.

Примечательным является значение слова *Rosinenbomber* («изюмный бомбардировщик»). Прозвище «изюмные бомбардировщики» получили самолеты западных союзников, снабжавшие продовольствием и предметами первой необходимости западные секторы Берлина по воздушному мосту во время сталинской блокады города в 1948–1949 гг. «Изюмными» они стали после того, как по собственной инициативе американские экипажи перед посадкой в Темпельхофе стали сбрасывать берлинским детям небольшие пакеты со сладостями на самодельных маленьких парашютиках. В этих пакетиках чаще всего были шоколад и жевательная резинка, а также предположительно изюм [3]. Но интересен тот факт, что в настоящее время «изюмными бомбардировщиками» именуют все самолёты, обслуживавшие берлинский воздушный мост, хотя и не все они участвовали в «сладких» бомбардировках.

Рассмотренный материал и степень его изученности позволяют резюмировать основные выводы:

- Наиболее продуктивными моделями образования изучаемых композитов являются варианты сложения корневой и производной основ.
- В качестве первого конституента композитов в большинстве случаев выступает основа имени существительного, причем почти всегда это существительное с конкретной семантикой.
- В ходе исследования были обнаружены различные способы соединения одних и тех же конституентов в сложном слове и, следовательно, различное написание одного и того же композита, например, *Flug-Gesellschaft* и *Fluggesellschaft*, *Tank-Flugzeug* и *Tankflugzeug*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.
2. *Вашунин В. С.* Субстантивные сложные слова в современном немецком языке. М., 1990.
3. *Словари и энциклопедии на Академике* — <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/518181>

Структура значения звукоизобразительных слов немецкого языка

Предметом анализа данной статьи является структура лексического значения (ЛЗ) звукоизобразительных слов (ЗИ-слов) немецкого языка, рассматриваемая с позиций интегрального подхода, получившего широкое распространение в лингвистической литературе последних лет [1–3].

Актуальность подобного рода исследований определяется, прежде всего, широко распространенным и принятым по умолчанию мнением о маргинальности лексического пласта звукоизобразительных слов. Тем не менее проведенные нами подсчеты ономотопов (около 4000 лексических единиц, зафиксированных современными словарями немецкого языка) не позволяют отнести рассматриваемые лексемы к периферийным.

В данной статье мы попытаемся дать краткий обзор основных семантических свойств и особенностей структуры лексического значения немецких ономотопов, исходя из общепринятой трактовки ЛЗ, как трехчастной структуры, включающей денотативный, сигнификативный и прагматический компоненты [4, с. 261].

Следует отметить, что денотативный компонент значения ономотопов, определяющий предметную соотнесенность лексемы в каждом конкретном случае, был объектом детального рассмотрения в монографии С. В. Воронина [5, с. 42–68], поэтому в данной статье он затрагивается лишь кратко.

Как известно, ядро ЛЗ составляет его сигнификат или «совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов, формирующих обобщенное понятие» [6, с. 129]. В лингвистических исследованиях сигнификативный компонент ЛЗ звукоподражательных слов не подвергался детальному анализу. Лишь только в книге «Языковая номинация. Виды наименований» А. А. Уфимцева, выделяя звукоподражания в лексико-семантическую группу, обозначающую названия физических и механических свойств конкретных предметов, отмечает, что такие слова хотя и имеют денотат, но он, будучи представлением опредмеченных его свойств, воспринимаемых акустически, сближается с понятием, об-

ретаая значение, в котором денотативный компонент приглушен, предметность дана как бы в снятом виде [7, с. 64].

Действительно, денотат ЗИ-слова носит стертый характер, поскольку в большинстве случаев язык не дифференцирует шумы одного класса, имеющие, тем не менее, различные акустические характеристики.

Так, например, писк вне зависимости от источника своего происхождения, будь то от человека, животного или механического предмета (например, детская игрушка и т. п.) передается в немецком языке лексемами *Piep*, *m* — писк, *piepsen* — пищать и рядом других синонимов несмотря на то, что звуки будут существенно отличаться по своим качественным характеристикам, и человеческое ухо достаточно точно определит источник самого звучания.

В данном случае денотат совпадает с сигнификатом значения, определяемым словарями как очень тонкий, высокий звук. Наряду с этим в словарной статье могут указываться различные источники происхождения шума, что скорее обусловлено стремлением авторов конкретизировать несколько пространное толкование, чем необходимостью языковой дифференциации звуков разного качества: ср. *piepsen* — *in kurzen Abständen feine, hohe, kurz abbrechende Pfeiftöne hervorbringen (bes. von jungen Vögeln)* [8].

О нечеткой выразительности предметно-логического содержания ЗИ-слов можно говорить не только тогда, когда речь идет о прямом, звукоизобразительном значении слова, но в случаях вторичной номинации, основанной на различного рода метонимических (ср.: *prasseln* vi 1. трещать; 2. падать с шумом) и метафорических видах переноса (ср.: *bubbeln* vi 1. булькать; 2. болтать; *flöten* vi 1. играть на флейте; 2. *razg.* говорить притворно сладким голосом).

В случае метафоры вторичное значение ономотопа зачастую является результатом тесного переплетения денотативного и коннотативного компонентов значения, последний из которых скорее перекрывает денотат. В качестве примера рассмотрим случай пейоративного употребления ЗИ-глагола *knarren* 1. трещать; 2. говорить без умолку.

Второй лексико-семантический вариант рассматриваемого глагола обозначает не только процесс говорения как таковой, но и дает определенную (в данном случае отрицательную) характеристику человеческой речи, отмечая её бессодержательность и, как следствие, пустую трату времени на разговор. Коннотативный компо-

нент значения занимает в семантической структуре данного слова доминирующее положение, относя данную лексику к группе коннотированной лексики.

Как показало наше исследование, стертость денотативного компонента значения ЗИ-лексем позволяет ономотопам легко переходить из звуковой сферы обозначения в незвуковую (ср.: *paffen* vi разг. 1. пыхтеть; 2. курить; *schnüffeln* 1. нюхать; 2. шпионить), а также функционировать в сфере абстрактной предметности: ср.: *Bammel*, m страх; *Happigkeit*, f жадность, алчность; *Plumpheit*, f 1. неуклюжесть; 2. топорность; 3. бестактность.

В последнем случае, перенос возникает на основе сложных ассоциативных связей прямого и переносного значений.

Так, например, переживание человеком чувства страха может сопровождаться произвольным сокращением мышц, воспринимаемым нами как дрожь. Немецкий звукоподражательный глагол *bammeln* — *urspr.* lautm.; *vgl.* *bam*; *nach dem Hin- und Herschwingen der Glocke* четко отражает подобные колебательные движения, что, таким образом, и стало возможной причиной появления у существительного *Bammel*, m переносного значения «страх».

Однако малочисленность такого рода примеров в ЗИ-системе немецкого языка свидетельствует о том, что это скорее частный случай языковой номинации. Подавляющее большинство производных существительных относятся все же к группе конкретных имен: *Kläffer*, m 1. брехливая собака; 2. ворчун, брюзга от *kläffen* vi лаять или *Knips*, m 1. щелчок; 2. фотографический снимок от *knips* межд. щелк!.

Таким образом, подвижность денотативного компонента значения ономотопов позволяет им достаточно органично встраиваться в общий словарный фонд немецкого языка и активно функционировать в нем. Это подтверждается широким развитием синонимических отношений ЗИ-глаголов (основной производящей единицы в ЗИ-системе немецкого языка наряду с междометием), представленных, по нашим подсчетам, 74 синонимическими рядами, включающими в общей сложности 841 конститuent.

Периферию ЛЗ образует коннотация, отражающая отношение человека к тому, что обозначено данным словом. Вслед за В. Н. Телия под коннотацией мы понимаем семантическую сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при

её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [9, с. 5].

Таким образом, мы считаем правомерным выделять в структуре коннотации три компонента: 1) эмоционально-оценочный, 2) экспрессивный и 3) стилистический.

Как правило, оценочность ЗИ-слов входит в его предметно-логическое содержание в тех случаях, когда значение ономотопа так или иначе соотносено со сферой деятельности человека. Таким образом, оценочный компонент возникает у ЗИ-слов в результате процессов вторичной номинации, базирующихся, как правило, на метафорических переносах прямого значения ономотопа: ср. *schnattern* vi 1. гоготать; 2. *razg.* болтать, трещать и *grunzen* vi 1. хрюкать; 2. бормотать, невнятно говорить.

Подобное явление было также отмечено А. А. Уфимцевой в английском языке, О. А. Хабибуллиной на материале немецкого, русского и французского языков [10], из чего вытекает общеязыковой характер данного явления. Как отмечает А. А. Уфимцева, «если предметное имя в роли агенса заменяется именем того же ряда, видовые различия не релевантны, прямое номинативное значение остается неизменным; если предметным именем является экземпляр (особь), то образуется переносное значение с модальным признаком» [11].

Так, в случае с ЗИ-глаголом *krähen* 1. каркать, 2. пустить петуха (фальшиво петь) второй ЛСВ приобретает сему отрицательной оценки (сигнализирующую о некотором несоответствии установленной социумом норме исполнения голосом музыкального произведения) в результате метафорического переноса, основанного на ассоциативном сравнении пения вороны и человека. Как видно из примера, модальный признак оценки возникает путем простой подмены агенса при сохранении предметно-логического содержания лексемы.

Подобное тяготение эмоционально-оценочного компонента в сторону отрицательной оценки характерно для подавляющего большинства ЗИ-слов, обозначающих какие-либо реалии из жизни человека, что отражает общеязыковую тенденцию человека заострять внимание на отрицательном, поскольку, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «недовольство жизнью требует особых мотивов, довольство может простекать из одного отсутствия отрицательных факторов. Общеотрицательная характеристика объекта и положения дел в денотативном аспекте более разнообразна, чем общеположительная»

[12, с. 17; 13], в чем проявляется характерная для всего эмоционально окрашенного словарного состава языка тенденция к оценочной асимметрии. Данную особенность отмечают многие лингвисты [12, с. 5–23], указывая на определенный сдвиг оценочной коннотированной лексики в сторону отрицательных эмоциональных оценок.

Подтверждением этих слов может служить и тот факт, что случаи мелиоративного употребления ЗИ-лексем крайне редки (ср., например, глагол *gurren* vi 1. ворковать (например, о голубях); 2. ворковать, мило беседовать).

В данном случае поведение птиц, сопровождаемое соответствующими гортанными звуками, в момент удовольствия, сравнивается с поведением людей во время любезной беседы (т. е. звук играет здесь второстепенную роль, уступая место скорее психическому настроению субъектов коммуникации).

Добавим, что оценочная коннотация характерна не только для корневых лексем, но и для большинства сложных слов со звукоподражательным компонентом в качестве первой части композита: *Bumskneipe*, f кафешантан, ресторан с сомнительной репутацией в сравнении с *Kneipe*, f 'ресторанчик.

Языковая экспрессия звукоподражательных слов может выражаться следующими способами:

1. **Основой** (корнем), сохранившей живую фонетическую мотивировку. Например: *Klatsch* межд. плюх!, шлёп!; *bullern* vi хлокотать; *knarren* vi трещать; *Tratsch*, m болтовня и т. п. Такие слова, по замечанию И. В. Арнольд, сами по себе являются фонетическим стилистическим средством (звукопись или эвфония), поскольку у лексем наличествует соответствие звукового состава фразы изображаемому, т. е. первой или денотативной части сообщения [14, с. 280].

Данный тип коннотации может быть обусловлен, с одной стороны, тесной связью звукоподражательных слов со звуковой стороной обозначаемой ими действительности, с другой стороны, их противопоставлением нейтральным (там, где это возможно), немотивированным единицам словарного состава языка, объединенным синонимическими отношениями: *sagen* vi говорить — *plaudern* vi болтать; *weinen* vi плакать — *heulen* vi рыдать и т. п. В связи с чем ЗП-слова осмысливаются как нестандартные, что и создает экспрессию данных номинативных единиц.

В тех случаях, когда такое противопоставление невозможно,

экспрессия достигается только за счет звукоподражательной мотивировки слова. Например, синонимический ряд имен существительных, обозначающих «звон», состоит только из звукоподражательных конституентов *Klang* — *Gebimmel* — *Geklingel* — *Geklirr*. Это позволяет говорить о наличии у ЗП-слов семантической иррадиации, т. е. способности оноματοпов, будучи включенными в текст, придавать экспрессивность всему высказыванию.

II. **Аллитерацией** (звуковой повтор). Аллитерация как приём, состоящий в повторении одного или нескольких звуков, возникает у звукоподражательных лексем в результате редупликации целого слова или его части: *blabla* бряк!, бряк! (обозначение пустой болтовни), *Kuckuck*, m кукушка, *lallen* vi лепетать, *plemplem* свихнувшийся, что также выделяет звукоподражательное слово на фоне общего словарного фонда.

III. **Различными словообразовательными средствами**. В данном случае речь, как правило, идет о формальной и смысловой мотивированности производных лексем. Как отмечает Т. В. Матвеева: «Если лексический мотиватор экспрессивен, то его значение сохраняется в экспрессивном слове, хотя бы частично» [13, с. 50]. Таким образом, производные от экспрессивно-окрашенных звукоподражательных глаголов следует также относить к группе экспрессивной лексики. В ЗИ-системе немецкого языка для выражения экспрессивности могут использоваться различные словообразовательные средства:

а) **Префиксы**. По-видимому, об экспрессивной функции префикса можно говорить только в случае образования производных существительных по модели приставка «Ge+глагольная основа» для выражения повторяемости, длительности действия, как правило, с отрицательным оттенком: *Gesurre*, n гудение, *Gesumm*, n жужжание. В остальных случаях префиксы выполняют скорее роль модификатора ЛЗ слова: *donnern* vi грохотать — *losdonnern* vi загрохотать.

б) **Суффиксы**. Небольшая группа суффиксов существительных: -ei/-erei, -i (*Bimmelei*, f трезвон, *Klimperei*, f треньканье, *Pfeiferei*, f надоедливый свист, *Knacki*, m разг. отсидевший уголовник).

У следующих двух средств экспрессия достигается за счет необычности фонетического облика слова, путем удвоения, утроения слога или создания рифмы.

в) **Редупликация и трипликация**, которая засвидетельствована только у ЗП-междометий: *Tamtam*, n тамтам (ударный музы-

кальный инструмент азиатского происхождения); *plemplem* свихнувшийся, *blablabla* межд. вздор!

г) *Удвоенные аблаутированные образования*: *Klingklang*, м звук, *ritschratsch* межд. трр! (звук разрывания ткани, бумаги и т. п.).

д) *Рифмованные образования*: *Klimbit*, м музыкальный оркестр, *Remmidemmi*, м/п шум, переполох.

е) *Словообразовательные конструкции* сложных существительных. В основном речь идет о композитах с первым звукоподражательным компонентом: *Patschhand*, f ручонка, *Bammelmaul*, п болтливый язык.

IV. Семантически экспрессивно-окрашенными словами, возникшими на базе нейтральных звукоподражательных лексических единиц в результате разного рода метафорических переносов первичного значения. Например: *kläffen* vi гавкать (о собаке) — *kläffen* vi ругаться (о человеке) и т. п.

В стилистическом отношении ЗИ-глаголы немецкого языка и, соответственно, их производные представляют довольно пеструю картину, о чем свидетельствует разнообразие словарных помет.

Наряду с *нейтральными лексическими единицами* (*lachen* vi смеяться; *plätschern* vi плескаться; *zirpen* vi стрекотать) встречаются многочисленные *разговорные варианты* (*quatschen* vi разг. болтать; *grapschen* vt разг. хватать; *bullern* vi разг. грохотать; *tätscheln* vt разг. ласково похлопывать). Нередки вкрапления *терминов*. В основном данную группу составляет охотничья и фонетическая лексика (*keckern* vi охот. лаять (о лисе), *knappen* vi охот. токовать (о глухарях), *quorren* vi охот. токовать, *Hauchlaut*, м фон. глухой придыхательный звук, *Zischlaut*, м фон. сибиллянт). Встречается также *фамильярная* и *вульгарно-грубая лексика*, «нарушающая определенный социокультурный стандарт между говорящим и слушающим субъектами» [15, с. 125] (*quaken* vi 1. квакать; 2. фам. говорить; *salbadern* vi фам. болтать (вздор); *kläffen* груб. браниться). Довольно многочисленную группу представляют *диалектные варианты* (*kneipen* vt диал. хватать; *plauzen* vi диал. хлопать (дверью); *bremsen* vi диал. храпеть; *schlürfen* vi диал. шаркать; *butzen* vt диал. стучать), особенно распространены глаголы, относящиеся к *нижненемецкому диалекту* (*bützen* vt н.-нем. чавкать, *kakeln* vi н.-нем. болтать (без умолку); *quarren* vi н.-нем. кричать; *stamern* vi н.-нем. заикаться), встречаются также варианты *южнонемецкого диалекта* (*raffeln* vi ю.-нем. болтать; *röhren* vi ю.-нем. кричать), *северонемецкого диалекта* (*pli-*

eren сев.-нем. рыдать; *quinquilirieren* сев.-нем. свистеть), *рейнского диалекта* (*quakeln* vi *рейнск.* болтать), *баварского диалекта* (*pit-pern* vi *бав.* звенеть; *schpackeln* vi *бав.* щелкать; *zuzeln* vi *бав.* сосать).

Приведенный выше анализ, свидетельствует о многочисленности и, как следствие, активном участии ЗИ-лексем в номинативных процессах современного немецкого языка, а также опровергает широко распространенное мнение о маргинальности рассматриваемой лексико-семантической группы.

ЗИ-лексемы, наряду с другими незвукоизобразительными лексическими единицами, подвергаются процессам семантического развития, позволяющим им функционировать не только в звуковой сфере обозначения, но и выходить за её пределы на основе семантических корреляций с незвуковыми тематическими группами, достаточно органично встраиваясь в общий словарный фонд современного немецкого языка.

Данный факт обусловлен, прежде всего, стертостью денотативного компонента значения рассматриваемой группы слов, базирующейся, с одной стороны, на отсутствии дифференциации качественно разных шумов внутри одного класса, с другой стороны, на доминирующей роли коннотативного компонента в семантической структуре вторичных наименований.

Последняя особенность определяет ономотопы в разряд экспрессивных стилистических средств немецкого языка и делает их одним из продуктивных источников пополнения функционального стиля обиходного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка / Под ред. Д. Н. Шмелева. СПб., 1993.
2. *Песина С. А.* Полисемия в когнитивном аспекте. СПб., 2005.
3. *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. 2-е изд., стер. М., 2006.
4. *Ярцева В. Н.* и др. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М., 2002.
5. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. 2-е изд., стер. М., 2006.
6. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М., 2000.
7. *Уфимцева А. А.* Лексическая номинация // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden

[Электронный ресурс] / D. Maurer, S. Mitter u. a. — Österreich, 2000. (CD-ROM).

9. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Под ред. А. А. Уфимцевой. М., 1986.

10. *Хабидуллина О. А.* Звукоподражательные слова в немецком языке в сопоставлении с французским и русским: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Уфа, 2003.

11. *Уфимцева А. А.* Лексическое значение / А. А. Уфимцева; Под ред. чл.-корр. АН СССР Ю. С. Степанова. М., 1986.

12. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984.

13. *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке: Учебное пособие по спецкурсу. Свердловск, 1986.

14. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык. 5-е изд. М., 2002.

15. *Булдаков В. А.* Контенсивно-менталингвистические основы коннотации (на материале лексики и фразеологии современного немецкого языка). СПб., 2007.

Источники возникновения некоторых фразеологических единиц немецкого языка

Цель данной статьи — показать источники возникновения наиболее часто встречающихся фразеологических единиц современного немецкого языка, употребление которых иллюстрируется в подавляющем большинстве случаев примерами из произведений классиков немецкой литературы, а не «модных» современных писателей. В статье не ставится задача решения дискуссионных теоретических вопросов по фразеологии, поэтому статья в целом носит описательный характер.

Как показали исследования, наибольшее количество фразеологических единиц (ФЕ) современного немецкого языка возникло в производстве и ремеслах, торговле, судопроизводстве, военном и рыцарском деле, охоте, науке и искусстве, народных обычаях, религии и суевериях, жаргонах и диалектах.

Производство и ремесла. ФЕ «lange Leitung haben» (медленно соображать, быть тугодумом) появилась после 1900 года, когда вошло в быт электричество. Ведь «lange Leitung haben» означает буквально «иметь длинную проводку». У человека, который плохо соображает, «длинная проводка», по которой услышанное медленно доходит до мозга [1, S. 450]. Данное выражение носит разговорный, фамильярный характер, часто употребляется в устной речи и встречается в художественной литературе, например: «Hansjörg zwang sich zur Ruhe, tat einen Zug aus seiner Zigarette. „Du hast eine ungewöhnlich lange Leitung“, antwortete er» [2, S. 170].

ФЕ «eine Schraube locker (los) haben» (быть не совсем нормальным) возникла сравнительно недавно: в основе ее лежит образное представление о мозге как о механизме, в котором каждый винтик должен сидеть крепко. Только в этом случае человек будет думать и действовать правильно [3, S. 439].

Так, ФЕ «mit j-m in eine (in diesselbe) Kerbe hauen» (быть с кем-л. заодно, стремиться к одной и той же цели, оказывать взаимную поддержку) связана с трудом плотников; буквально выражение «in eine Kerbe hauen» означает «рубить по одной и той же зарубке». Если оба работника ударяют топором по одному месту,

по одной зарубке, то работа скорее приближается к концу, они поддерживают друг друга, стремятся к одной цели [4, Bd. 11, S. 558]. Отсюда ясно и переносное значение этого выражения «действовать сообща», в котором оно употребляется в современном немецком языке, например: «Aber Richard war nun der Meinung: weil Kaiser nicht mit Adolf *in eine Kerbe haut*, muss er wohl mit Richard *in eine Kerbe hauen*» [5, S. 135].

Торговля. ФЕ «etwas auf dem Kerbholz haben», связана с торговой деятельностью людей. Возникла она в XV–XVII веках, когда во многих районах Германии торговцы и трактирщики отмечали нарезками на специальных деревянных палочках долги своих клиентов. (В некоторых местностях, где грамотность была мало распространена, этот обычай сохранился вплоть до XIX века.) Такие палочки, называвшиеся Kerbholz, Kerbstock, были своеобразной книгой долговых записей, которая велась в двух экземплярах: одна находилась у должника, а другая — у дающего в долг. Отсюда возникло и такое выражение, как «auf Kerbholz trinken», что означает пить, беря в долг. Мы находим его в этом значении в драме Шиллера «Валленштейн»: в лагере Валленштейна маркитанка говорит вахмистру, который хочет выпить стаканчик за здоровье Пикколомини: «Das kommt nicht aufs Kerbholz. Ich gebe es gern» [11, S. 229].

Таким образом, выражение «etwas auf dem Kerbholz haben» означало первоначально «иметь долг», а затем стало употребляться в переносном смысле — «иметь за собою какую-либо вину, чувствовать себя виноватым», например: «Sie (die Kellnerin) dachte dabei: „Was ist denn der da draußen für einer? Was hat denn der auf dem Kerbholz? Denn etwas hat er“» [12, S. 352].

ФЕ-синонимы «die Hand ins Feuer für etwas legen», «Gift auf etwas nehmen können» (быть уверенным в чем-либо, ручаться за что-либо головой, дать голову на отсечение) связаны с судопроизводством, правовыми обычаями. Сюда примыкает третий фразеологизм этой группы — «j-m auf etwas Brief und Siegel geben», имеющая своим источником канцелярскую лексику.

Судопроизводство. ФЕ «die Hand ins Feuer für etwas legen» связана со средневековым судопроизводством. Человек, которому предъявлялось обвинение, подвергался испытанию огнем. По степени полученного ожога и по тому, как скоро заживала рана, судили о его виновности или невинности. Испытание огнем для выяснения истины — прием, широко применявшийся в Средневековье и, в частности, в Германии. В словаре братьев Гримм мы находим вы-

ражение «die Hand ins Feuer stecken für die Wahrheit einer Sache» — «сунуть руку в огонь за правое дело», которое тоже может служить косвенным доказательством приведенного выше объяснения.

В современном немецком языке «die Hand ins Feuer (für j-n) für etwas legen» употребляется лишь в переносном смысле и воспринимается как гипербола, например: «Hermann dachte: “Und wenn es doch Schanz ist? Paul hat ihn gebracht. Paul hat *die Hand ins Feuer für ihn gelegt*”» [12, S. 397].

К средневековому судопроизводству восходит и выражение «Gift auf etwas nehmen können»: человек, подозреваемый в преступлении, должен был, в доказательство своей невиновности, принять яд; если яд не действовал, его признавали невиновным.

Вот пример употребления в художественной литературе: «Weiß ich doch nicht was. Aber wenn ich‘ s dir sag, kannst du *Gift darauf nehmen*. Etwas ganz Verrücktes muss passiert sein. So was wie am 30.Juni» [12, S. 18].

Военное и рыцарское дело. Многие фразеологизмы связаны с военной и, в частности, с рыцарской лексикой. Некоторые из них возникли еще в средневерхненемецком (например, «einen im Sack haben» — иметь кого-л. в своей власти), другие в XV–XVI веках (например, «ins Gras beißen» — умирать, «sich aus dem Staube machen» — спастись бегством, удирать и т. д.

ФЕ «ins Gras beißen» со значением «умереть» фразеологические справочники объясняют следующим образом: сраженный на поле боя воин падает и в предсмертных судорогах хватается ртом землю, траву. Выражение «das Gras beißen» означало первоначально «умереть на войне, на поле боя», затем в результате расширения значения оно стало означать «умирать» и при других обстоятельствах. В таком значении оно встречается у немецкого писателя Лёста: «Wozu ist die Polizei sonst da? Ich denke nicht daran, hier ins Gras zu beißen» [14, S. 333].

ФЕ «Lunte riechen» имеет значение «пронюхать о чем-л., почуять беду». Она засвидетельствована в 1685 г. [4, Bd. 11, S. 1307–1308] и могла возникнуть лишь после того, как лексема «Lunte» (первоначально это «Lumpen» — тряпка) получило значение «фитиль для огнестрельного оружия». В XVI–XVII веках такие фитили употреблялись для производства выстрелов из ружей и пушек; выстрел сопровождался сильным запахом гари, который могли почувствовать солдаты противника, еще не видя перед собой врага. Отсюда «Lunte riechen» означало вначале и уже в переносном смысле «за-

метить врага», а затем получило более широкое значение «почувствовать беду, любую опасность, пронюхать о чем-л.». Так, например, в следующем контексте: «Aber, Papa! Rief Wieo (sie wusste sehr gut, dass sie ihrer Mutter das Gespräch nicht hätte führen dürfen, die hätte gleich *Lunte gerochen*. Aber der gute Papa merkte ja nie etwas)...» [15, Bd. 2, S. 162]. Военная лексика является источником ФЕ-синонимов «j-n aufs Korn nehmen», «j-n auf dem Rohre haben» в значении «наблюдать за кем-л., взять кого-л. на примету, на мушку».

Охота. Большое количество ФЕ связано с охотой, птицеловством и рыбной ловлей. Так, идиома «durch die Lappen gehen» входит в обширный синонимический ряд с общим значением «удирать, спасаться бегством». Все просмотренные нами словари и справочники дают одинаковое объяснение этой идиомы: примерно с XVI века для охоты (особенно на лосей) применялись специальные приспособления; большой участок, на котором охотились, огораживался закрепленными на палках полосами полотна, белыми, а иногда и цветными тряпками (Lappen). Эти сооружения предназначались для того, чтобы задержать зверя, испугать его. Лишь в редких случаях животное преодолевало страх и прорывалось через заграждения. В таких случаях говорили: «Er ging durch die Lappen». Появившись как профессиональное охотничье выражение, словосочетание *durch die Lappen gehen* впоследствии начинает употребляться в переносном значении в отношении человека. Как указывает справочник Борхардт-Вустмана, такое употребление выражения *durch die Lappen gehen* впервые засвидетельствовано лишь во 2-й половине XVIII века [3, S. 296–297]. В современном немецком языке идиома *durch die Lappen gehen* имеет широкое распространение, например: «Er sagte: “Wenn dieser Zillich jetzt wiederkommt, dann gib gefälligst sofort mit mir acht, dass uns der Kerl nicht *durch die Lappen geht*”» [9, S. 189].

Входящие в ту же синонимическую группу фразеологизмы «das Hasenpanier ergreifen» и «durchs Garn gehen» связаны также с лексикой охотников и птицеловов. В основе ФЕ «das Hasenpanier ergreifen» лежит образ трусливого зайца, который, убегая, поднимает хвост, уносит его как знамя (das Panier — войсковое знамя). В старых немецких памятниках встречаются также такие выражения, как «der Hasenbanner annehmen» и «das Hasenpanner aufstecken» в значении «das Hasenpanier ergreifen» [5, S. 390].

ФЕ «durchs Garn gehen» связана с ловлей птиц. Das Garn, das Garnnetz — сеть, применяемая птицеловами. «Ins Garn gehen» — по-

пасться в ловушку, соответственно «durchs Garn gehen» — ускользнуть от охотников.

К слою профессиональной лексики относятся четыре фразеологизма одного и того же синонимического ряда со значением «попасться на удочку, дать себя обмануть»: «ins Garn gehen», «in die Falle gehen (geraten)», «auf den Leim kriechen (gehen)», «auf etwas anbeißen».

Устойчивое словосочетание «ins Garn gehen» связано, как указывалось выше, с ловлей птиц. Того же происхождения: «in die Falle geraten» и «auf den Leim kriechen». Leim — клей, которым птицеловы мазали прутья, чтобы таким путем ловить птиц. Устойчивое словосочетание «auf etwas anbeißen» (попасться на удочку) связано с рыболовством. Оно широко употребляется в художественной литературе, например: «Deine alten Leute sind doch ganz passabel. Aus denen kannst du noch herausholen, was du willst. Wie dein Alter auf “den Herrn Präsident *angebissen hat*”» [10, S. 303].

Наука и искусство. В рассмотренных нами фразеологизмах лишь немногие связаны с такими областями человеческой деятельности, как наука и искусство. Такова, например, ФЕ «aus der Schule plaudern/schwatzen», имеющая значение «выболтать что-л.». Она засвидетельствована еще в начале XVI века у Мурнера [3, S. 441].

Основываясь на данных, содержащихся в справочниках, можно объяснить ее возникновение: в Средние века наука искусственно отгораживалась от народных масс, научные знания являлись достоянием небольшой кучки людей, главным образом лиц духовного звания. Знания эти были доступны только кастово замкнутому кругу и должны были держаться в тайне. Про того, кто выбалтывал доверенные ему тайны науки, говорили: «Er plauderte (schwatzte) aus der Schule».

В современном немецком языке фразеологизм «aus der Schule plaudern» употребляется в более широком, переносном смысле, означая выболтать что-л., что не должно явиться общим достоянием, например: «Aber dieser Oskar Lautensack war ein zu einfälliges Gemüt. Er ging zu unvorsichtig um mit der Gabe, die ihm verliehen war. Er machte sich zu viele Feinde. Erst hat er sich gegen ihn, Proell, aufgelehnt, nun gar hat er aus Adolfs Schule geschwatz» [2, S. 324].

ФЕ «die erste Geige spielen» со значением «играть главенствующую роль, задавать тон» (русское «быть первой скрипкой») бесспорно можно связать с деятельностью музыкантов. В оркестре, а особенно в камерном, струнном ансамбле (появившемся в XVII–

XVIII веках) первая скрипка играла главную роль, она в буквальном смысле задавала тон, по которому настраивались и другие инструменты [4, Bd. V, S. 2569.].

В переносном значении выражение «die erste Geige spielen» употребляется чрезвычайно широко (ср. англ. «To play first fiddle»), например: «Louis Schönhusen beispielsweise, ein ehemaliger Zigarrensortierer, den er gut kannte, *spielte* im Tabakarbeiterverband *die erste Geige* und saß im Vorstand der sozialdemokratischen Parteiorganisation» [16, S. 87].

Народные обычаи. Источником довольно большого количества фразеологизмов являются различные народные обычаи, хотя многие из них уже больше не существуют.

Рассмотрим некоторые примеры. В значении «обмануть, одурачить кого-л., водить за нос кого-л.» употребляется устойчивый оборот «j-n an (bei) der Nase herumführen». В словарях и справочниках [4, Bd. IV, S. 404; 5, S. 602] содержатся указания на то, что данная ФЕ возникла в связи с существовавшим еще в Средние века обычаем поводырей водить медведя на веревке, закрепленной в кольце, продернутом через нос животного. Гримм указывает, что выражения «einen bei der Nase herumführen» и «sich bei der Nase herumführen lassen» внесены в словарь впервые в 1711 г. [4, Bd. IV, S. 404]. Словарь приводит интересный пример употребления ФЕ «j-n an der Nase führen» Лютером в его застольных речах: «Wenn der fürst die lateinische sprache lehrnet und studiert, so fürchten die vom adel und rechte, er were jenen zu gelehrt und zu klug und sagen: box marter u.s.w. was? Will e.f.g. ein schreiber werden? Eg. müssen ein regierender fürst werden, müssen weltliche hendel lehren und was zur-reuterey und zum kriege gehört, damit land und leute geschützt und erhalten werden u.s.w., *das ist, narr bleiben, den wir mögen mit der nasen umherführen, wie einen behr*/это значит “остаться дураком, которого мы бы могли водить за нос, как медведя”/».

Пример этот — довольно убедительное доказательство правильности предположения о происхождении фразеологизма «j-n an (bei) der Nase herumführen», который имел первоначально значение «заставить делать кого-л., что тебе хочется» (как это можно сделать с дрессированным животным). В современном немецком языке эта ФЕ, впоследствии получившая значение «обманывать, водить за нос кого-л.», имеет широкое распространение, например: «Als aber Herr Liebenfeld merkte, dass die Frau Rabitz *sich nicht länger an der Nase herumführen lasse*, sei er einfach fortgeblieben» [8, S. 101].

ФЕ «Trübsal blasen» в значении «предаваться печали, хандрить» связана с обычаем возвещать с городской башни звуками рога (или других музыкальных инструментов) о печальных или радостных событиях («Trauer blasen», «Freude blasen». Выражение «Trübsal blasen» является, по мнению авторов словаря «Гримм», как раз вариантом «Trauer blasen»; получив переносный смысл, оно употребляется в значении «печалиться, предаваться грустным мыслям». Начиная с XVIII века оно часто встречается в этом значении в различных вариантах в литературных памятниках [3, S. 493.] и широко распространено в современном немецком языке, например «... Und nach einer Weile nimmt sich Frau Krupaß wieder zusammen und sagt mit einem fast unschuldigen Lächeln: Gott, nun sitze ich auch da und *blasé Trübsal*» [15, S. 419].

ФЕ «Das geht über das Bohnenlied» со значением «это уже слишком» связана с существовавшим в некоторых местностях Германии обычаем выбирать во время увеселений так называемого «бобового короля» — «Bohnenkönig» (это был обычно тот, кому в пироге попался боб.) На этих празднествах, когда веселье было в самом разгаре, пели так называемую «бобовую песенку» — «Bohnenlied». В этой шуточной песенке речь шла о всевозможных проказах и дурачествах, а припев после каждой строфы звучал так: «Nun gang mir aus den Bohnen», что значило «иди своей дорогой, не хочу иметь с тобой никакого дела». То, что превосходит дурачества и глупости, о которых поется в этой песенке, «geht übers Bohnenlied» (*букв.*: превосходит «бобовую песенку»). Отсюда понятно и переносное значение этого выражения — «это уж слишком». По свидетельству словарей ФЕ «Das geht über das Bohnenlied» встречается уже в письменных памятниках XV века. Например: «dieser sach bin ich vast müed, es ist mir übers bohnenlied» (Fastnachsspiele aus dem XV. Jahrhundert / Nachlese v. A. Keller. Stuttgart, 1858. S. 845, 28). И в современном языке: «Ihr fordert, dass ich Lieder singe. Mit Deutschlands Barden Glied an Glied? Der Anblick unsrer deutschen Dinge, Der geht nur über, s Bohnenglied» (Uhland, 1859. Gedichte 1, 474 / Schmidt Hartmann) (данный пример взят из словаря Трюбнера) [7, Bd. 1, S. 385].

ФЕ «j-n in den April schicken» в значении «подшутить над кем-л.» связана с обычаем, существующим у различных европейских народов (в России, Германии, Франции, Англии и т. д.) обманывать в день 1-го апреля. Сейчас это выражение имеет в немецком языке более широкое значение, т. е. «обмануть кого-л., подшутить

над кем-л. вообще», причем не обязательно в день 1-го апреля. Так, например, у Т. Манна: «“Ho!” ruft einer, «Herr Hinnerke! Sie gehen ja falsch!» “Verdammt!” sage ich und kehre um und gehe nach der anderen Seite. Aber das war das Dümme, was ich tun konnte, denn sie hatten mich in den April geschickt, und ich gehe wohin ich nicht will» [17, S. 71].

Фразеологизм «es (faust)dick hinter den Ohren haben» или просто «es hinter den Ohren haben» означает «быть хитрым, пройдохой, тертым калачом» и возник, как явствует из просмотренных нами словарей и справочников, из существовавшего в прежние времена народного поверия о том, что у хитрого человека на затылке (im Nacken) или за ушами (hinter den Ohren) сидит какое-то сказочное существо — домовый или просто плут (Schalk). Отсюда впоследствии развилось другое образное представление: чем хитрее человек, тем толще у него за ушами (es dick (faustdick) hinter den Ohren haben). В Лейпциге, как указывает Борхардт-Вустман, существует грубое выражение в отношении особенно умного человека: *der hat den dicken Dreck hinter den Ohren*.

ФЕ «es (faust)dick hinter den Ohren haben» распространена в современном немецком языке. Она встречается, например, у Фейхтвангера:

«Fernand stammelte Dank. Sie drohte ihm schelmisch mit dem Finger. “Sie haben es dick hinter den Ohren, junger Herr Graf”, sagte sie, “Bei meiner Tochter haben Sie schon einen Stein im Brett”» [21, S. 85]. У Шапера: «. . . Dieser ehrwürdige Herr Liebenfeld, sage ich Ihnen, *hat es nämlich faustdick hinter den Ohren*» [8, S. 103].

Религия и суеверия. Религия и суеверия отражаются и во фразеологических номинациях. В немецком языке встречается целый ряд слов и выражений, обозначающих понятия, связанные с верой в Бога и суевериями. Часть таких выражений получает переносный смысл в силу своей образности, экспрессивности и закрепляется в языке в виде устойчивых словосочетаний. Большое количество ФЕ имеет своим источником Библию, некоторые связаны с различными церковными обрядами, религиозными предрассудками и суевериями, верой в волшебство, магию и т. д.

ФЕ «Am Hungertuch nagen» — «голодать, терпеть нужду» появилась в немецком языке в XVI веке [5, S. 422]. Ее первоначальные варианты собственно «am Hungertuch flicken, sticken, nähen». Возникновение этого фразеологизма словари связывают с существовавшим в Средние века обычаем католической церкви в дни

великого поста закрывать черным покрывалом алтарь. Покрывало это являлось символом поста и называлось «Hungertuch». Оно обычно состояло из нескольких кусков, которые сшивались друг с другом: «es wird am Hungertuch genäht».

В словаре братьев Гримм приводятся примеры употребления различных вариантов ФЕ «am Hungertuch nagen» в XVI и XVII веках: «musz oft eine gute fette küchen lassen, und *am hungertuche flicken*» // «dem eigen weib und kind /knecht, meid und alles hausgesind/das musz am hungertuch dir nehen» [4, Bd. 10, S. 1950].

Бытующий в современном немецком языке фразеологизм «am Hungertuch nagen», конечно, совершенно утратил связь с существовавшим когда-то церковным обычаем. Немецкий исследователь Петцфельд указывает, что он сохранился до наших дней только в некоторых районах Вестфалии, и потому что глагол «nähen»' заменен диалектальной формой, впоследствии неправильно пересмысленной как «nagen», что полностью затемняет первоначальный смысл выражения.

ФЕ «am Hungertuch nagen» в значении «голодать, находиться в крайне бедственном положении» находим, например, в драме Г. Гауптмана «Ткачи» (в песне ткачей):

Hier hilft kein Bitten und kein Flehen,
umsonst, ist alles Klagen,
Gefällt's euch nicht, so könnt ihr gehen
Am Hungertuche nagen [18, Bd. 1, S. 467].

Устойчивый оборот «j-m die Hölle heiß machen» — «запугать кого-л., отравлять чье-л. существование» связан с представлением о существовании ада, в котором человека ждут всякие пытки и ужасы. Глагол «machen» употребляется здесь в значении «vorgemachen», «darstellen», т. е. показать, представить (как известно, в разговорном языке глагол «machen» употребляется чрезвычайно широко и имеет очень много значений [5, S. 335.]. Гримм приводит в этом значении идиому «einem die Hölle rot malen». Ведь нарисовать человеку картину ада и означает запугать его. Такое значение ФЕ «j-m die Hölle heiß machen» можно найти не только в словарях, но и в художественной литературе:

«Und alles würde noch schlimmer warden, wenn er diesen Bengels zu Willen war. Und noch viel schlimmer, wenn er ihnen nicht zu Willen war. Dann würden sie ihm hier *die Hölle heiß machen*» [9, Bd. 1, S. 235].

Со старинными суеверными представлениями немецкого народа связана ФЕ «*einem den (die) Daumen halten*». Она означает пожелание успеха человеку в его планах, начинаниях, это как бы символическая поддержка кого-л., кто находится в трудном положении и подвергается испытаниям.

Согласно народным представлениям, существовавшим еще в глубокой древности, большой палец имеет особенно важное значение, даже какую-то сверхъестественную силу. Так, этот палец мог якобы ночью предотвратить страшные сны, если держать его зажатым в кулак. На существование подобного суеверия указывают просмотренные нами словари и справочники. Борхардт-Вустман приводит в качестве доказательства выдержку из словаря немецких суеверий: «*Wenn der Alp drückt und man kann den Daumen in die Hand bringen, so muss er weichen*» [4, S. 80].

В современном немецком языке ФЕ «*einem den Daumen halten*», носящая разговорный характер, употребляется очень широко (особенно в устной речи). Например: Fridolin: «*Halten Sie die Daumen, Fräulein Glück*» [20, S. 47].

Жаргоны. ФЕ могут возникнуть в жаргонах узких социальных или профессиональных групп. Таков, например, профессиональный жаргон студентов, солдат, деклассированных элементов (воров, преступников, нищих) — так называемое арго. Жаргоны отличаются от нормативного пласта лексики употреблением некоторых своеобразных, свойственных только данному жаргону лексем и словосочетаний. Благодаря экспрессивности, образности некоторых жаргонных выражений они могут со временем стать достоянием нормы. Такова, например, лексема *Kohldampf*, связанная с арго-тизмами *Kol(l)er* — голод, *köl(d)erig* — голодный. «*Es kollert mich*» — «Я голоден». Лексема *Dampf* может обозначать в арго «голод». Особое распространение выражение «*Kohldampf schieben*» получило в солдатском жаргоне. Отсюда у солдат возник композитум «*Kohldampfabwehrkanone*» — полевая кухня. ФЕ «*Kohldampf schieben*» хотя и употребляется в языке довольно широко, но носит грубый характер, являясь вульгаризмом. Эта ФЕ часто встречается в романе Фаллады «Кто раз отведал чечевичной похлебки»:

«*Hunde, die Verdammten! Soll er Kohldampf schieben noch in den letzten Tagen. Und gerade Erbsen, die er so gern isst*».

«*Einer hatte gerufen: “Zuerst einmal gehen wir futtern! Ich habe Kohldampf noch und noch”*» [22, Bd. 30, S. 206].

По данным словаря Г. Пауля [5, S. 3], ФЕ «*abgebrannt sein*» по-

явилась в солдатском жаргоне в XVII веке, а в конце XVIII века проникла в студенческий жаргон, откуда получила распространение и в общенародном языке.

Таким образом, выражение «er ist abgebrannt» стало означать «он потерял все; он гол как сокол» и употребляется теперь не только в отношении погорельцев, но и в отношении любого человека, обедневшего, не имеющего «ни гроша за душой». Например, у Келлермана:

«Nein, zur Zeit hatte er, Baron Johann Stirbey, genannt Janko, keine drei Kronen in der Tasche, auf Ehre. *Er war vollständig, aber vollständig abgebrannt.* Vorgestern hatte er beim Spiel im Kasino seine letzten hundert Kronen verloren» [29, S. 18].

К студенческому жаргону относят идиому «es ist mir wurst» — мне безразлично. Благодаря своему шуточному характеру она получила широкое распространение в общенародном языке.

Диалекты. Фразеологизмы могут возникать и в диалектах и переходить со временем в общенародный язык.

К таковым фразеологическим единицам относится «es ist mir piere» со значением «мне все равно», возникшая в нижненемецких диалектах, о чем свидетельствует лексема «piere» (нижненемецкая форма «Pfeife». В настоящее время эта ФЕ употребляется в немецком литературном языке (но преимущественно в северной Германии). Диалектальное происхождение имеют и две другие ФЕ этого же синонимического ряда (с общим значением «мне все равно») — «es ist mir schnuppe» и «es ist mir pomade». ФЕ «Es ist mir schnuppe» возникла в средненемецких диалектах [5, S. 759.]. В словарях [6, S. 673; 3, S. 436] указывается, что эта ФЕ впервые засвидетельствована в 1878 г. в берлинском диалекте и лишь позднее распространилась по всей территории Германии. Фразеологический оборот «es ist mir pomade» появился в конце XVI века в восточнонемецких диалектах, а затем получил более широкое распространение.

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы:

1. Фразеологические единицы, в том числе и фразеологические синонимы, возникают в силу потребности отразить те или иные дополнительные оттенки значения, подчеркнуть ту или иную сторону содержания и выразить мысль более экспрессивно.

2. Большое количество фразеологизмов возникает в процессе общения членов социума на основе изменения семантики свободных

словосочетаний. Многие из фразеологизмов по своей первоначальной семантике связаны с такими сферами человеческой деятельности, как промышленное производство, сельское хозяйство, наука, судебное дело, искусство, религия и т. д.

3. Среди фразеологических номинаций современного немецкого языка широко развито явление синонимии, которое объясняется разными источниками их возникновения (различные области человеческой деятельности, жаргоны, диалектизмы) и соответственно их разной образной основой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Mannheim, 1992.
2. *Feuchtwanger L.* Die Brüder Lautensack., 1956.
3. *Borchardt-Wustmann-Schoppe.* Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde. Leipzig, 1955.
4. *Grimm Jakob und Wilhelm.* Deutsches Wörterbuch. München, 1984.
5. *Paul Hermann.* Deutsches Wörterbuch. Tübingen, 1992.
6. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1975.
7. Trübners Deutsches Wörterbuch. Berlin, 1936.
8. *Scharrer A.* Familie Schuhmann. M., 1939.
9. *Seghers A.* Der Bienenstock. Bd. 1. Berlin, 1953.
10. *Becher J. R.* Abschied. M., 1955.
11. *Schiller F.* Schillers Werke in fünf Bänden. Bd. 4. Berlin, 1978.
11. *Seghers A.* Das siebte Kreuz. Berlin, 1954.
13. *Seghers A.* Saboteure. M., 1949.
14. *Loest E.* Die Westmarkt fällt weiter. Halle (Saale), 1952.
15. *Fallada H.* Wolf unter Wölfen. Berlin, 1954, Bd. 2.
16. *Bredel W.* Verwandte und Bekannte. M., 1964.
17. *Mann Th.* Königliche Hoheit. Berlin., 1975.
18. *Hauptmann G.* Ausgewählte Dramen. Berlin, 1952, Bd.1.
19. *Grimm J., Grimm W.* Deutsche Sagen. München, 1965, No 80.
20. *Kipphardt H.* Shakespeare dringend gesucht. Berlin, 1954.
21. *Feuchtwanger L.* Narrenweisheit. Berlin, 1955.
22. *Fallada H.* Wer einmal aus dem Blechnapf frisst. Berlin, 1951.
23. *Kellermann B.* Die Stadt Anatol, Berlin, 1955.

О Светлане Михайловне Панкратовой

Имя Светланы Михайловны Панкратовой — профессора, доктора филологических наук, почётного работника высшего профессионального образования Российской Федерации — хорошо известно отечественным и зарубежным германистам, лингвистам, лексикологам, специалистам по фразеологии, а также всем, кто так или иначе связан с кафедрой немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Более пятидесяти лет своей жизни Светлана Михайловна посвятила Университету: это учёба на немецком отделении филологического факультета, аспирантура, педагогическая и научная деятельность, в том числе 13 лет заведования кафедрой немецкой филологии. С. М. Панкратова — автор более 80 печатных работ, среди них монографии, научные статьи, а также учебно-методические издания. Сфера научных интересов С. М. Панкратовой весьма обширна и включает лексикологию, фразеологию, лексикографию, словообразование, семантику, теорию валентности, историю языка.

Светлана Михайловна родилась и выросла в Ленинграде. Раннее детство Светланы Михайловны пришлось на время блокады, ребёнком она ходила в единственный детский сад блокадного Ленинграда, находившийся на улице Чайковского. Её отец Михаил Михайлович погиб в 1942 г. на Ленинградском фронте. Мать Ольга Евгеньевна Кудрявцева — заслуженная учительница РСФСР, депутат городского Совета двух созывов, четырежды орденосеица — проработала 44 года в системе школьного образования города. Вероятно, именно мама сформировала у Светланы Михайловны интерес к преподаванию, интерес, определивший в дальнейшем всю её жизнь.

В 1956 г. С. М. Панкратова с золотой медалью окончила школу № 173 Смольнинского района г. Ленинграда и поступила на немец-

кое отделение филологического факультета ЛГУ по специальности «немецкий язык и литература». Здесь её учителями стали выдающиеся учёные-германисты Т. В. Строева, Л. Р. Зиндер, В. М. Жирмунский, А. В. Федоров, Г. Н. Эйхбаум, научная деятельность которых во многом сформировала современное направление развития кафедры немецкой филологии. В 1961 г. Светлана Михайловна блестяще окончила университет, получив диплом с отличием. Профессиональная деятельность началась в том же году: Светлана Михайловна работала преподавателем в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта, затем — с декабря 1961 г. по ноябрь 1966 г. — на кафедре иностранных языков Ленинградского технологического института им. Ленсовета. За эти и последующие годы сформировался стиль преподавания С. М. Панкратовой — четкий, с ясной внутренней логикой и одновременно яркий и живой. Интерес Светланы Михайловны к самой изменчивой части языковой системы — лексике — действительно заразителен, а способность научить студента, ненавязчиво развить будущего специалиста — ценное качество Светланы Михайловны как преподавателя, за которое ее любят и уважают все студенты, учившиеся у нее. Профессору Светлане Михайловне Панкратовой в полной мере удалось передать свою увлечённость филологией следующим поколениям исследователей: под ее опытным руководством были написаны и защищены десять кандидатских диссертаций.

Научная деятельность С. М. Панкратовой начинается с учебы в аспирантуре (1966–1969) при Ленинградском государственном университете под руководством талантливого специалиста и известного германиста, профессора Татьяны Викторовны Строевой. В 1970 г. С. М. Панкратова защищает кандидатскую диссертацию на тему «Лексическая и синтаксическая сочетаемость имен существительных одной тематической группы». В диссертации намечен научный интерес к проблемам, раскрытым в основных работах С. М. Панкратовой последующих лет — в статьях об обязательной и факультативной сочетаемости, о внутренней и внешней валентности, в работах по фразеологии. Это области лексикологии, где от исследователя требуется способность к нацеленному поиску, умение в обширном массиве лексики выявить внутреннюю упорядоченность ее системы, объяснить механизм соединения разрозненных слов в единую целостную структуру. Светлана Михайловна внесла весомый научный вклад в изучение проблем, исследование которых никогда не потеряет своей актуальности. В 1988 г. состоялась успешная

защита докторской диссертации «Проблемы валентности лексических и синтаксических единиц».

Научные работы Светланы Михайловны, отмеченные объективностью, бережным вниманием к деталям языковедческого исследования, приверженностью академическим традициям характеризуют ее как классического ученого Санкт-Петербургской лингвистической школы.

После защиты кандидатской диссертации Светлана Михайловна становится штатным преподавателем кафедры немецкой филологии ЛГУ, кафедры со сложившимися традициями и блестящим профессорско-преподавательским составом. С тех пор вся деятельность Светланы Михайловны прочно связана с Университетом, где она работала сначала ассистентом (1970–1975), затем старшим преподавателем (1975–1980), доцентом (1980–1991) и с 1991 г. профессором.

За годы работы в университете С. М. Панкратова выполняла самую разнообразную педагогическую работу, при этом в течение многих лет её годовая учебная нагрузка составляла более 800 учебных часов. Она является автором обширных лекционных курсов по истории и лексикологии немецкого языка, спецкурсов по теории валентности, семантике, паремиологии и фразеологии немецкого языка. В качестве высокопрофессионального преподавателя Светлана Михайловна выпустила из стен университета несколько поколений германистов, более 30 её бывших студентов работают преподавателями немецкого языка на факультете филологии и искусств СПбГУ. Курс С. М. Панкратовой по лексикологии немецкого языка является для студентов незабываемым знакомством с тайной слова.

Светлана Михайловна выступала с докладами на конференциях, симпозиумах и заседаниях научных обществ в Санкт-Петербурге, Берлине, Вене, Гамбурге, являлась рецензентом и оппонентом кандидатских и докторских диссертаций, с 1991 по 2006 г. читала лекции и проводила блок-семинары для студентов-германистов в Германии (Берлин, Гейдельберг, Фрайбург, Падерборн), в Австрии (Вена), в Швейцарии (Лозанна). Светлана Михайловна является членом Петербургской лингвистической школы и Международного института европейского образования, многие годы вместе с профессорами В. И. Шадриным и А. В. Зеленчиковым была руководителем Петербургской школы функциональной грамматики. С 1991 по 2003 гг. Светлана Михайловна — член методической ко-

миссии западного цикла факультета. В настоящее время С. М. Панкратова продолжает свою методическую деятельность в восьми аспектных комиссиях кафедры, в том числе по лексикологии, грамматике и истории языка. С 1996 по 2003 гг. Светлана Михайловна исполняла обязанности председателя диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по романо-германской филологии и является членом этого совета по настоящий момент.

Светлана Михайловна всегда принимала активное участие в общественной жизни университета и факультета: с 1970 по 1977 гг. работала в большом профкоме ЛГУ, с 1984 по 1990 гг. была членом профкома факультета, с 1978 по 1982 гг. занимала должность ответственного секретаря приёмной комиссии филологического факультета. Многие годы руководила организацией и проведением студенческих олимпиад по немецкому языку, курировала студенческую практику в ГДР.

Однако одной из своих главнейших задач Светлана Михайловна всегда считала не только подготовку высококвалифицированных специалистов, но воспитание молодых людей, достойных носить звание универсантов, выпускников Санкт-Петербургского государственного университета. И надо сказать, что Светлана Михайловна — любящий студентов и одновременно требовательный Преподаватель и Педагог — блестяще справляется с этой задачей. Удивительная способность совмещать научную, общественную и педагогическую работу во многом объясняется личными качествами Светланы Михайловны, а именно высоким уровнем организованности и ответственности, умением четко планировать время и определять приоритеты.

В 1991 г. профессора Светлану Михайловну Панкратову избирают на должность заведующей кафедрой немецкой филологии СПбГУ. Следующие тринадцать лет — это, вероятно, самый ответственный и напряжённый этап профессиональной деятельности Светланы Михайловны в университете. К исполнению своих обязанностей в должности руководителя она относится с неизменно высокой требовательностью. С. М. Панкратова умело организует многоплановую работу, тактично координирует действия сотрудников, бережно и внимательно относится к вверенной ей кафедре. Декан филологического факультета В. Д. Андреев так отзывался о совместной работе со Светланой Михайловной: «Работать с С. М. Панкратовой легко и просто благодаря четкой организации

трудового процесса на кафедре». При решении различных вопросов в полной мере проявлялось умение Светланы Михайловны понимать и принимать людей с их проблемами и индивидуальными особенностями. На кафедре среди коллег традиционно поддерживается атмосфера доверия, теплого и уважительного отношения друг к другу. Не в последнюю очередь помогало Светлане Михайловне и ее прекрасное чувство юмора, которое отмечают многие, кто близко знаком со Светланой Михайловной.

Светлана Михайловна имеет многочисленные награды. За многолетний добросовестный труд на благо университета в 1987 г. Светлана Михайловна Панкратова была удостоена медали. В знак признания её заслуг в научной и педагогической деятельности в 1999 г. Светлана Михайловна была награждена знаком «Почётный работник высшего образования России» и бронзовой медалью «Филологический факультет» за значительный вклад в развитие факультета, а также благодарностью за многолетнюю работу и добросовестное исполнение обязанностей за подписью ректора СПбГУ Л. А. Вербицкой.

Уроженка нашего города и житель блокадного Ленинграда Светлана Михайловна была отмечена медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945», медалью в память 300-летия Санкт-Петербурга, медалью «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», юбилейным знаком жителя блокадного Ленинграда, медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945», памятной медалью в честь 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

Все, кто знаком со Светланой Михайловной, отмечают ее порядочность, скромность, неизменную доброжелательность, отзывчивость, готовность помочь словом и делом, а также выдержку и твердый характер. Глубокие профессиональные знания, широкий круг интересов настоящего интеллигента, увлечение балетом, живописью, классической музыкой являются яркими составляющими личности Светланы Михайловны.

Сотрудники кафедры немецкой филологии, ученики и друзья сердечно поздравляют Светлану Михайловну с юбилеем, искренне желают ей здоровья, успехов во всех областях деятельности, жизнерадостности и терпения!

К. В. Манерова

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Филиппов К. А., Манерова К. В.</i> Слово в мире текста и человека (вступительная статья)	3
<i>Панкратова С. М.</i> Системность в развитии словарного состава современного немецкого языка	7
<i>Филиппов К. А.</i> О слове и месте словообразования в немецкой грамматике (размышления над конспектом лекций Л. Р. Зиндера)	15
<i>Григорьева Л. Н.</i> О своеобразии лексического наполнения потребительских текстов	23
<i>Подгорная Л. И.</i> Лексико-семантический компонент «эмоция» в современном немецком языке (на материале романа Э. Кестнера «Фабриан»)	35
<i>Пономарева Т. В.</i> Немецкие лексемы тематической группы «одежда» в русском языке	46
<i>Снежинская Г. В.</i> Из наблюдений за иноязычными (немецкими) вкраплениями в некоторых русских текстах научных статей и литературных произведений	55
<i>Тимофеева М. И.</i> Стилизация ранненововерхненемецкой поэзии в творчестве Р. Вагнера	65
<i>Богомяжкова Е. В.</i> Семантика этнонимов в составе фразеологических единиц	78
<i>Ковтунова Е. А.</i> Новые значения как результат игры слов	92
<i>Манерова К. В.</i> Историческое развитие сокращений в немецком языке ..	99
<i>Мельгунова А. В.</i> Вариативность номинаций в тексте	108
<i>Прудывус А. Н.</i> К вопросу о номинативном статусе эвфемизмов	117
<i>Унагиев В. С.</i> Структурно-семантическая характеристика аэрокосмических субстантивных композитов современного немецкого языка ...	123
<i>Филлимоненко А. С.</i> Структура значения звукоизобразительных слов немецкого языка	132
<i>Шадеко В. П.</i> Источники возникновения некоторых фразеологических единиц немецкого языка	141
О Светлане Михайловне Панкратовой	153

Научное издание

«...За каждым словом стоит целый мир»:

Сборник научных статей, посвященный юбилею
профессора кафедры немецкой филологии СПбГУ,
доктора филологических наук
Светланы Михайловны Панкратовой

Редактор *Е. П. Парфенова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Корректор *В. Р. Фатеева*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 12.02.2010. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,3. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: izdat-spbgu@mail.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41